

НАУКА
В
СССР

*Через тернии
к звездам*

№ 46

Н. А. Кудряшов

**БЕРИЯ и
СОВЕТСКИЕ
УЧЕНЫЕ
В АТОМНОМ
ПРОЕКТЕ**

**Судьба
Лаврентия
БЕРИИ**

URSS

Н. А. Кудряшов

**БЕРИЯ
И СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ
В АТОМНОМ ПРОЕКТЕ**

Книга 2

**Судьба
Лаврентия Берии**

**URSS
МОСКВА**

ББК 22.3г 22.383 63.3(2)7 72.3 72.4 91

Кудряшов Николай Алексеевич

Берия и советские ученые в Атомном проекте.

Кн. 2: Судьба Лаврентия Берии. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 288 с.

(Наука в СССР: Через тернии к звездам. № 46.)

Вторая часть научно-исторического исследования Н. А. Кудряшова посвящена описанию жизни и деятельности руководителя специального комитета при Совете Министров СССР Лаврентия Берии. Дается анализ его роли в советском атомном проекте и его участия в разрешении идеологического спора между физиками и философами, позволившего сохранить высокий уровень физической науки в СССР. Обсуждается попытка проведения реформ в Советском Союзе, предпринятая Берией после смерти Сталина. Описаны события, происходившие после ареста Лаврентия Берии: выступления на июльском пленуме его «вчерашних друзей». Обсуждаются материалы следствия по делу Берии и его расстрел. Даны детальные характеристики его помощников и заместителей. Книга содержит много новых фактов о деятельности Берии и его окружения.

Первая часть работы, повествующая о судьбах выдающихся ученых-ядерщиков Советского Союза и особенностях их взаимодействия с Л. П. Берией во время работы над атомным проектом, выходит одновременно со второй в нашем издательстве.

Издание адресовано историкам, специалистам по истории науки, физикам-ядерщикам, а также всем, кто интересуется историей Атомного проекта СССР и судьбами научных исследований в нашей стране.

Рецензенты:

канд. физ.-мат. наук, доцент *В. П. Гладков*;

д-р ист. наук, профессор *В. А. Македонская*

ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

Формат 60×90/16. Печ. л. 18. Зак. №

Отпечатано в ООО «Курганский Дом печати».

640022, Курган, ул. К. Маркса, 106.

ISBN 978-5-9710-3503-9

© ЛЕНАНД, 2016

20144 ID 216135

9 785971 035039

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

От издательства. <i>Ради будущего</i>	4
Предисловие	15
Глава 1. Лаврентий Берия в атомном проекте	20
Глава 2. Берия между физикой и идеологией	51
Глава 3. Смерть Сталина и раздел власти	84
Глава 4. Попытка реформ Лаврентия Берии	92
Глава 5. Арест Берии	126
Глава 6. Июльский Пленум ЦК КПСС 1953 года	137
Глава 7. Следствие по делу Лаврентия Берии и его казнь	177
Глава 8. Расстрелянные генералы из окружения Берии	205
Глава 9. Разные судьбы заместителей и помощников Берии	242
Послесловие	254
Список использованной литературы	261
Список сокращений	267
Приложение 1. Письмо В. А. Махнева Г. М. Маленкову от 11 июля 1953 года	268
Приложение 2. Постановление июльского Пленума ЦК КПСС 1953 года	278
Именной указатель	283

От издательства

Ради будущего

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется. . .

Ф. И. Тютчев

Книга, которую Вы держите в руках, выходит в серии «Наука в СССР: Через тернии к звездам». Первые книги этой серии, в частности посвященные жизни, творчеству и соратникам Л. Д. Ландау, вызвали множество откликов, бурные дискуссии. Одни читатели благодарили нас за подробный, весьма объективный и документированный рассказ о выдающихся советских ученых, об их достижениях, проблемах, судьбах. Другие упрекали в упоминании подробностей личной жизни, говорили о нежелательности обсуждения многих вопросов, касающихся выдающейся научной школы. Третьи считали, что советская действительность была совсем иной, отличной от того образа, который возникает после прочтения этих книг.

Тем не менее, отдавая себе отчет в будущих восторженных отзывах и яростных упреках, мы продолжаем публикацию таких работ. На это у нас есть несколько причин.

Издательство URSS ставит своей целью познакомить широкую аудиторию с достижениями науки, с работами зарубежных, советских и российских ученых, с научной классикой, с лучшими научно-популярными работами. Но наука — это не только новые знания, новые возможности и осознание ограничений, это часть жизни общества, это работа институтов, научных школ,

«незримого колледжа», это судьбы творцов. И без обсуждения этой части реальности картина будет неполной и необъективной. Тем более что во многих случаях прошлое может дать опору, помочь осмыслить накопленный опыт, увидеть проблемы, которые ждут впереди, и уберечь от ошибок.

Одно из самых ярких событий XX века — становление, расцвет и трагическая гибель советской цивилизации. Цивилизации, предложившей миру новый тип жизнеустройства, основанный на стремлении отказаться от вечного исторического проклятия жадности, властолюбия, порабощения и практически воплотить идеалы свободы, равенства, братства. В истории этой цивилизации наука занимает особое место. Именно она позволила предложить большой проект народам Советского Союза и обеспечить его реализацию. Науке уделялось огромное внимание в СССР, её авторитет в обществе был очень велик. Ничего похожего в других странах не было и нет.

Советская цивилизация создала, вырастила, развила великую науку. И её достижения грандиозны — от прорыва в космос и освоения тайн атомного ядра до создания удивительной, оригинальной математической школы. В 1960-х гг. на одном только механико-математическом факультете МГУ работало около 400 спецсеминаров. Страна строила своё будущее на основе знания. Слова песни: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых...» — воспринимались в 1970-х гг. не как лозунг или благое пожелание, а как очевидная реальность.

Взлет советской системы образования опередил, а затем и определил мировые тенденции в подготовке научных и инженерных кадров. Сейчас воспоминания тех, кто учил и учился полвека назад в Московском физико-техническом институте — детище и символе советской эпохи, — воспринимаются как светлая сказка. Подобных возможностей для самореализации, такой научной романтики в других странах не было.

О состоянии и перспективах советской науки можно судить по тому, что тогда писалось, публиковалось и переводилось, и ка-

кими тиражами издавалось. Это было ориентиром для всего мира и, в частности, для нашего издательства. (Первоначально научное издательство URSS мыслилось как организация для перевода и публикации выдающихся советских учебников для испаноязычного мира.)

СССР был научной сверхдержавой (место российской науки в стране и мире значительно скромнее), и именно поэтому воспоминания о советской науке представляют особый интерес. Важно понять, как строилась советская наука, с какими проблемами сталкивались ее творцы, какие успехи и неудачи были на этом пути. И здесь важны не только исторические исследования, но и воспоминания, позволяющие через призму отдельных судеб увидеть смысл, дух и величие эпохи, ткань той реальности.

Проблем и трудностей, трагических страниц в истории советской цивилизации и науки хватало. И это неудивительно. Прошлое человечества с его императивом «каждый за себя, один Бог за всех» отчаянно борется с будущим. Борется в душах людей. Пока «Я» побеждает «Мы». Но такая же борьба происходила в начале этапов развития общества в подавляющем большинстве государств, при наступлении новых эпох в эволюции культуры человечества, при становлении христианства и других мировых религий. За первым взлетом следовал откат. И только потом смыслы, ценности, жизненные стратегии захватывают сознание общества, создают «нового человека».

На этом рубеже новая цивилизация очень хрупка. Перерождение элиты — путь вниз, к накопительству, индивидуализму, упрощению — может перечеркнуть проект, который близок и дорог сотням миллионов. Именно это и произошло с СССР. Общество не имело иммунитета против предательства верхушки...

Воспоминания и размышления об истории предлагают свободу выбора материала и трактовки со своей точки зрения. «Это — субъективная книга. Моя задача — дать читателю общее представление, скорее впечатление, чем знание. Это называется импрессионизмом. А импрессионистов нельзя упрекать

за отсутствие детального рисунка», — пишет известный биолог С. Э. Шноль в своей книге об истории отечественной науки¹.

Это право автора. Право редакции — обратить внимание читателей на ограничения, присущие этому жанру, связанному с субъективным, вольным обсуждением судеб ученых.

Приведем вкратце характеристики этих ограничений, барьеров, с которыми мы столкнулись, формируя данную серию.

Барьер отсутствия выбора

Человек живет не только в рациональной, но также и в эмоциональной и интуитивной сферах. Нам очень хотелось убедить выдающегося специалиста по междисциплинарным исследованиям профессора Д. С. Чернавского (известного пионерскими работами в ядерной физике, биофизике и математической экономике) написать воспоминания о своей жизни в науке. Д. С. Чернавский был знаком с Л. Д. Ландау, Е. М. Таммом, Я. Б. Зельдовичем, сидел за одним столом с А. Д. Сахаровым, работал и общался со многими выдающимися исследователями. Ответ его был таков: «Я видел обычных людей, с их слабостями и величием, с их широтой и ограниченностью. И это проявлялось в конкретных деталях, проблемах, эпизодах, часто довольно скучноватых. Но разве это нужно читателю?! Ему нужны шекспировские страсти, что-то вроде: «Герои и злодеи»² или «Гении и прохиндеи»³. А я знал обычных людей, а назови книгу «Ученые среднего, полусреднего и повышенного уровня», то кто же её будет читать?»

Научную книгу или учебник можно выбрать из нескольких, остановившись на наиболее удачной. С воспоминаниями иначе. Есть то, что есть. Другие люди об этом не написали. Печатать

¹См.: Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. 720 с.

²Шноль С. Э. Указ. соч.

³Бушин В. С. Гении и прохиндеи. М.: Алгоритм, 2004. 512 с.

надо то, что есть. Тут уместна известная фраза И. В. Сталина: «Других писателей у меня для вас нет».

Барьер поляризации оценок

Классикой жанра вольно рассказываемых биографий являются «Жизнеописания» Плутарха⁴. Именно нравственные уроки, преподанные выдающимися людьми Античности, по его мысли, должны были дать опору и пример будущим поколениям полководцев, философов, ораторов, государственных деятелей. Перелистывая страницы этой замечательной книги, видишь, насколько многогранно и бережно прорисована каждая историческая личность.

Человек сложен и противоречив. Это трудно принять. Не укладывается в голове, как мог великий математик XX века Джон фон Нейман, участвовавший в ядерном проекте, предлагать сбросить атомную бомбу на Токио и Киото. Удивительно, как кумиры шестидесятников, певцы духовности и интеллигентности в 1993 году публично объясняли, что «тупые негодяи уважают только силу» и призывали «признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд)»⁵.

Но всё можно «упростить», назначив одних гениями, других злодеями, третьих конформистами (детишки в нескольких продвинутых школах очень любили делить своих одноклассников: ты — гений, Петька — талант, Сашка — посредственность). Сдается, что это, характерное для множества воспоминаний, «приближение» слишком грубое. Конечно, можно одних назначить в Джордано Бруно, других в Галилеи, но обычно это оказывается слишком далёким от реальности и неконструктивным. Но, конечно, и такой взгляд имеет право на существование.

⁴ *Плутарх*. Избранные жизнеописания: В 2 т. Пер. с древнегреч. М.: Правда, 1990.

⁵ Известия. 1993. 5 окт.

Классовый барьер

Человек принадлежит к конкретной социальной группе. И зачастую считает именно её самой важной, лучшей и главной. Для человека удобно высоко оценивать свою профессию, свой выбор. Но очень важно видеть при этом, что и другие люди с не меньшим правом могут претендовать на приоритетность и главенство (например, некоторые олигархи искренне полагают, что «они всех кормят», а жулики считают, что они, как «санитары леса», «наказывают лохов»). И логические доводы здесь бессильны. Естественно, то же относится и к интеллигенции. «Романтическая интеллигенция — бесценная часть общества. Самоотверженность и бескорыстность действительно необходимы человечеству в трудные периоды его жизни... бескорыстные романтические альтруисты, без сомнения, самые лучшие люди. Беда лишь в том, что „народные массы“ руководствуются в повседневной жизни не высокими идеями, а прозаическими эгоистическими потребностями», — пишет С.Э.Шноль. Очевидно, этот «классовый фильтр» — ещё один барьер в восприятии и описании реальности, который читателям приходится принимать во внимание.

О национальном факторе и упоминать страшно. Нет ни одной национальности, представители которой не могли бы с фактами в руках доказать, как жестоко они были обойдены и ущемлены и как обласканы были другие.

Барьер «мы и они»

Конечно, «мы» и «наши» — хорошие, честные, благородные и прогрессивные. А «они» — плохие. «Они», в зависимости от воспоминаний, — это «свирепая фракция», «партийные функционеры», «КГБ», «преступный репрессивный режим сталинского времени», «Академия наук — воплощение партийно-государственного регулирования и подавления свободной мысли». Такой взгляд естественен для атомизированного, капиталистического общества, в котором индивидуализм лежит в основе

мировоззрения. И это тоже жизненная позиция — конечно же, во всем виноваты «они».

Понятно, что при таком отношении к *своему* обществу и к *своему* народу, к *своей* цивилизации из беды не выбраться.

В одном интервью на вопрос о том, каков его счет к советской власти, заставившей немало времени провести в лагерях, Лев Николаевич Гумилёв ответил, что его судьба — заслуга его коллег-ученых, и напомнил французскую пословицу: «Предают только свои». Наверное, он тоже в чем-то прав...

Барьер сведения счетов с прошлым

У каждой семьи своя история, свои взлеты и трагические страницы. И, конечно, велик соблазн «отомстить прошлому», станцевать на шкуре убитого медведя. Антисоветизм и антикоммунизм сейчас очень популярны во многих воспоминаниях, которые мы видим в редакции. Более того, это позволяет обвинять прошлое во всех смертных грехах и не принимать близко к сердцу то, что творится с Россией, ее бывшими союзными республиками и наукой сейчас.

Для ученого наука — смысл и цель жизни. Для общества — инструмент, помогающий защищать, лечить, учить, обустривать свою реальность, заглядывать в будущее. И когда общество и государство это делают, то возникает потребность в науке. Президент АН СССР академик М. В. Келдыш считал, что будущее советской науки — это дальний космос. Но космос — это огромная отрасль, на которую в советские времена работало более 1500 предприятий, около 1 миллиона человек. И это настоящая наука, которая была создана в СССР, а не писание заявок и получение грантов. Россия более 16 лет не имеет ни одного аппарата в дальнем космосе... Академик Д. А. Варшалович, получивший в 2009 году Государственную премию РФ из рук Д. А. Медведева за успехи в космических исследованиях, сравнил нынешние достижения российских специалистов с игрой дворовой футбольной команды на фоне уровня и успехов творцов советской эпохи.

Поэтому слышать от ученых, что возможна великая наука без великой страны, упования на Джорджа Сороса и других меценатов, по меньшей мере странно...

Барьер исполненного желания

Народная мудрость гласит, что самым тяжелым наказанием за многие желания является их исполнение. И во многих воспоминаниях это чувствуется. 1980-е годы. Перестройка. Среди «про-рабов перестройки», её символов — академики Лихачев, Сахаров, Аганбегян, Петраков, Заславская. Ученые и интеллигенция идут во власть. Исполнение желаний шестидесятников о «власти с человеческим лицом». Всё можно читать, критиковать, публиковать. Младшие научные сотрудники и завлабы занимают министерские кабинеты. Вот он, казалось бы, звездный час российской интеллигенции... Тогда не верили тем, кто говорил, что разбитое корыто совсем близко, что войны, кровь, поломанные судьбы не за горами. Что же остаётся? По-черномырдински толковать, что хотели как лучше, а получилось как всегда, сетовать на то, что народ, не приспособленный к перестройке и демократии, попался, или опять валить всё на свирепых большевиков...

Барьер масштаба

Одно из важнейших эволюционных достижений человека — способность выработать мировоззрение, самому судить о событиях разных масштабов и разной природы. Однако глубина и ясность этих суждений в разных областях у человека различны. В воспоминаниях о науке это проявляется с полной очевидностью. Дело в том, что наука очень разнообразна. Этим словом мы называем и многолетнюю работу одного человека по доказательству теоремы, и научное руководство многотысячным коллективом (вспомним эксперименты в области физики элементарных частиц). Ученые отличаются и по типу деятельности — «геологи», ищущие принципиально новые возможности и зачастую

терпящие неудачу, и «ювелиры» (по выражению С. Э. Шноля), занимающиеся огранкой «научных алмазов», месторождения которых были найдены геологами порой несколько десятилетий, а то и веков назад. Воспоминания часто касаются деятельности выдающихся или великих исследователей. Немногие великие могли, как Пуанкаре или Леонардо да Винчи, подробно рассказать о рождении и развитии своей идеи. Поэтому авторам приходится домысливать, додумывать, опираясь на свой опыт и интуицию, которые порой подводят. Наконец, гуманитарные и естественные науки отличаются очень сильно и стилем мышления, и логикой, и самым пониманием, что же такое научный результат. Поэтому от взявшихся за научные мемуары или рассказы требуется большая смелость.

Барьер известного ответа

Его идеально точно выразил учитель истории в известном и любимом советском фильме «Доживем до понедельника», комментируя ответ ученика: «Этот недопонял, тот недооценил... кажется, в истории орудовала компания двоечников». И со школьных времен известно, что тому, кто знает готовый ответ задачи, товарищи, которые трудятся над этой задачей, часто кажутся простоватыми и недалекими.

Это болезнь многих мемуаров, авторы которых точно знают «как надо», не очень представляя, между какими же альтернативами делался выбор. Для многих книг серии «Жизнь замечательных людей» и ряда современных работ о войне это просто беда. Автор, не сумевший получить начальной военной подготовки, с легкостью рассуждает, как надо было командовать фронтом или, на худой конец, армией. Впрочем, об этом барьере прекрасно сказал великий Шота Руставели: «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны». Тем не менее ряду замечательных авторов удается взять и этот барьер.

Несмотря на всё это, мы продолжаем издание серии «Наука в СССР: Через тернии к звездам». Мы думаем, что обсуждение

проблем прошлого поможет разобраться в происходящем, увидеть причины и пути выхода из кризиса, в котором оказался весь мир, и особенно Россия. И неизбежная полемика, столкновение взглядов здесь только поможет. Ведь самая тяжелая участь для цивилизации и науки — забвение.

На физическом факультете МГУ в 1980-х гг. (именно в это время на физфаке учились основатели издательства URSS) была популярна песня «Диалог у новогодней елки» на стихи Юрия Левитанского. Там есть такие строчки:

- *Вы полагаете, все это будет носиться?*
- *Я полагаю, что все это следует шить.*
- *Следует шить, ибо сколько вьюгё ни кружить,*
Недолговечны ее кабала и опала...

Эти слова о многом. И о нашей серии тоже.

Однако наша главная цель — будущее. Мы надеемся и верим, что Россия встанет с колен. И тогда ей понадобится настоящая наука, а не её имитация. Тогда руководители, инженеры, сами ученые будут озабочены тем, как отстроить новое здание отечественной науки. Нам хочется верить, что авторы, анализирующие уроки прошлого, не останутся сторонними наблюдателями современных событий и найдут время, силы и отвагу, чтобы рассказать об актуальном состоянии науки, о проблемах, не решаемых в настоящее время. Ничтожный объем финансирования, «неэффективное» использование средств, предназначенных для научных исследований и разработок, и, как следствие, «утечка мозгов», выпадение нескольких поколений из научной жизни, разрыв в преемственности исследовательских школ — вот лишь неполный перечень существующих на данное время проблем.

И крайне важно вскрывать эти проблемы по горячим следам, предлагать решения в реальном времени, не дожидаясь, когда настоящее станет историей и останется только с горечью сожалеть, как неправильно и несправедливо складывались события.

Надеемся, что книги нашей серии помогут осмыслить историю отечественной науки и вдохновят авторов на анализ современного состояния этой прекрасной, могучей, величайшей сферы человеческой деятельности. И если у кого-то из них на полке окажется книга этой серии, если она кому-то поможет избежать былых ошибок и подскажет путь в будущее, то мы будем считать свою задачу выполненной.

Предисловие

В конце 1942 года один из стадионов Чикаго вошел навсегда в историю не как место проведения спортивных соревнований, а как территория, на которой был впервые смонтирован и запущен ядерный реактор. На стене единственного из сохранившихся зданий стадиона можно прочесть слова: «Здесь 2 декабря 1942 года человек впервые осуществил самоподдерживающуюся цепную реакцию и этим положил начало овладению освобожденной атомной энергией». Под руководством великого итальянского физика Энрико Ферми на стадионе в кратчайшие сроки было возведено грандиозное сооружение. В секретных документах оно именовалось как «Чикагская металлургическая лаборатория». В действительности эта лаборатория представляла собой первый ядерный реактор. В те годы Советский Союз на всех фронтах вел невероятно трудные боевые действия с фашистской Германией, и только в августе 1945 года, после окончания Великой Отечественной войны, страна смогла реально приступить к созданию ядерного оружия. Сейчас можно лишь удивляться тому, как истощенная и разрушенная войной страна смогла за четыре года совершить беспрецедентный подвиг, создав отечественное атомное оружие. До начала войны фашистская Германия была подготовлена для решения этой задачи гораздо лучше, чем США и тем более чем Советский Союз. Но несмотря на то, что в Германии и во время войны оставались такие выдающиеся физики, как Гейзенберг, Ган, Боте, Герц, Арденне, Риль, хорошо понимавшие проблему и способные создать атомную бомбу, разработчиков атомного оружия в Германии преследовал ряд неудач. Одной из основных

неудач атомного проекта Германии было отсутствие в правительстве авторитетного, авторитарного и способного руководителя с огромными полномочиями для решения задач атомного проекта. В Советском Союзе таким руководителем в 1945 году стал Лаврентий Павлович Берия.

Желание разобраться в том, как создавалась атомная отрасль в нашей стране, возникло у меня еще в студенческие годы. Летом 1973 года, работая в стройотряде на Чукотке, я впервые услышал положительную оценку деятельности бывшего сталинского наркома Лаврентия Берии. В то лето среди «бойцов» нашего отряда оказался Сергей Соболев, сын академика Сергея Львовича Соболева, старший научный сотрудник Курчатовского центра, который приехал вместе с нами на летние заработки. 70-е годы прошлого столетия. Теперь мне кажется, что это было счастливое время. Мы были молоды, в своей жизни мы уже не сталкивались с проявлениями жестокого сталинского режима, зато в памяти были живы воспоминания о «хрущевской оттепели», впечатления от недавно прочитанных книг. Однако среди людей моего поколения в те годы существовало устойчивое мнение, что в сталинском окружении не было более кровожадного и коварного министра, чем Лаврентий Берия. В то время я также относился к числу тех, кто воспринимал Берию как самое большое исчадие зла среди всех сталинских помощников. Как и большинство граждан Советского Союза, я знал лишь о негативной стороне его деятельности. Из прочитанной рукописи «Преждевременная автобиография», опубликованной Евгением Евтушенко во французском еженедельнике «Экспресс», мне было известно, что юность поэта «пришлась на годы, когда по Москве ездил автомобиль, из которого высматривались юные девочки, которые похищались для любовных утех сталинского сатрапа». А о том, что Сталин и его помощник, «враг народа» Лаврентий Берия уничтожили всех соратников Ленина и многих других честных коммунистов, мне было известно из материалов Двадцатого съезда КПСС.

Как-то раз во время обеденного перерыва у нас с Сергеем завязался разговор о Лаврентии Берии. Неожиданно для меня Сергей вполне позитивно отзывался об организаторских способностях и человеческих качествах Берии, ссылаясь на мнение людей, близко его знавших. Сергей считал, что Советскому Союзу крупно не повезло в том, что после Сталина руководителем страны стал не Лаврентий Берия, а Никита Хрущёв, умственные способности которого, по мнению Сергея, были весьма примитивны и ограничены. «Берия — интеллектual и блестящий организатор, и если бы он не погиб, то Советский Союз смог бы провести политические и экономические реформы в 50-х годах, став по-настоящему великой державой», — сформулировал свое мнение Сергей. Тогда же он рассказал нам версию того, как «на самом деле» происходил арест Берии. Из его рассказа следовало, что Берию арестовали военные под руководством Г. К. Жукова, проезд которых в Кремль вместе с оружием организовали Хрущёв и Булганин. Во время заседания бюро ЦК партии Берию повалили на пол, закатали в ковер и вынесли в другую комнату. Там он и находился в ковровом плену под охраной до тех пор, пока его не смогли скрытно вывезти в штаб Московского гарнизона. Сергей считал, что Берию расстреляли если не буквально сразу, то через несколько дней, и никакого суда и следствия над ним не велось. Информация мне показалась любопытной, и с того времени я стал интересоваться истинной ролью Лаврентия Берии в истории Советского Союза и при создании ядерного оружия.

Изучив большое количество материалов, я пришел к идее написания заметок о сталинском наркome Л. П. Берии и о ведущих советских ученых, принимавших участие в атомном проекте. Этот выбор объясняется тем, что ряд ученых, о которых пойдет речь в этой книге, мне в той или иной степени знакомы. Некоторых из них я наблюдал на семинарах и научных конференциях, поэтому имею представление о сделанных ими работах. Однако основная причина — в том, что впечатления и мысли выдающихся ученых, которые принимали участие в атомном проекте и

при разработке авиационной и космической техники, объективно более значимы, чем впечатления политиков. По моему мнению, настоящий ученый не может идти на фальсификацию наблюдений и результатов своей работы. Если сказать кратко, то я полагаю, что информация, полученная от ученых естественно-научных специальностей, более достоверна. С юности я себя относил к сторонникам точки зрения профессора Преображенского из повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и полностью разделяю его мысль, сформулированную в замечательной фразе: «Я — человек факта, человек наблюдения и враг необоснованных гипотез». По этой причине большая часть материала для этой книги взята из воспоминаний тех, кто встречался с Берией, а также из документов следствия по делу Берии.

Настоящее издание состоит из двух томов. То, что представлено в первом томе — это, по существу, заметки о выдающихся учёных и организаторах науки двадцатого столетия, принимавших участие в советском атомном проекте. В первом томе даны характеристики Б. Л. Ванникова, П. Л. Капицы, И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, К. И. Щёлкина, Я. Б. Зельдовича, И. Е. Тамма, А. Д. Сахарова, А. П. Александрова, А. Л. Минца и М. Г. Мещерякова. Главная причина выбора именно этих учёных заключается в том, что все они в той или иной степени общались с руководителем Спецкомитета при Совете Министров СССР Лаврентием Павловичем Берией и оставили воспоминания о своём общении с ним и своё мнение о его работе. Создание атомной отрасли в Советском Союзе не могло произойти без постоянного участия и самоотверженной работы одного из самых влиятельных членов правительства. На первом этапе в 1943 и 1944 годах руководство советским атомным проектом было поручено заместителю Председателя совета Министров СССР Вячеславу Михайловичу Молотову. Хорошо известно, что успехов в создании атомного оружия на этом этапе не было, и физики не скрывали своего разочарования ходом работ. Основная идея первого тома — показать читателю роль руководителя

Спецкомитета при создании советского атомного оружия, которую выполнял с 1945 по 1953 годы Лаврентий Берия.

Материал второго тома выходит за тему атомного проекта, но исторически примыкает к ней. Во втором томе сделана попытка объективно представить личность председателя Спецкомитета Л. П. Берии. Исторический парадокс состоит в том, что в силу секретности работ, проводимых по атомному проекту, большинство наших граждан до настоящего времени искренне убеждены, что начиная с 1937 года вплоть до своего ареста Лаврентий Берия возглавлял государственную безопасность Советского Союза и поэтому является чуть ли единственным человеком, ответственным за многочисленные массовые репрессии в Советском Союзе. Его роль в организации атомной промышленности СССР до настоящего времени в должной степени не отражена в литературе. Однако среди физиков-ядерщиков, с которыми автору посчастливилось общаться и которые принимали участие в атомном проекте, понимание политических процессов, происходящих в пятидесятых годах прошлого столетия, является иным, нежели у большинства населения, и автор поставил себе задачу донести эту точку зрения до заинтересованного читателя.

Надеюсь, что представленный материал вызовет интерес у молодых людей, интересующихся историей нашего государства и историей создания атомного оружия в Советском Союзе. Представленные заметки неоднократно обсуждались с моими коллегами по университету и моими учениками. Особую благодарность хотелось бы высказать генерал-майору, профессору Владимиру Семеновичу Бочарову за консультации и предоставление некоторых материалов по атомному проекту, ветеранам атомной промышленности, профессору В. П. Гладкову и доценту Н. С. Погожину, доктору исторических наук, профессору В. А. Македонской за помощь при подготовке рукописи.

«Историю пишут победители. Они определяют, кто был героем. Но ведь есть и побежденные».

*Николай Зенькович,
«Тайны ушедшего века. Власть.
Распри. Подоплека»*

Глава 1. Лаврентий Берия в атомном проекте

В начале 1930-х годов наиболее подготовленной страной для создания ядерного оружия была Германия. Однако идеология гитлеровского нацизма не позволила ей сохранить имеющийся научный потенциал. Гитлер и его окружение, в отличие от Сталина и Берии, не понимали, что мощь страны определяется не только количеством артиллерии, танков и самолетов, но и ее научным потенциалом.

Вся мировая история могла бы пойти другим путем, если бы власть в Германии отнеслась внимательней к своей научной элите в 30-х годах прошлого века, но история не всегда следует логике. А правильней сказать, вообще ей не следует.

Еще в 1934 году в одном из немецких химических журналов появилась статья немецкого химика Иды Ноддак. В своей статье она высказала мысль о том, что Энрико Ферми неправильно истолковывает свои эксперименты ядерных реакций, на самом деле при взаимодействии нейтрона с ядром урана, вполне возможно его деление на две-три части. Ноддак обсуждала свою идею с О. Ганом и предлагала ему поговорить об этом с Ферми, но Ган отговорил Иду от этой затеи, а спустя четыре года сам вместе с Ф. Штрассманом написал свою знаменитую статью, посвященную этой проблеме.

Интернациональный состав участников Манхэттенского проекта состоял, в основном, из ученых, эмигрировавших из Германии или из ее стран-союзников. При разработке ядерного оружия в США приняли участие преимущественно ученые, приехавшие из Европы: Роберт Оппенгеймер, Энрико Ферми, Отто Фриш,

Ганс Бете, Рудольф Пайерлс, Клаус Фукс, Станислав Улам, Эдвард Теллер, Джон Нейман и другие.

Ученые, оставшиеся в нацистской Германии, начали неторопливо работать над созданием ядерного оружия, не имея должной правительственной поддержки. По-видимому, руководство Рейха не верило в возможность быстрого создания атомной бомбы.

Советский Союз в гораздо меньшей степени, чем Германия и США, был готов к работе над созданием ядерного оружия. Несмотря на то, что до войны и в Ленинграде, и в Харькове проводились исследования по ядерной физике, с началом войны они были полностью прекращены. В стране, истекавшей кровью в боях с войсками нацистской Германии, на тот момент не было ни должного уровня научного потенциала для создания атомных бомб, ни соответствующей политической воли руководства. Все это продолжалось до 1942 года, когда работы по урану попали в поле зрения советской разведки, интенсивно работавшей как в Англии, так и в США.

Отметим серьезный шаг, предпринятый Лаврентием Берия, к которому после 20-го июля 1941 года поступали все разведданные. По-видимому, уже к 1942 году он осознал необходимость начала работ по атомному проекту. 10 марта 1942 года Берия подписал докладную записку на имя Сталина, в которой дал характеристику состояния работ по урановому проекту в Англии. Эта записка поучительна тем, что иллюстрирует выдающуюся роль разведки в решении задач по применению атомной энергии для военных целей. В письме, направленном Сталину, говорилось:

« В ряде капиталистических стран, в связи с проводимыми работами по расщеплению атомного ядра с целью получения нового источника энергии, было начато изучение вопроса использования атомной энергии для военных целей.

В 1939 году во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по разработ-

ке методов применения урана для новых взрывчатых веществ. Эти работы ведутся в условиях большой секретности.

В материалах, полученных НКВД в Англии агентурным путем, охарактеризована деятельность английского Уранового комитета по вопросам атомной энергии:

а) английский военный кабинет, учитывая возможности успешного разрешения этой задачи Германией, уделяет большое внимание проблеме использования атомной энергии для военных целей;

б) Урановый комитет военного кабинета, возглавляемый известным английским физиком Д. П. Томсоном, координирует работы видных английских ученых, занимающихся вопросами использования атомной энергии урана как в отношении теоретической и экспериментальной разработок, так и чисто прикладной, т. е. изготовлением урановых бомб, обладающих большой разрушительной силой;

в) эти исследования основаны на использовании одного из изотопов урана (урана-235), обладающего свойствами эффективного расщепления. Для этого используется урановая руда, наиболее значительные запасы которой имеются в Канаде, Бельгийском Конго, в Судетах и Португалии;

г) французские ученые Хальбан и Коварский, эмигрировавшие в Англию, разработали метод выделения изотопа урана-235 путем применения оксида урана, обрабатываемого тяжелой водой. Английский ученый Пайерлс и доктор физических наук Байс разработали способ выделения изотопа урана-235 при помощи диффузионного аппарата, спроектированного доктором Симон, который рекомендован для практического использования в деле получения урана, идущего для изготовления урановой бомбы;

д) в освоении производственного метода выделения урана-235, помимо ряда научно-исследовательских учреждений Англии, непосредственное участие принимают Вульвичский арсенал, а также фирмы „Метрополитен-Виккерс“, химический концерн „Империял Кемикал Индастриес“. Этот концерн дает следующую

оценку состояния разработки метода получения урана-235 в производстве урановой бомбы. Научно-исследовательские работы по использованию ядерной энергии для урановых бомб достигли стадии, когда необходимо начать работы в широком масштабе. Эта проблема может быть разрешена, и необходимый завод может быть построен;

е) Урановый комитет добивается кооперирования с соответствующими научно-исследовательскими организациями и фирмами США (фирма „Дюпон“), ограничиваясь лишь теоретическими вопросами. Прикладная сторона разработки основывается на следующих главных предположениях, подтвержденных теоретическими расчетами и экспериментальными работами, а именно: профессор Бирмингемского университета Пайерлс определил теоретическим путем, что масса 10 кг урана-235 является критической величиной. Количество этого вещества меньше критического значения устойчиво и совершенно безопасно, в то время как в уране-235 массой больше 10 кг возникает прогрессирующая реакция расщепления, вызывающая колоссальные силы взрыва. При проектировании бомб активная часть должна состоять из двух разных половин, масса которых в сумме превышает критическую величину. Для производства максимальной силы взрыва этих частей урана-235, по данным профессора Фергюссона из научно-исследовательского отдела Вульвичского арсенала, скорость перемещения масс должна лежать в пределах 6000 футов в секунду. При уменьшении этой скорости происходит затухание цепной реакции расщепления атомов урана и сила взрыва значительно уменьшается, но все же во много раз превышает силу взрыва обычного ВВ (взрывчатого вещества).

Профессор Тейлор подсчитал, что разрушительное действие 10 кг урана-235 будет соответствовать 1600 т ТНТ. Вся сложность производства урановых бомб заключается в трудности отделения активной части урана-235 от других изотопов, изготовлении оболочки бомбы и получения необходимой скорости перемещения масс.

По данным концерна „Империял Кемикал Индастриес“ (ISI), для отделения изотопов урана-235 потребуется 1900 аппаратов системы доктора Френсис Симон стоимостью 300 000 миллионов фунтов стерлингов.

При производстве таким заводом 36 бомб в год стоимость одной бомбы будет равна 236 000 фунтов стерлингов по сравнению со стоимостью 326 000 фунтов стерлингов 1500 т ТНТ.

Изучение материалов по разработке проблемы урана для военных целей в Англии приводит к следующим выводам:

1. Верховное военное командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана-235 для военных целей.

2. Урановый комитет английского верховного командования разработал предварительную теоретическую часть для проектирования и постройки завода для изготовления урановых бомб.

3. Усилия и возможности наиболее крупных ученых научно-исследовательских организаций и крупных фирм Англии объединены и направлены на разработку проблемы получения урана-235, которая особо засекречена.

4. Английский военный кабинет занимается решением вопроса об организации производства урановых бомб.

Исходя из важности и актуальности проблем практического применения ядерной энергии для военных целей в СССР, было бы целесообразно:

1) проработать вопрос о создании Научно-совещательного органа при Государственном Комитете Обороны СССР из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций, занимающихся вопросами ядерной энергии;

2) обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего их использования.

Народный комиссар внутренних дел. Л. Берия.

Реакция Сталина на это письмо неизвестна, но можно предположить, что этот основательный документ, подготовленный квалифицированными разведчиками, Берия докладывал Сталину лично, в устной форме.

Тем не менее 28-го сентября 1942 года Государственный Комитет Оборона выпустил распоряжение «Об организации работ по урану» и одобрил создание специальной лаборатории по исследованию атомного ядра при Академии наук.

11-го февраля 1943 года курировать атомный проект со стороны ГКО было поручено В. М. Молотову, а заместителем Молотова был назначен Берия.

В своем письме 7 марта 1943 года председателю Совнаркома М. Г. Первухину, Курчатов дает следующую оценку информации, полученной по линии разведки:

«Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего насущного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения. Вся совокупность сведений указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей.»

И. В. Курчатов

Если до 1943 года данные разведки содержали лишь информацию, предлагаемую самими разведчиками, то в записке от 22 марта 1943 года, адресованной Берии, Курчатов поставил перед разведкой вполне конкретные вопросы. Он писал:

«Ознакомившись с американскими публикациями (данными разведки) по этому вопросу, я смог установить новое направление в решении всей проблемы урана. Перспективы этого направления необычайно увлекательны. Бомба будет сделана из „неземного“ материала, исчезнувшего на планете. До сих пор в нашей стране работы по трансурановым элементам и, в частности, по плутонию не проводились. Все, что известно в этом направлении, было

выполнено профессором Мак-Милланом (Калифорния, Беркли). Можно с несомненностью утверждать, что соответствующий материал у профессора Мак-Миллана имеется. В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой дать указания Разведывательным Органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке.

И. В. Курчатов
»

В феврале 1944 года по распоряжению Берии в НКВД был создан отдел «С» для обработки материалов по атомной тематике под руководством генерала П. А. Судоплатова. Тем не менее работа по атомному проекту продвигалась крайне медленно.

29 сентября 1944 года Курчатов писал Берии:

« В письме т. М. Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и об их колоссальном развитии за границей. В течение последнего месяца я занимался предварительным изучением новых весьма обширных (3000 стр. текста) материалов, касающихся проблемы урана. Это изучение еще раз показало, что вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов. У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943–44 годах, положение остается совершенно неудовлетворительным (за это время число сотрудников лаборатории № 2 возросло с 25 до 83). Особенно неблагоприятно обстоит дело с сырьем и вопросами разделения. Работа лаборатории № 2 недостаточно обеспечена материально-технической базой.

Работы многих смежных организаций не получают нужного развития из-за отсутствия единого руководства и недооценки в этих организациях значения проблемы. Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре.

И. В. Курчатов
»

Постановлением ГКО от 3 декабря 1944 года на Берия было возложено «наблюдение за развитием работ по урану», то есть всех работ по атомному проекту.

В своей книге генерал П. А. Судоплатов пишет:

« В 1944 году Хейфец (резидент КГБ в Америке, впоследствии — член Еврейского антифашистского комитета, арестованный по его делу в 1951 году, но счастливо избежавший расстрела) доложил мне и Берии свои впечатления о встречах с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Выслушав доклад Хейфеца, Берия сказал, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения. Я пригласил ученых к себе домой на обед. Однако это был не только гостеприимный жест, по приказанию Берии я и мои заместители — генералы Эйтингон и Сазыкин — как оперативные работники должны были оценить сильные и слабые стороны Курчатова, Алиханова и Кикоина. Мы вели себя с ними как друзья, доверенные лица, к которым они могли обратиться со своими повседневными заботами и просьбами.

Однажды вечером после работы над очередными материалами мы ужинали в комнате отдыха. На накрытом столе стояла бутылка лучшего армянского коньяка. Я вообще не переношу алкоголя, даже малая доля всегда вызывала у меня сильную головную боль, и мне казалось, что наши ведущие ученые по своему складу и напряженной умственной работе тоже не употребляют алкогольных напитков. Поэтому я предложил им по чайной ложке коньяку. Они посмотрели на меня с изумлением, рассмеялись и налили себе полные рюмки, выпив за успех нашего дела.

В начале 1944 года Берия приказал направлять мне все агентурные материалы, разработки и сигналы, затрагивавшие лиц, занятых атомной проблемой, и их родственников. Вскоре я получил спецсообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на связи.

Когда я об этом проинформировал Берию, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о „шалостях“ его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной техникой прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков.

Я был удивлен, что на следующий день Берия появился в лаборатории у Кикоина, чтобы окончательно развеять его опасения относительно брата. Он собрал всю тройку — Курчатова, Алиханова, Кикоина — и сказал в моем присутствии, что генерал Судоплатов придан им для того, чтобы оказывать полное содействие и помощь в работе; что они пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным. Вся информация, которая предоставляется им, должна помочь в выполнении задания Советского правительства. Берия повторил: нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, — им гарантирована абсолютная безопасность. Ученым будут созданы такие жизненные условия, которые дадут возможность сконцентрироваться только на решении вопросов, имеющих стратегически важное значение для государства.

По указанию Берии все ученые, задействованные в советском атомном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам; весь персонал атомного проекта был обеспечен специальным питанием и квалифицированной медицинской помощью.

В это же время все личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, напрямую участвовавших в проекте или в получении разведывательной информации по атомной проблеме, были переданы из управления кадров в секретариат Берии. Тогда же в секретариат Берии из американского отдела передали наиболее важные оперативные материалы по атомной энергии, добытые разведкой. Из дела оперативной разработки „Эноммоз“ по атомной бомбе было изъято около двухсот страниц. В целях усиления режима безопасности без санкции Берии никто не имел доступа к этим материалам. Помню конфликт с заместителем Берии Завенягиным, который требовал ознакомить его с документами. Я отказал ему, и мы крепко поссорились; он получил доступ к материалам разведки только после разрешения Берии.

П. А. Судоплатов

В отзывах Курчатова от 5-го марта и 6-го апреля 1945 года дается высокая оценка информации, полученной от разведки, о методе приведения в действие атомной бомбы:

« Материал представляет большой интерес: в нем наряду с разрабатываемыми методами и схемами указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались. К ним относится применение „взрыва внутрь“ для приведения бомбы в действие.

В материале изложен метод приведения бомбы в действие „взрывом внутрь“ (implosion method), о котором мы узнали совсем недавно и разработку над которым только еще начинаем. Однако уже сейчас нам стали ясными все его преимущества перед методом встречного выстрела.

Описаны интересные явления неравномерного действия взрывной волны. Очень ценны указания на то, что эта неравномерность действия может быть устранена соответствующим расположением детонаторов и применением прослоек взрывчатого вещества различного действия.

Ввиду того, что исследования по этому методу у нас совсем еще не продвинулись вперед, сейчас невозможно сформулировать в этой области вопросов, требующих дополнительного освещения. Я бы считал необходимым показать соответствующий текст профессору Ю. Б. Харитону.

Сразу после капитуляции Германии заместитель Берии по Спецкомитету и заместитель наркома внутренних дел с 1941 по 1951 год, генерал-лейтенант А. П. Завенягин отправился в Берлин для поиска физиков, участвовавших в германском урановом проекте. В Советский Союз по добровольно-принудительному принципу прибыли специалист по диффузионному разделению изотопов, Нобелевский лауреат Густав Герц, конструктор электронно-оптических приборов Манере фон Арденне, специалист по металлургии урана Николай Риль, которому после первого атомного взрыва в СССР было присвоено звание Героя Социалистического Труда, и ряд других специалистов. Они внесли большой вклад в разработку советской атомной бомбы, в частности сконструировав сверхскоростную центрифугу для разделения изотопов.

На Спецкомитет, которым руководил Лаврентий Берия, возлагался обширный круг задач: «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана; развитие научно-исследовательских работ в этой области; широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и других странах); организации промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии; а также строительство атомно-энергетических установок и разработка и производство атомной бомбы».

Начиная с 1945 года, в работе над атомным проектом принимало участие несколько сотен тысяч рабочих, строителей, инженеров, геологов и ученых. При проведении работ не жалели ни

материальных, ни человеческих ресурсов. Спецкомитет представлял собой мини-совет министров по конкретному направлению работ. Как председателю Спецкомитета, Берии подчинялись все каналы разведки, через которые в Советский Союз поступала информация об атомном оружии. Первое главное управление, непосредственно руководившее разработкой атомного оружия, по существу, осуществляло координацию всех министерств и ведомств, принимавших участие в атомном проекте.

Задача, которая была поставлена Сталиным перед Спецкомитетом и ПГУ по созданию атомного оружия была чрезвычайно сложной и трудоемкой, что следует, например, из знакомства с двумя статьями, опубликованными в популярном журнале «Лук» и, сразу после их выхода в 1948 году, переведенными на русский язык.

Эти статьи вышли в виде небольшой брошюры в издательстве «Иностранная литература» с эффектным названием «Когда Россия будет иметь атомную бомбу?»

Брошюра содержала всего две статьи. Одна из них «К атомной бомбе нет короткого пути» написана Джоном Ф. Хогертоном — инженером-атомщиком, принимавшим участие в строительстве атомных заводов в Окридже и в Хэнфорде. Автором второй статьи «Россия готова к войне, но не к атомной» был Эллсуорт Рэймонд — специалист по России, работавший с 1938 по 1943 год в посольстве США в Москве и составлявший отчеты для своего правительства о состоянии промышленности Советского Союза.

В своем предисловии к статьям редактор журнала «Лук» (англ. «Look». — *Прим. ред.*) пишет:

Ответ на зловещий вопрос — когда Россия будет иметь атомную бомбу? — стал решающим для американских планов на будущее. Не зная его, стало почти невозможно думать о мире, о нашей национальной обороне и о безопасном будущем для нас самих и наших детей.

Статьи чрезвычайно любопытны тем, что одна из них характеризует трудности, с которыми столкнулась американская

промышленность при создании атомного оружия, а вторая статья описывает состояние послевоенной экономики в Советском Союзе.

Джон Ф. Хогертон в своей статье пишет:

« Когда мы начинали, мы знали, что отдельные атомы урана-235 будут расщепляться, но мы не знали, можно ли получить цепную реакцию. Эти сомнения были разрешены только в декабре 1942 г., когда начал действовать первый реактор — „котел“ на испытательной площадке „Стэгг Филд“ Чикагского университета.

Мы не знали, который из производственных методов окажется успешным. Каждый из них требовал громадного промышленного предприятия. Ни один из этих методов не был испробован вне лаборатории.

Успешность каждого из методов оставалась под сомнением, пока не началась настоящая работа, и полной гарантии успеха не было до тех пор, пока заводы не проработали в течение нескольких недель.

Оставалось сомнение и в отношении самой бомбы. Эксперимент на испытательной площадке „Стэгг Филд“ демонстрировал медленную цепную реакцию. Но взрыв не был бы возможен, если бы нельзя было сделать реакцию мгновенной. Возникла проблема такого управления, которое давало бы возможность произвести реакцию взрыва в нужный момент.

На эти очень серьезные вопросы мы получили ответ в Аламогордо 16 июля 1945 года. Только тогда, а не раньше, наш проект в целом получил подтверждение.

Несомненно, одно: прежде чем Россия, или любая другая страна, сможет иметь атомную бомбу, она должна будет самостоятельно разрешить некоторые из наиболее трудных технических проблем, с какими она прежде никогда не сталкивалась; кроме того, она должна будет построить у себя по меньшей мере один промышленный завод-гигант. Поэтому вопрос заключается в том, имеет ли Россия технические знания и ресурсы для выполнения этой задачи. Ниже мы приводим описание работы, которую мы должны были провести.

Дж. Ф. Хогертон

Далее автор в своей статье говорит о трудностях, с которыми столкнулись американские разработчики атомного оружия. Он пишет:

« Из трех окриджских заводов наиболее важным по объему производства является К-25. Следовательно, говоря об Окридже, мы имеем в виду, прежде всего, завод К-25.

Сердцем завода К-25 является диффузионный каскад, где происходит разделение изотопов урана. Это разделение осуществляется путем перекачивания газообразного соединения урана через мелкопористые перегородки с помощью центробежных насосов. Процесс повторяется многократно и для него требуется большое количество „ступеней“. На К-25 таких „ступеней“ тысячи! Каждая из них имеет свою собственную диффузионную машину, свои собственные насосы, клапаны, приборы и т. п.

Все оборудование завода К-25 было изготовлено по специальным заказам и отличалось необычно тщательным конструированием, а также допусками высокой степени точности.

Наиболее замечательным оборудованием для завода К-25 были приборы. Необходимость в автоматическом управлении вызвала потребность в новых электронных и других приборах.

Контракт предусматривал изготовление около 100 000 различных приборов и приспособлений и был самым большим из когда-либо заключавшихся.

Суммарная длина шкал измерительных приборов, расположенных на рабочей площадке завода К-25, достигает 20 миль.

Другой необычайной проблемой было испытание на герметичность. Завод К-25 сделан настолько „непроницаемым“, что если внутри какого-либо из агрегатов завода создать вакуум, потребуются годы для того, чтобы произошло полное нарушение герметичности. Подобная герметичность была достигнута благодаря новому методу обнаружения утечки, разработанному фирмами „Келлекс“ и „Дженерал электрик“.

Список проблем этим не исчерпывается. Другие проблемы касались проектирования и изготовления десятков тысяч специаль-

ных клапанов, многих миль специальных труб, сотен необычных вакуумных насосов, больших количеств новых видов химикалий.

Успех завода К-25 зависел от двух специфически американских талантов: от умелой организации производственного процесса и массового выпуска продукции.

На заводе К-25 осуществлялось газодиффузионное разделение изотопов с целью решения проблемы обогащения. Но был и еще один подход — использовать оружейный плутоний в атомной бомбе, который был получен на заводе в Хэнфорде.

В своей статье Хогертон пишет:

«Завод К-25 необычен, но завод в Хэнфорде более чем необычен. Хэнфорд совершенно непохож ни на что в мире.

Глядя на Хэнфордский завод, вы не можете избежать ощущения, что он принадлежит к другому, более позднему веку, так как работа Хэнфорда — это процесс создания одного химического элемента из другого. Вспомните, что это процесс, который искали алхимики для превращения свинца в золото. Однако в Хэнфорде он применяется для того, чтобы получить еще более ценный продукт — плутоний.

Плутоний производится в так называемом „котле“, в подлинной атомной кухонной печи. Здесь бруски урана „варятся“ на медленном атомном огне до тех пор, пока не образуется новый элемент.

Из этого котла бруски, теперь уже обладающие опасной для жизни радиоактивностью, переносятся с применением управления на расстоянии в подземную установку для химического разделения, где и извлекается плутоний. Около дюжины различных этапов процесса химического разделения, а также работа котла осуществляются посредством управления на расстоянии за массивными бетонными стенами.

Автор статьи делает довольно правильный, но несколько самоуверенный вывод:

«Хэнфордский завод не мог бы появиться на свет, если бы не два обстоятельства: гибкость американской химической промыш-

Дж. Ф. Хогертон

ленности и жизнеспособность университетской системы Америки», и так поясняет работу атомного реактора:

« Хэнфордские котлы представляют собой крупные кубические сооружения, построенные из урана и графита, в виде блоков тонкой машинной обработки. Работу этих котлов в какой-то мере можно сравнить с призовым тиром. В цель летят крохотные внутриатомные частицы, называемые нейтронами. Эти нейтроны вызывают начало цепной реакции. Всякий раз, когда взрывается атом урана-235, вылетают один или несколько нейтронов и отскакивают от графитовых блоков, пока не ударят атом урана-238. После того как атом урана-238 испытал удар, он не освещается, как освещается цель в призовом тире. Он превращается в плутоний.

Другим результатом „атомного горения“ являются колоссальные количества тепла. Это тепло отводится водой, циркулирующей по охлаждающим каналам в котле. Проблема отвода тепла оказалась одной из наиболее трудных технических проблем, с которыми пришлось столкнуться в Хэнфорде. Такие количества выделяемого тепла означают, что необходимо подавать для охлаждения громадные количества воды. С другой стороны, слишком большое количество воды в котле поглотило бы все нейтроны и прекратило бы „горение“.

Единственным решением проблемы является очень быстрая циркуляция воды через весьма узкие каналы. Это обеспечивает поступление того количества воды, которое необходимо для отвода тепла, и вместе с тем уменьшает количество воды, находящейся в каждый данный момент в котле.

Одной из трудных проблем являлся выбор материалов для постройки котлов. Обычно для промышленных установок выбирают материалы с учетом их механических, тепловых и химических свойств. При постройке атомных котлов к материалам предъявлялось еще одно требование: определенное поведение при бомбардировке нейтронами. Нельзя применить такие материалы, которые поглощали бы слишком большое количество нейтронов

(что замедлило бы „атомное горение“) или которые проявили бы тенденцию к разрушению под влиянием бомбардировки нейтронами.

Другими проблемами котла были: управление „атомным горением“, заключение урановых брусков в оболочки для предупреждения образования коррозионных примесей, которые замедлили бы процесс в котле, а также защита персонала от опасной для жизни радиоактивности.

В своем впечатляющем заключении автор пишет:

« В Хэнфорде процесс является статическим. Там технические проблемы чрезвычайно трудны, но их можно разрешить одну за другой.

Итак, один из этих двух главных атомных проектов, вероятно, выбран Россией.

Существует одно обстоятельство, которым Россия никогда не сможет пренебречь. Когда дело доходит до сооружения атомной установки, будь то К-25 или Хэнфорд, не может быть никаких компромиссов. Никакая небрежно сделанная установка не сможет разрешить задачу.

Каждая составная часть процесса должна быть спроектирована идеально, а каждая деталь оборудования изготовлена безупречно.

Чтобы достичь цели, Россия должна будет основательно поработать над каждой деталью. Когда речь идет об атомной бомбе, не может иметь места небрежное выполнение чего-либо.

Во второй статье, опубликованной в журнале «Лук», консультант по русской экономике Эллсуорт Рэймонд пишет:

« Как советской дипломатии, так и русской промышленности недостает тонкости. И это является громадным препятствием в изготовлении атомных бомб. И окриджская и хэнфордские установки (как показал Хогертон) состоят из громадного количества невероятно тонкого и точного машинного оборудования, проектирование и производство которого, даже для американской промышленности сопряжено с большими трудностями.

Дж. Ф. Хогертон

»

Дж. Ф. Хогертон

»

Сегодня советская промышленность занимает второе место в мире, но это не та промышленность, которая нужна. Русская промышленность занята главным образом производством тяжелого, грубого оборудования, вроде сталеплавильных печей и паровозов.

Э. Рэймонд
»

Уже в начале своей статьи автор делает довольно любопытный вывод:

« Отрасли советской промышленности, производящие точные приборы, малоразвиты и выпускают продукцию низкого качества. И тем не менее на этих слабых и отсталых отраслях промышленности должны покоиться надежды России получить атомную бомбу. Русская промышленность, не позаботившись о производстве точных приборов, оказалась теперь подготовленной к войне старого типа.

Э. Рэймонд
»

Э. Рэймонд говорит о проблемах, с которыми неизбежно столкнется советская промышленность при решении задач атомного проекта:

« Весьма вероятно, что Россия будет иметь затруднения в получении достаточного количества урана для больших атомных установок. Но эти затруднения не будут иметь своей причиной отсутствие полезных ископаемых. На территории России имеется много урановых месторождений, так же как и ториевых. Получение количества урана, достаточного для снабжения главного атомного проекта, — нелегкая задача для России.

В течение ближайших нескольких лет русские, попросту говоря, не могут надеяться иметь завод К-25, подобный заводу в Окридже. Это физически невозможно. Советская промышленность слишком слабо развита, чтобы быть в состоянии поставлять оборудование для такого механического колосса.

При сооружении и в работе американских атомных установок использовались знания и производственный опыт девяти решающих отраслей американской промышленности: автомобильной, химических красителей, электрических машин, станкоинстру-

ментальной, радиоаппаратуры, центробежных насосов, телефонного оборудования, кабельной и часовой.

По своему общему объему эти отрасли промышленности в России составляют в среднем только 18 % объема тех же отраслей в Соединенных Штатах. По производственной мощности ключевые для атомной проблемы отрасли промышленности в России отстают в среднем на 22 года от соответствующих отраслей промышленности в Соединенных Штатах.

Э. Рэймонд

Э. Рэймонд говорит о трудностях атомного проекта в Советском Союзе и делает неутешительные выводы:

« Русские, вероятно, попытаются, сначала построить плутониевый завод типа хэнфордского, так как для постройки такого завода потребуется значительно меньше механического оборудования, чем для К-25. Но хотя проектирование и строительство плутониевого завода связано с проблемами несколько иного порядка, оно также сопряжено с большими трудностями.

Тысячи выдающихся ученых должны были производить тысячи тонких и успешных экспериментов для того, чтобы спроектировать Хэнфорд. Но Россия располагает меньшим количеством ученых, чем Америка.

Научные отчеты показывают, что русские ученые провели только 30 % тех экспериментов в области атомной энергии, которые были проведены в Америке до войны.

Даже если бы русская наука была на уровне поставленной задачи, все-таки нельзя было быть уверенными в том, что Хэнфорд мог бы быть быстро построен. Советские ученые успешно разработали теорию радара за несколько лет до того, как радар был изобретен в Англии. Но русские не способны были применить теорию на практике и не производили оборудования для радара еще долгое время после того, как и Англия, и Америка начали изготавливать его.

Далее, для Хэнфорда необходима электростанция мощностью по меньшей мере в 250 000 киловатт. Россия имеет несколько

установок такого порядка, но все они загружены. Следовательно, должна быть построена новая станция.

Советское промышленное строительство все еще находится в веке кирки и мотыги. Русские заводы, производящие кирпич, цемент и конструкционную сталь, также значительно меньше подобных заводов в Америке. С точки зрения масштабов строительства атомного предприятия будет значительно более обременительно для русской промышленности, чем оно было для промышленности Соединенных Штатов даже в военное время.

Э. Рэймонд
»

Автор статьи пытается ответить на основной вопрос:

«Когда русские будут иметь атомную бомбу? Мы не знаем этого точно. Но мы знаем, что это будет не слишком скоро».

Э.Рэймонд считает, что завод по обогащению урана Советскому Союзу построить нереально, а вот промышленный реактор для получения плутония может появиться. Более того, он осведомлен о том, что решение задач атомной промышленности являются приоритетными задачами пятилетки. Рэймонд пишет:

«Послевоенный пятилетний план России включает осуществление проекта по атомной бомбе и ставит задачей производство атомной бомбы в 1950 г. — последнем году пятилетки. Но Россия никогда не выполняла пятилетних планов, а их, до настоящего плана, было три.

При выполнении прежних планов ведущие отрасли промышленности — такие, как производство нефти, железа и стали, — отставали на три года по сравнению с намеченными сроками.

Строительство установок по производству атомной энергии значительно более трудно, чем увеличение добычи нефти, железа или стали. Поэтому весьма возможно, что Советские отстанут значительно больше, чем на три года, в выполнении своих планов по производству первой атомной бомбы.

Э. Рэймонд
»

Другими словами, русские могли бы сбросить первую атомную бомбу в 1954 г., через 9 лет после того, как они приступили к работам, и через 6 лет, считая с настоящего момента.

Мы видим, что самым ранним сроком появления атомного оружия в Советском Союзе американские эксперты называли 1954 год. Любопытно, что все, сказанное ими о трудностях, возникающих при реализации атомного проекта, и о состоянии советской промышленности соответствовало действительности. Ведь о тех же самых проблемах в 1946 году сообщал академик П. Л. Капица в своих письмах Сталину. По существу, и конфликт между Берией и Капицей возник на основе разного понимания методов и подходов при разработке атомного оружия. Петр Леонидович Капица был человеком исключительно талантливым, и, он, конечно, был прав, когда в своих письмах Сталину говорил о трудностях, с которыми предстоит столкнуться разработчикам атомного оружия. У нас, разумеется, не было соответствующего уровня развития промышленности и соответствующей культуры производства.

Задача, которую под руководством Берии решали участники атомного проекта, была сравнима с победой над Германией в Великой Отечественной войне. Начиная с 1945 года, США уже имели атомное оружие. В Советском Союзе его не было, и он не относился к числу стран, с которыми нужно считаться.

Многие эксперты полагают, что если бы атомная бомба появилась в СССР не в 1949 году, а на 5 или 10 лет позже, то, вполне возможно, Советский Союз перестал бы существовать уже в 50-х годах прошлого столетия.

Ну, а все-таки: как же смог Советский Союз совершить столь трудный технологический прорыв в столь непростое для страны послевоенное время?

Безусловно, одной из важных составляющих успеха атомного проекта является то, что его руководителем от Советского правительства был Берия.

Работая над этими заметками, я часто задавал себе вопрос: смог бы Советский Союз создать атомное оружие, если бы руководителем атомного проекта от правительства вместо Берии был кто-то иной? Я пришел к выводу, что в той обстановке и при

том составе правительства, кроме Берии, никто бы не смог поднять эту сложнейшую технологическую проблему. И дело здесь даже ни в каких-то особенных исключительных талантах Берии. Он, конечно, не знал многих физических особенностей атомного оружия.

Многолетний руководитель атомной промышленности Е. П. Славский, которого, по-видимому, незаслуженно обидел Берия в 1947 году, считал, что «Берия не разбирался в научных и инженерных проблемах, поэтому к мнению специалистов всегда прислушивался. В организации и выполнении задач, в мобилизации людей и ресурсов он, пользуясь огромной властью, помогал проводить решения в жизнь».

По-видимому, это была одна из составляющих успеха атомного проекта.

В атомном проекте было немало людей технически более образованных и грамотных, чем Берия. Но у него, по-видимому, у одного из немногих членов правительства, оказалось абсолютно правильное и удачное восприятие проблемы в целом.

Берия оказался наиболее подготовленным руководителем по линии разведки, поскольку, будучи наркомом внутренних дел, имел достаточно детальную информацию о ходе работ при создании атомного оружия в Англии и в США.

Возглавляя НКВД до 1945 года и имея своим заместителем в Спекомитете заместителя наркома внутренних дел А. П. Завенягина, Берия мог привлечь из многочисленных лагерей огромные человеческие ресурсы для масштабного строительства объектов атомной промышленности.

Технически грамотный и умный человек, хотя и не имеющий высшего образования, он сумел найти общий язык с выдающимися учеными Советского Союза того времени.

Будучи абсолютным прагматиком при решении задач атомного проекта, Берия использовал в своей работе кнут и пряник. Он, как и многие другие участники атомного проекта, оказался в нужное время и в нужном месте, хотя и ему приходилось нелегко.

Приведем несколько эпизодов пребывания Л. П. Берии на Урале, описанных в книге В. Н. Новоселова и В. С. Толстикова «Атомный проект: тайны сороковки»:

« В этой ситуации особенно болезненно воспринимались бытовые неурядицы, которые одна за другой сопровождали любившего комфорт Берию.

Серьезные неудобства причиняла грузину холодная уральская зима. Ванников и Курчатов приспособились к жизни в промерзающих вагонах. Берия приспосабливаться не хотел и заявил, что переезжает в гостиницу. Узнав об этом, комнату для Берии подготовила сама хозяйка гостиницы.

Можно себе представить ее ужас, когда прибежавшая к ней домой в три часа утра горничная объявила, что плохо закрепленная кровать только что буквально рассыпалась под Лаврентием Павловичем со страшным грохотом. Решив, что домой она уже больше не вернется, Н. С. Медведева пошла в гостиницу. Однако репрессий не последовало.

Еще один эпизод пребывания Берии на Урале:

« Вслед за этим сломался «кадиллак» и уже изрядно раздобревшему в сорок семь лет Берии пришлось втискиваться в новенький, но маленький «Москвич». Приказав отвезти его на объект «А», Берия всю дорогу молчал и только перед самым объектом, не выдержав тряски по ухабам, сказал шоферу:

— Первый раз ты меня везешь, как голой ж...й по стиральной доске!

Конечно, не бытовые, маленькие житейские неурядицы портили настроение Берии. Прагматик до мозга костей, он мучительно искал способ решения проблемы ускорения темпов сооружения завода.

В конце концов, взвесив все, Берия позвонил Сталину. Зная, что тот не любит лишних разговоров, начал сразу по существу:

— Товарищ Сталин, считаю, что Славского необходимо сместить с должности директора Базы-10. На этом месте должен быть руководитель другого масштаба.

Сталин молчал. Берия понял, что принципиальных возражений нет и продолжил:

— Предлагаю начальником Базы-10 назначить директора Уралмаша товарища Музрукова.

Сталин, наконец, отозвался глухим голосом:

— Мы знаем товарища Музрукова. Он много сделал для Красной Армии, для ее победы над Гитлером. Думаю, он поможет вам решить возникшие проблемы. Готовьте постановление Совета Министров. До свидания. »

По мнению авторов указанной книги, назначение Б. Г. Музрукова состоялось так:

« В ноябре 1947 года Берия вызвал Музрукова в Москву. Позже Борис Глебович так передавал происшедший между ними диалог:

— Поедешь на химический комбинат, — заявил Берия.

— Я — машиностроитель, я — металлург, какой еще химкомбинат? — удивился Музруков.

— А что, мне из Америки выписывать директоров химкомбинатов? — отрезал Музрукову пути к отступлению Берия.

— Поезжай к Курчатову на Октябрьское Поле, побеседуй.

Курчатов привел его на первый экспериментальный реактор, продемонстрировал его работу и рассказал о своих трудностях:

— Борис Глебович, пожалуйста, выручайте. »

Приказ о его назначении директором Базы-10 подписан 29 ноября 1947 года.

Ефим Павлович Славский как руководитель не уложился в график работы, и его понизили в должности:

« Славский чувствовал себя несправедливо обиженным Берией, без вины виноватым стрелочником. Работая по шестнадцать часов в сутки, создавая напряженный ритм в работе коллектива, Славский, не успев получить первые крупные результаты, был низвергнут с поста директора Базы-10.

Самолюбивый Славский воспринял новое положение с обидой. Музрукову этого он никогда не простил, хотя тот здесь был ни при чем. В противоположность Ефиму Павловичу, Борис Глебович, высоко оценивая деловые качества Славского, добился его назначения главным инженером Базы-10. Первое время Славский вел себя импульсивно, пытался демонстрировать окружающим свое пренебрежение и независимое положение относительно нового директора. Однако продуманное, выдержанное поведение Музрукова заставило Славского забыть роль обиженного и всерьез заняться делом.

Новоселов, Толстиков

При оценке Берии как руководителя Спецкомитета и как руководителя всех работ по атомному проекту, я стараюсь избегать своих собственных суждений. Прежде всего, мне хотелось бы использовать документы и воспоминания тех, кто общался с Л. П. Берией.

Он не чурался лично принимать подчиненных любого уровня и выполнял порой ту работу, которую мог бы поручить другим.

Генерал Пётр Семёнович Мотинов, доставивший в Москву из Канады образцы урана, полученные от советского агента Аллана Мэя, вспоминал:

« На аэродроме меня встречал сам директор (глава армейской разведки Ф. Ф. Кузнецов). С большими предосторожностями я достал из-за пояса драгоценную ампулу с ураном и вручил ее директору. Он немедленно отправился к черной машине, которая стояла тут же, на аэродроме, и передал ампулу в машину.

П. С. Мотинов

— А кто там был? — спросил я потом директора.

— Это Берия, — прошептал директор.

Берия не избегал встреч с непосредственными исполнителями работ. Научный руководитель комиссии по атомному сырью и начальник спецсектора Всесоюзного института минерального сырья профессор Михаил Николаевич Альтгаузен вспоминал о том, как в 1945 году он и другие геологи, специалисты по урану были вызваны на совещание к Берии:

« Мы привезли с собой образцы урановых руд, разложили у него на столе. И тут же услышали грязный мат — это помощники наркома были недовольны, что образцами поцарапали столы.

Сам Берия был тактичен и внимателен. Обсуждали весь круг вопросов по разведке, добыче и переработке сырья. Совещание началось часов в 12 ночи, а закончилось к 6 утра. Нам ни в чем не было отказа — рабочая сила появлялась по первому требованию, продукты и снаряжение выдавались вне очереди. Командировочные, например, нам платили в четыре раза больше, чем другим геологам.

М. Н. Альтгаузен

»

Приведем любопытный эпизод, описанный в воспоминаниях лауреата Ленинской премии В. П. Зенченко, характеризующий стиль работы Л. П. Берии:

« Когда занимались ураном в Краснокаменске, геолог Кирилл Петрович Лященко рассказал удивительный случай из своей жизни. Он с конца сороковых курировал от главка Чарский район. Крепкий был мужик. Коренастый. Брови лохматые. Так вот, его однажды вызвал к себе Берия. И при генералах спросил:

— Как вы думаете, может рудник „Мраморный“ быть перспективным?

Лященко с ходу ответил:

— Как геолог могу сказать, что предварительной разведки там не было, но то, что увидели в пройденных штольнях, показывает — наши ожидания не оправдываются. Силы необходимо перебрасывать на другие участки.

И тогда ему Берия заявляет:

— Сейчас Вы пойдёте вон в ту комнату, и у вас будет два часа времени. Потом вы подпишете то, что сейчас сказали. Ещё раз хорошо подумайте.

Через два часа, минута в минуту, его вызвали. Берия спросил:

— Подумали?

— Подумал. Закрывать нужно этот рудник.

Берия пододвинул ему лист бумаги с отпечатанным текстом. Лященко взял ручку и подписал. Воцарилась длительная пауза. Лященко не выдержал и спросил:

— Я свободен? Могу идти?

Берия оценивающе посмотрел на него и сказал:

— Нет. Вас сейчас отвезут домой. Но Вы никуда не должны выходить. Неделя вам даётся на дополнительные раздумья. Хорошо ещё раз подумайте.

Через неделю за Лященко приехали. В сопровождении двух человек вновь привели в кабинет Берии. Вдоль стены стояли несколько генералов. Берия встретил его словами:

— Вы не передумали? Не отказываетесь от вашей подписи?!

Лященко тихим голосом сказал:

— Лаврентий Павлович, я все хорошо обдумал. От подписи не отказываюсь.

Берия молча пошёл вглубь кабинета. Открыл сейф. И пока он что-то там искал, все смотрели ему в спину. Из сейфа он достал орден Ленина. И, вручая его Лященко, сказал:

— За мужество в геологии! Всё. Вот теперь Вы свободны.

Берия мог простить даже нарушения, связанные с секретностью при проведении работ. Вспоминает Ефим Павлович Славский:

« На Урале. Секретный объект — даже сверхсекретный. Не только переписка сжигалась, но и конверты любые, туда дошедшие, бросал в специальную печь красноармеец. И штыком ворошил золу. И вдруг пропала страничка документа. Отвечавшую за его сохранность женщину едва успели из петли вытащить. Я позвонил Берии, все рассказал — будь что будет. И что же? Берия засмеялся в трубку и сказал мне:

— Ну, все, орел (так он слово „орел“ произносил), вот теперь я тебе голову совсем оторву.

У меня уже орденов Ленина было три, и Герой Соцтруда я уже был. А ему все равно. Оторвет. Я сидел и ждал. Обошлось. Бомбы были нужнее моей головы. Сегодня я так думаю.

В. П. Зенченко

Е. П. Славский

Еще один эпизод из воспоминаний, участника работ по строительству первого промышленного атомного реактора (город Озёрск) Бориса Горобца:

« Мы делали первый тяжеловодный реактор. Главными его конструкторами были Иван Александрович Саввин и Абрам Исаакович Алиханов. Я занимался монтажом труб, которые опоясывали этот реактор, по которым должна была течь тяжелая вода — диоксан. Трубы должны быть без острых углов. Абрам Исаакович был забавным мужчиной, то и дело он причитал:

— Борис, вы меня угробите!

И хватаясь за сердце, добавлял:

— У меня уже инфаркт!

Но после завершения работы пригласил меня в Армению, где жил его брат:

— Приезжай, Борис, когда захочешь, отдыхай.

После того как мы запустили реактор, Алиханов получил Звезду Героя, а меня наградили орденом Ленина, в 23 года!

Монтаж реактора шел круглые сутки, мы спали на работе, для нас в цеху кровати поставили. Но ни с какой каторгой мы это не сравнивали, нас всех вдохновлял энтузиазм, который вытекал из осознания того, что мы делаем очень важное для страны и её обороны дело. Однажды ночью, часа в два, на объект неожиданно приехал Лаврентий Павлович Берия, который руководил всем нашим проектом. Он на поезде всегда приезжал, жил в вагоне. Приехал, а караульный солдат его в цех не пускает, предъявите, мол, пропуск. Парню говорят:

— Ты что не видишь, кто перед тобой?

Он уперся и требует пропуск. Так и не пустил Берию! И тот вернулся в свой поезд. Мы, когда узнали об этом, думали, всё — настал парню конец, расстреляют. А Берия этого солдата поощрил двумя месяцами отпуска! За то, что тот бдительно охранял объект, не отошел от требований устава. Жалко Лаврентия! Сейчас его имя поганят, но если бы не его энтузиазм, твердость,

решительность, жесткость, то не известно, появилась бы у нас ядерная промышленность, во всяком случае, так быстро, как она появилась. То, что американцы сделали за семь лет, мы сделали за три. И во многом — благодаря Берии. Хороший мужик был! Но это только моё мнение. Я его не навязываю.

В. В. Горобец
»

Несмотря на свое исключительное положение в партии и правительстве, Берия находил время для личного контакта с заинтересовавшими его людьми, даже если они не обладали какими-либо официальными отличиями или высокими титулами.

Берия часто выезжал на объекты, лично знакомился со специалистами и с результатами их работ.

Сестра президента АН СССР Вера Всеволодовна Келдыш вспоминает:

« Келдыша несколько раз пытались исключить из МГУ за непролетарское происхождение, у него были проблемы и на начальном этапе работы в ЦАГИ (Центральном аэрогидродинамическом институте), когда молодого ученого не допускали к секретной работе. Но накануне 1941 года математик сумел разгадать секрет так называемого флаттера — вибрации, разрушающей самолеты в воздухе, и рассчитал верную модель построения крыла. Тогда один из его коллег написал в ЦК донос, обвинив Келдыша в „неправильных действиях, наносящих вред стране“.

Народный комиссар внутренних дел Берия сразу же приехал в ЦАГИ и высказал предположение, что в институте засели враги. И тут Келдыш, самый молодой по возрасту и младший по должности, тихим голосом сказал:

— Вы не правы, товарищ народный комиссар.

Как ни странно, это не только сошло Келдышу с рук, его уверенность даже успокоила Берию.

В. В. Келдыш
»

Закончу этот раздел выдержкой из доклада Ю. Н. Смирнова и Ю. Б. Харитона, прочитанного 12 января 1993 года на сессии Ученого совета в РНЦ (Российский научный центр) «Курчатовский институт» в связи с 90-летием со дня рождения И. В. Курчатова:

« Искращения исторической правды возникают, как мы знаем, не только вследствие субъективных оценок рассказчиков, чрезмерной секретности, ограничивающей доступ к информации, или просто по недоразумению. Почва для различных домыслов появляется и тогда, когда правда замалчивается из-за политических установок и соображений, как, например, в случае Л. П. Берии. Нет правды сегодня — значит, будут мифы завтра.

Мы не собираемся подвергать сомнению оценку общеизвестных злодеяний этого страшного человека или приукрашивать демоническую личность, принесшую неисчислимые страдания людям. Но до середины 1953 года, в течение примерно восьми лет, Берия отвечал в правительстве за всю работу по атомному проекту. В интересах истории мы считаем необходимым остановиться на этом факте несколько подробнее.

Известно, что вначале общее руководство советским атомным проектом осуществлял В. М. Молотов. Стиль его руководства и соответственно результаты не отличались особой эффективностью. И. В. Курчатов не скрывал своей неудовлетворенности.

С переходом атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась. Хотя П. Л. Капица, принимавший на первых порах участие в работе Особого Комитета и Технического Совета по атомной бомбе, в письме Сталину отзывался о методах нового руководителя резко отрицательно. Берия быстро придал всем работам по проекту необходимый размах и динамизм. Этот человек, явившийся олицетворением зла в новейшей истории страны, обладал одновременно огромной энергией и работоспособностью. Наши специалисты, входя в соприкосновение с ним, не могли не ответить его ум, волю и целеустремленность. Убедились, что он первоклассный организатор, умеющий доводить дело до конца. Может быть, покажется парадоксальным, но Берия, не стеснявшийся проявлять порой откровенное хамство, умел по обстоятельствам быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком. Не случайно у одного из немецких специалистов

Н. Риля, работавшего в СССР, сложилось очень хорошее впечатление от встреч с Берией.

Проводимые им совещания были деловыми, всегда результативными и никогда не затягивались. Он был мастером неожиданных и нестандартных решений.

Берия проявлял понимание и терпимость, если для выполнения работ требовался тот или иной специалист, не внушавший, однако, доверия работникам его аппарата.

Когда Л. В. Альтшулера, не скрывавшего своих симпатий к генетике и антипатий к Лысенко, служба безопасности решила удалить с объекта под предлогом неблагонадежности, Ю. Б. Харитон напрямую позвонил Берии и сказал, что этот сотрудник делает много полезного для работы. Разговор ограничился единственным вопросом всемогущего человека, последовавшим после продолжительной паузы:

— Он вам очень нужен?

Получив утвердительный ответ и сказав:

— Ну ладно, — Берия повесил трубку. Инцидент был исчерпан.

По впечатлению многих ветеранов атомной отрасли, если бы атомный проект страны оставался под руководством Молотова, трудно было бы рассчитывать на быстрый успех в проведении столь грандиозных по масштабу работ.

Ю. Н. Смирнов

«Наступит время, когда все станет известным или дальнейший поиск окажется очень нудным, и тогда сами собой замолкнут кипучие споры по основным вопросам философии и физики и исчезнет забота о тщательном обосновании всех тех принципов, о которых мы беседовали».

Ричард Фейнман

Глава 2. Берия между физикой и идеологией

Отношения Лаврентия Берии и ведущих физиков, работавших над созданием атомного оружия, коротко можно характеризовать как довольно распространенные отношения руководителя со своими подчиненными: при плохом настроении руководителя — грубое и несдержанное, при хорошем — почти отеческое, с готовностью помочь даже при решении житейских вопросов. Настроение Берии зависело от многих событий и многих обстоятельств: от отношения к нему Сталина, от событий в стране, от успехов в работе над атомным оружием, и, вероятно, даже от отношений в семье.

В своей работе Лаврентий Берия имел многочисленные контакты с учеными, принимавшими участие в решении оборонных задач Советского Союза. В этой связи характерны его отношения с академиком Армянской АН ССР А. И. Алиханяном, о которых рассказал в своих воспоминаниях академик РАН С. С. Герштейн.

Приведём здесь некоторые из этих рассказов Алиханяна, поскольку они характеризуют стиль общения Лаврентия Берии с подчинёнными, и в то же время показывают, что, несмотря на некоторый драматизм общения, как правило, всё заканчивалось вполне безобидно.

Первая история связана с тем, что Артём Исаакович Алиханян, как и ряд других наших учёных, в конце войны был послан в Германию на поиски атомных секретов и немецких учёных, которых можно было привлечь для создания атомной отрасли в Советском Союзе. На два года раньше подобная же миссия (миссия Алсос) была организована генералом Гровсом, руководителем атомного проекта США. Поэтому эта идея Лаврентия

Берии и Сталина о вывозе оборудования, урановой руды и немецких учёных была не слишком оригинальной.

Вот что по этому поводу рассказал А. И. Алиханян академику С. С. Герштейну, который опубликовал его рассказ в книге «Артём Алиханян в воспоминаниях друзей и коллег».

«Наша деятельность определялась двумя приказами Сталина. Один из них был вполне разумным. Другой, не очень разумный, в некоторых отношениях противоречил первому. Для выяснения возникших затруднений я прямо из землянки под Магдебургом позвонил Берии. Его на месте не оказалось, и меня соединили с ложей большого театра, где он в тот момент находился. Выслушав меня, он сказал:

— Ты работай, работай, а будет ли цела твоя голова — узнаешь позже.

Получив такое ценное указание, я продолжил работу и, закончив её, вернулся в конце апреля в Москву. Сдав отчёт, я получил приказ: сидеть безвыходно дома и ждать. Была весна, на улицах было радостное оживление, чувствовалось приближение конца войны. Победа! А я сидел и ждал. 30-го апреля вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Берия:

— Утвердил товарищ Сталин твой отчёт. Можешь гулять на свободе.

Второй случай, который приведён академиком Герштейном, рассказанный также Алиханяном, не менее характерный:

«Как-то раз позвонил мне Абуша (брат А. И. Алихаяна — выдающийся учёный академик Абрам Исаакович Алиханов), — и говорит:

— Немедленно приходи. По телефону сказать не могу.

Захожу к нему (он жил тогда недалеко от меня в квартире Института физических проблем, поскольку был другом его директора П. Л. Капицы). Он сообщает:

— Только что мне позвонил Лаврентий Павлович Берия. Сказал, что Андрей Александрович Жданов настаивает на том, что некоему физики Z. необходимо дать Сталинскую премию первой

степени. А я вот, — сказал Лаврентий Павлович, — считаю, что Сталинскую премию ему давать не надо! Прошу Вас, товарищ Алиханов, разобраться в этом вопросе и сказать, кто же из нас прав: Андрей Александрович Жданов или я?

Мы с братом задумались как поступить. В то время Жданов после развенчания им Ахматовой, Зощенко и других „идеологических врагов“ вышел на второе место в партийной иерархии, на полкорпуса обогнав Берию. В этой ситуации решили написать объективно, всю правду, тем более, что сами были убеждены: не надо этому физику давать премию.

Возвращаясь домой, и здесь меня застаёт тоже звонок Берию. Тот же самый разговор:

— Прошу Вас товарищ Алиханян, написать кто же из нас прав: Андрей Александрович Жданов или я?

Написали мы, что не надо давать этому человеку Сталинской премии. Проходит некоторое время. Появляется в газете Постановление ЦК партии и Правительства о присуждении Сталинских премий. Человека, о котором шла речь в списке награждённых нет. И тут опять раздаётся звонок Берию:

— Вы читали, товарищ Алиханян, сегодняшнюю газету? Вот видите, мы с Вами были правы. Не надо было ему давать премии.

Я захотел сделать ему комплимент:

— Меня удивляет, товарищ Берия, как Вы, не будучи, физиком, сразу разобрались в этом вопросе.

— А что тут особенно разбираться, — ответил он, — если был бы толковый человек, мы бы его к нашей проблеме привлекли. А раз этого не случилось, то зачем ему премию давать?

Говорят, что рассказы А. И. Алиханяна о его взаимоотношениях с людьми из властных структур иногда несколько отличались, но по своей сути они не менялись, что характеризует их достоверность в главном. Вот ещё рассказ А. И. Алиханяна, характеризующий стиль общения Лаврентия Берию.

« Один мой товарищ хотел (и, как выяснилось позже, не без оснований) порвать отношения с некой женщиной. Однако он

не решился прямо ей об этом сказать, а придумал в качестве причины, что он должен по приказу Берии уехать в длительную командировку на далёкий секретный объект.

Спустя некоторое время женщина узнала, что этот человек никуда не уезжал и находится в Москве. Тогда, желая отомстить „коварному обманщику“, она написала обо всей этой истории донос в МГБ. Поскольку там упоминалось имя Берии, то донос попал в его руки. Берия страшно рассердился и, вызвав директора института, где работал обидчик, начал угрожать, что надо стереть в порошок этого сотрудника за разглашение государственной тайны.

Директор же пытался отстоять своего человека, убеждая Берию в том, что без этого сотрудника задание, которое Берия дал институту, выполнить нельзя. Берия, однако, долго не соглашался простить провинившегося.

— Зачем Вам нужен этот человек? Он же дурак! — говорил Берия.

— Нет, он хороший физик и хорошо выполняет важную работу, — отвечал директор.

— Он не может быть хорошим физиком, он же дурак: он бабы боится, а меня не боится, — сказал Берия. Ну да ладно, пусть он у вас остаётся, если он так вам необходим. Но зарплату ему платите вдвое меньшую!

Так и пришлось поступить. Всё это продолжалось до тех пор, пока сам Берия не был арестован.

В фильме «Маленький гигант большого секса», вышедшем на экраны в 1992 году, есть эпизод, в котором курортный фотограф и любитель женщин по имени Марат, оказался в сложном состоянии после своего начавшегося романа с любовницей Берии. Однако следующий рассказ А. И. Алиханяна иллюстрирует, что, по-видимому, не всегда состояния мужчин, которым приглянулись женщины Лаврентия Берии, были столь драматичны.

« Мой ленинградский друг Л., приезжая в командировку в Москву, обычно останавливался в моей новой квартире. Я же

большую часть времени проводил на Арагаце, так что квартира была в его полном распоряжении. У меня в то время была хорошая знакомая Х., артистка одного из лучших драматических театров Москвы. Её приятельницей У., артисткой того же самого театра, очень увлекся мой ленинградский друг. Заметив это, моя знакомая сказала мне:

— Ты бы предупредил Л., чтобы он был поосторожнее. Про У. говорят, что она близка с Берией.

Мы с Х. стали всячески намекать Л. на это обстоятельство, но он и слушать ничего не желал.

— У меня самые серьёзные намерения, я хочу на ней жениться, — говорил он.

Тогда, чтобы убедить Л., моя знакомая попросила У. пригласить нас всех на её дачу. А дача её была в какой-то захолустной деревеньке под Москвой. По ней от главного шоссе к этой даче вела отдельная асфальтированная дорога, которая как раз у этой дачи и оканчивалась. Но и это не убедило Л. в справедливости наших опасений.

Кончилась же эта история так. Приезжаю я как-то раз из Еревана в Москву и узнаю, что меня вызывает президент Академии наук С. И. Вавилов.

— На Вас, — говорит он, — поступила жалоба. Сообщают, что Вы обманываете академию, утверждаете, что работаете на станции космических лучей, а на самом деле живёте в Москве и ведёте развратный образ жизни, водите к себе домой женщин.

Я, конечно, легко доказал, что действительно был в Ереване. Но после этого разговора в подъезде дома, где была моя квартира, установили пост охраны, так что Л. не только не мог больше приглашать к себе гостей, но и сам не смог в дальнейшем у меня останавливаться.

А ещё через некоторое время я получил извещение, что на моё имя пришёл на товарную станцию некий груз. Я послал людей его привезти. Оказалось, что это была роскошная двуспальная кровать.

Вы спрашиваете: что это означает? Это была шутка в духе Берии с намёком, что он обо всём знает, но не имеет ко мне претензий. По-видимому, отношения его с У. к тому времени уже прекратились, а наблюдение за ней велось как бы по инерции малоквалифицированными сотрудниками, которые, зафиксировав её появление в моей квартире, не разобравшись в ситуации, перепутали меня с Л. и, не проверив, донесли это своему начальнику.

А. И. Алеханян
»

Будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР, Берии приходилось решать не только вопросы, имеющие отношение к советскому атомному проекту по линии Спецкомитета, но и многие другие.

В настоящее время принято считать, что именно вмешательство Лаврентия Берии спасло физику от разгрома в начале 1949 года. А события могли произойти совершенно не шуточные и опасные как для физиков, так и вообще для науки в Советском Союзе.

В действительности, первые признаки начинающего конфликта между теми, кто принимал и понимал новую физику, и кто не понимал её, проявились ещё задолго до конца 40-х годов прошлого столетия, когда конфликт между физиками и философами в Советском Союзе достиг особенного накала.

Революция в физике, результатом которой было создание теории относительности и квантовой механики, многих ученых застала врасплох и многие умы привела в замешательство. В первые десятилетия прошлого века о сути новых физических теорий происходило много дискуссий в разных университетах и научно-исследовательских институтах.

Особенно резкое неприятие теории относительности проявилось в Германии после прихода к власти Гитлера, где в адрес Эйнштейна посыпались угрозы. Известные физики того времени Филип Ленард и Иоханнес Штарк, не понявшие и не принявшие теории относительности и квантовой механики, возглавили движение «Немецкая физика» и отнесли теорию относительности

Эйнштейна и квантовую механику к «еврейской физике». Работы Эйнштейна были объявлены ложными и вредными. Филиппу Ленарду принадлежит заявление:

— Наиболее важный пример опасного влияния еврейских кругов на изучение природы представляет Эйнштейн со своими теориями и математической болтовнёй, составленной из старых сведений и произвольных добавок. Мы должны понять, что недостойно немцев быть духовным последователем еврея.

Даже сам создатель теории относительности Эйнштейн высказывал сомнение относительно интерпретации квантовой механики. Ему принадлежит следующее высказывание, по поводу принципа неопределенности:

— Квантовая механика действительно впечатляет. Но внутренний голос говорит мне, что это ещё не идеал. Эта теория говорит о многом, но всё же не приближает нас к разгадке тайны Всевышнего. По крайней мере, я уверен, что Он не бросает кости.

В ответ на это высказывание Эйнштейна Нильсу Бору исследователи приписывают ответную реплику:

— Не наше дело предписывать Богу, как ему следует управлять этим миром.

В этой связи предполагать, что учёные Советского Союза сразу примут новые открытия в физике, было очень оптимистично.

Академик В. А. Фок в предисловии к статье «Квантовая механика, её история и суть», опубликованной в журнале «Успехи физических наук», пишет о следующих трудностях понимания квантовой механики:

«

В квантовой механике мы сталкиваемся с новыми физическими идеями, настолько отличными от привычных представлений классической теории, что освоение их представляет значительные трудности, особенно для умов, воспитанных на классической физике. Насколько трудно таким умам „принять“ эти новые идеи, показывает то, что даже создатель теории относительности —

Эйнштейн, — обогативший человеческую мысль не менее глубокими физическими идеями, и, как это ни парадоксально, один из создателей квантовой механики — Шредингер — до сих пор не могут примириться с теми следствиями, которые вытекают из открытия квантовой механики.

В. А. Фок
»

В Советском Союзе дискуссия о новой физике началась в 1922 году на страницах вновь созданного журнала «Под знаменем марксизма». Начиная с 1922 года вплоть до 1933 года этот журнал выходил ежемесячно. В 1934–1935 годах он выходил даже два раза в месяц, но в 1943 году издание захирело и прекратило своё существование. Как видно во время войны было уже не до марксизма, но в 1947 году журнал стал издаваться снова под новым названием «Вопросы философии».

Первоначально журнал уделял основное внимание критике философских взглядов выдающегося учёного, политического деятеля, и философа Александра Александровича Богданова (22.08.1873–7.04.1928), который будучи с 1896 года членом РСДРП, в 1909 отошел от большевиков и посвятил оставшуюся часть жизни занятиям наукой, в том числе и занятиям философией.

В своем дневнике А. А. Богданов так описывает начало дискуссии в журнале «Под знаменем марксизма».

« Я подвергся не десяткам, а полагаю сотням нападений со стороны влиятельных лиц, а то и влиятельных кругов, в официальных документах, публичных выступлениях, в газетных, журнальных статьях, целых книгах. Я как-то сказал, что журнал „Под знаменем марксизма“ издаётся наполовину против меня, однако бывший при этом Ш. М. Дволайцкий, сам один из ближайших сотрудников этого журнала, поправил меня — „не наполовину, а целиком“. Мои попытки отвечать не печатались, да и немыслимо было на всё ответить.

А. А. Богданов
»

Естественно, что среди тем нового издания должны были появиться статьи, в которых рассматривались философские вопросы, связанные с теорией относительности Эйнштейна.

В. И. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма», опубликованной на страницах журнала в 1922 году в третьем номере, положительно высказался о необходимости проведения дискуссии, однако, будучи умным человеком, от своей оценки теории относительности устранился. Эта уклончивость Ленина позволила двум сторонам записать его в свои союзники.

К середине 1920-х годов вокруг этого журнала сформировалась антиэйнштейновская группа так называемых «механистов», в которую вошли: А. К. Тимирязев, Н. П. Кастерин, Я. И. Грима, Г. А. Харазов и В. Ф. Миткевич. Теорию относительности Эйнштейна они не только не принимали и критиковали, но и противопоставляли ей «механическую картину мира», опираясь, по их мнению, на «серьезный аргумент» в пользу своей правоты, на неподтверждённые опыты Д. Миллера, как будто бы обнаружившего «эфирный ветер».

Один из главных редакторов журнала А. М. Деборин, будучи противником теории относительности, назвал её «софистикой, опрокидывающей весь мир», и в 1924 году призвал к дискуссии по поводу этого раздела физики. В том же году сын выдающегося биолога К. А. Тимирязева, профессор МГУ А. К. Тимирязев опубликовал статью, в которой высказал мнение, что «От теории Эйнштейна до диалектического материализма — дистанция огромного размера».

В 1925–26 годах А. К. Тимирязев опубликовал около десяти статей с критикой теории относительности. В декабре 1926 года в Москве происходил пятый съезд русских физиков, на котором А. К. Тимирязев выступил с большим докладом, посвященным критике теории относительности. Однако ведущие физики Советского Союза А. Ф. Иоффе и Я. И. Френкель, к которым прикнули Л. И. Мандельштам, И. Е. Тамм, В. А. Фок выступили с защитой теории относительности. Тогда ещё можно было вести дискуссии. Однако в начале 1930-х годов на смену группе «механистов» пришла группа «молодых сталинистов»: М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Ф. К. Константинов, Э. Кольман и А. А. Максимов,

которые также стали выступать с критикой теории относительности. В этой новой группе не признавались открытия в ядерной физике, не признавалась квантовая механика и теория относительности. Противник теории относительности и сторонник теории эфира В. Ф. Миткевич обосновывал существование теории эфира следующими аргументами:

« Как известно, по рассматриваемому вопросу в науке существуют две точки зрения, взаимно исключающие одна другую: точка зрения действия на расстоянии (без участия материальной среды) и фарадеево-максвелловская точка зрения, согласно которой все взаимодействия в природе совершаются не иначе, как при непосредственном участии процессов, происходящих в промежуточной среде. Антагонизму между этими двумя точками зрения я посвятил частично или полностью ряд моих выступлений. При этом я сформулировал вопрос, касающийся характера взаимодействия каких-либо двух физических центров. Этот вопрос, несколько разнообразя его построение, я систематически задавал с 1930 г моим идейным противникам (А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилову, Я. И. Френкелю, И. Е. Тамму, В. А. Фоку и другим), которые до последнего времени так же систематически уклоняются от четкого ответа на него.

В. Ф. Миткевич

»

Академик И. Е. Тамм в ответ на это высказывание в своей статье, опубликованной в пятом номере 1933 года в журнале «Под знаменем марксизма», высказал следующую точку зрения:

« Основное зло состоит в том, что громадное большинство представителей марксистской философии, работающих у нас в области физических и смежных дисциплин, просто-напросто не знает современного положения науки. В лучшем случае знания этих философов соответствуют уровню прошлого и начала этого столетия. Между тем как раз последние 30 лет были периодом необычайно бурного, исключительно плодотворного развития физики. Товарищи философы в своих ответственных выступлениях нередко обнаруживают такую степень научной безграмотности, даже не в области новейших достижений науки, а

в области элементарных ее основ, за которую не поздоровилось бы рядовому вузовцу. Это основное зло влечет за собой и другие. Свое незнание и непонимание многие философы маскируют пышным, но бессодержательным пустословием, только затемняющим суть вопросов. Несомненно, глубоко не правы те, к сожалению, многочисленные представители научных работников, которые ставят знак равенства между философией диалектического материализма и некоторыми ее неудачными представителями.

И. Е. Тамм

В марте 1936 года планировалось провести сессию АН СССР, на которой предполагалось обсудить состояние советской науки. На подготовительном совещании в январе опять возникла дискуссия между сторонниками и противниками теории относительности. Однако в целом на этом совещании сторонники Эйнштейна (Иоффе, Френкель, Фок, Тамм) выступили сплоченной группой и взяли верх над противниками. Представители обеих групп на этом совещании не стеснялись говорить языком довольно далеким от цивилизованной научной дискуссии.

В частности, академик А. Ф. Иоффе в своем выступлении говорил:

Прикрывая маленькую группу реакционеров в физике, смыкающихся по своим физическим взглядам с немецкими фашистами, статья Максимова обвиняет всю остальную советскую физику и всех передовых ученых Запада в идеализме, в анти-советских политических установках.

А. Ф. Иоффе

В его выступлении звучали фразы и «недостойная клевета», и «поражающая безграмотность, чудовищная до своей нелепости», и «физическое невежество». Говорилось и о «развязной безграмотности», и о «недоучившихся физике философах», и о «научной отсталости». Подобного рода эпитеты не содействовали цивилизованной дискуссии и дружественным отношениям между философами и физиками. В преддверии большого террора 1937 и 1938 годов подобного рода отношения были чрезвычайно опасны и совершенно некстати. До арестов, в том числе и физиков, было уже совсем близко.

Особенно активно на защиту теории относительности выступил академик Владимир Александрович Фок (22.12.1898 – 27.12.1974).

В. А. Фок родился в Санкт-Петербурге в семье ученого лесовода А. А. Фока, известного среди специалистов своими трудами по лесному делу. После окончания в 1916 году школы Владимир Фок поступил на физико-математический факультет Петроградского университета. Однако шла война, и Фок добровольно перешёл в артиллерийское училище. После ускоренного обучения в училище, он был направлен на фронт. Принимал участие в боевых действиях, был ранен, после ранения практически потерял слух. В 1918 году был демобилизован и возобновил занятия в университете. В студенческие годы проявил исключительные способности по математике и физике. Как одного из лучших студентов профессор Д. С. Рождественский зачислил Фока в число лаборантов во вновь организованный Государственный оптический институт вместе с другими студентами: А. Н. Терениным, Е. Ф. Гроссом, С. Э. Фришем, ставшими впоследствии известными учёными.

Уже в студенческие годы В. А. Фок опубликовал две научные статьи, одну по квантовой теории, а другую по математической физике. По существу эти два направления вместе с теорией относительности и философией определили круг его научных интересов в будущем.

С 1924 года по 1936 год В. А. Фок работал в Ленинградском физико-техническом институте. С 1928 по 1941 год он руководил отделом в Государственном оптическом институте. Кроме того он вёл научно-педагогическую деятельность в Ленинградском университете, где прошёл путь от студента до заведующего кафедрой теоретической физики, которой заведовал до последних дней своей жизни.

Во время заграничных командировок в 1927–1928 годах в Париж и в Гёттинген В. А. Фок выполнил несколько важных работ по квантовой механике. В 1932 году В. А. Фок был избран член-

корреспондентом АН СССР, в 1939 его избрали действительным членом Академии Наук.

Огромную работу В. А. Фок проводил по борьбе с научным невежеством. В своей статье «Берия и теория относительности» С. С. Илизаров и Л. И. Пушкарева пишут:

«Бесстрашная и целенаправленная борьба выдающегося советского физика-теоретика академика Владимира Александровича Фока с невежеством и мракобесием, борьба, начатая им еще в тридцатые годы, отличала его от абсолютного большинства современников. Дело в том что В. А. Фок, не жалея ни времени, ни сил, не только глубоко изучил философию, но и рано понял необходимость в сложившихся условиях освоения диалектического материализма. Выдерживать инквизиторский напор советских философов можно было лишь заговорив на их новоязе.»

Вспоминая о своем отце, М. В. Фок отмечал, что «большую часть жизни ему приходилось бороться на два фронта, ибо физики, не зная философии, нередко допускали утверждения, нелепые с точки зрения философии, а философы, даже добросовестные, в ответ отрицали все подряд — и квантовую механику, и теорию относительности. Потом он даже шутил, что ему приходится заниматься „чепухологией“, но тогда было не до шуток».

По-видимому, недоброжелателей среди философов у Владимира Александровича было немало, и в 1935 году В. А. Фока арестовали. Вот что пишет известный физик Д. Д. Иваненко о первом аресте академика В. А. Фока.

«Начались аресты, и огромное число, более 40 тыс. людей, из Ленинграда выслали, в том числе много интеллигенции, ряд сотрудников иоффовского физико-технического института, и меня в том числе. После всяких пересадок, этапов, почти года в лагере меня спасли. Формально хлопотал Иоффе с помощью Вавилова в ЦК, ну и Френкель, собственно, действовал, а Бронштейн собирал подписи еще Фока и Круткова. Фока тогда тоже арестовали в этот первый ленинградский заход. Но его через несколько дней выпустили, причем с анекдотом. При этом сказали:

— Пожалуйста, вы можете идти, но можете посидеть здесь и подождать. Это было ночью, поскольку всегда забирали ночью и отпускали ночью.

— Нет, говорит он, — лучше я пойду.

А тюрьма была на Нижегородской улице, возле Финляндского вокзала, а жил Фок возле Мариинского театра — через весь город надо идти. Надо было пройти всю Выборгскую, Петроградскую сторону, пройти через Неву, пройти набережную, дойти до Мариинского театра и пойти дальше, и все пешочком. Он решил что, нет, подальше от греха, уж лучше пойду домой.

В. А. Фок стал интересоваться методологическими и философскими вопросами квантовой механики в начале 1930 годов. На протяжении 20 лет он активно участвовал в дискуссиях проходящих между философами и физиками, защищая квантовую механику и теорию относительности от некомпетентной и идеологизированной критики с позиций диалектического материализма. Он опубликовал ряд статей в философских изданиях, выступал на совещаниях, на которых обсуждались философские проблемы физики, в 1945 году организовал первый в стране постоянно действующий семинар по философским проблемам современной физики.

Наиболее значительный вклад Фока в философию естествознания относился к интерпретации квантовой механики и общей теории относительности. В новой философской энциклопедии, в разделе, посвященном В. А. Фоку, отмечается:

« В 1930–50-е гг. он доказывал согласуемость копенгагенской интерпретации и принципа дополнительности с основными положениями диалектического материализма, стараясь освободить отдельные формулировки Бора от „позитивистского налета“ и критикуя, в частности, идею „неконтролируемого взаимодействия между объектом и прибором“. В последующие годы (1960–70-е) Фок развил представление о „принципе относительности к средствам наблюдения“, являющемся обобщением эйнштейновского принципа относительности и боровского принципа дополнитель-

Д. Д. Иваненко

ности. Этот принцип в сочетании с идеей объективного описания реальности на основе понятия „потенциальных возможностей“ взаимодействия объекта и прибора позволил Фоку усовершенствовать диалектико-материалистическую трактовку квантовой механики.

Уже в 1930-е гг. Фок считал ошибочной эйнштейновскую программу построения единой геометрической теории поля, а в известной дискуссии между Бором и Эйнштейном по проблемам квантовой механики был на стороне Бора. При этом Фок считал теорию относительности теоретическим фундаментом современной физики и энергично защищал ее от обвинений в идеализме и от невежественной критики механицистов.

СФН
»

Однако критика часто не проходит бесследно и 11-го февраля 1937 года Владимира Александровича арестовали снова. После ареста ему заявили, что он задержан как немецкий шпион, поскольку у него была совместная статья с немецким физиком — теоретиком Паскуалем Йорданом (18.10.1902 – 31.07.1980), который с 1933 года и в самом деле был членом фашистской партии и участником штурмовых отрядов. Фок все предъявленные обвинения отрицал и ему повезло. Академик Петр Леонидович Капица написал письма Сталину и заместителю Председателя Совета народных комиссаров Валерию Ивановичу Межлауку (7.02.1893 – 29.07.1938) с просьбой разобраться и выпустить В. А. Фока. Ходатайство Капицы помогло.

Перед освобождением Фока привезли в Москву на беседу к народному комиссару внутренних дел СССР Н. И. Ежову (19.04.1895 – 4.02.1940). Нарком рассказал Фоку об огромном количестве врагов народа и закончил свою беседу тем, что при таком огромном их количестве неизбежно возникают ошибки. Но сотрудники наркомата умеют их находить и исправлять, типичным примером этого является освобождение Фока. Рассказывают, что услышав сказанное наркомом Ежовым, Фок пожал ему руку и поблагодарил за раскрытие заговора.

Однако, оказавшись дважды арестованным сотрудниками НКВД, Владимир Александрович Фок не остановился в своей борьбе с философами, нападавшими на квантовую механику и теорию относительности.

Эта борьба особенно обострилась в конце 40-х годов. Как известно, вопреки ожиданиям интеллигенции Советского Союза, что в послевоенное время произойдёт некоторая либерализация в стране, идеологические запреты стали только усиливаться.

14-го августа 1946 года вышло печально знаменитое «Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) „О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», которое спустя неделю было опубликовано в газете «Правда». В первых строках этого постановления говорилось:

«ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы „Звезда“ и „Ленинград“ ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале „Звезда“ за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой „Звезды“ является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции „Звезды“ известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание.

Досталось в этом постановлении и великой русской поэтессе двадцатого столетия Анне Ахматовой.

После первого постановления стали появляться другие. Также в августе 1946 года вышло постановление «О репертуаре драматических театров». Через месяц в сентябре 1946 года появилось постановление ЦК КПСС «О кинофильме «Большая жизнь»». В феврале 1948 года вышло постановление «Об опере В. Мурадели „Великая дружба“». Развернулась мощная компания по борьбе с

Постановление Оргбюро ВКП(б)

»

так называемым космополитизмом, которая была призвана при-
нижать всё иностранное, и восхвалять все советское.

В июле – августе 1948 года прошла сессия ВАСХНИЛ, на ко-
торой академику Лысенко удалось на долгие годы приостановить
развитие биологии в Советском Союзе.

В этой связи публикация одного из главных официаль-
ных идеологов в области философских проблем естествознания
А. А. Максимова (4.08.1891 – 28.06.1976) статьи «Об одном фи-
лософском кентавре» в «Литературной газете» кажется весьма
знаковой. В своей статье Максимов обрушился с критикой на ра-
боту физика-теоретика М. А. Маркова «О природе физического
знания», опубликованной в журнале «Вопросы философии», № 2
за 1947 год. В этой статье Максимов писал:

« „Боровское истолкование соотношения неточностей квантовой
механики есть отход от материализма“, „философские воззрения
Н. Бора — типичный продукт идеологической реакции, порожда-
емой эпохой империализма в буржуазных странах. Философские
воззрения Н. Бора — тот самый нежизнеспособный продукт, от-
брос, который подлежит, по определению Ленина, отправке в
помещение для нечистот“.

А. А. Максимов

Результат этой критики привёл к смене руководства журнала
«Вопросы философии».

На первый взгляд может показаться, что ничего вредного от
дискуссий и споров не возникает, тем более, если они ведутся
цивилизованными методами. Но в том-то вся и беда, что кро-
ме обидных слов, произнесенных в дискуссии и споре, возникали
серьёзные последствия. В лучшем случае люди теряли работу, а
в худшем случае за свои убеждения могли оказаться в тюрьме
или даже теряли жизнь.

В предисловии к статье А. С. Сониной, опубликованной в
журнале «Природа», Сергей Петрович Капица, сын академика
П. Л. Капицы, пишет:

« История подготовки совещания, призванного подвергнуть
уничтожающей критике ряд советских физиков и некоторые на-

правления нашей науки, очень поучительна. Прежде всего, в ней выявляется механизм разработки акций, подобных известным сталинским процессам. Борьба идеализма и материализма в физике — здесь лишь философская маска, скрывающая политические цели.

Ведь, по существу, в позиции критиков гораздо больше идеализма, вернее субъективизма, чем у обвиняемых. Противоречия же между создаваемой новой физикой (квантовой механикой и теорией относительности) и теорией познания диалектического материализма практически нет.

Поэтому, на мой взгляд, наиболее интересен именно способ подготовки таких „дискуссий“ с заранее намеченными жертвами и заранее рассчитанными ударами. Видно, как искусно при этом эксплуатировались человеческие слабости. Пожалуй, наиболее трагична роль С. И. Вавилова, несомненно, одного из выдающихся физиков своего времени. Руководство Академией наук, с одной стороны, и гибель брата — с другой, ставили его в невыносимое положение. Думаю, он прекрасно сознавал, чего от него ждали, и какая роль ему отводилась, но он не мог отказаться от нее, понимая, что подлинные „режиссеры“ спектакля тотчас же найдут другого исполнителя, и судьба многострадальной отечественной науки может стать ещё незавиднее.

Это подтверждает и эпизод, известный мне от отца. В январе 1951 г. Сергей Иванович пригласил моих родителей к себе домой на Старый Арбат. За ужином в тесном кругу (присутствовали только хозяин с женой и мои родители) Вавилов был настолько откровенен, что Петра Леонидовича это поразило до глубины души, тем более что большой близости между ними никогда не было, а помещение, видимо, прослушивалось. Речь шла о положении в науке, о той страшной ситуации, в которой оказались ученые. Беседа кончилась поздно, и отец уехал на дачу, где жил тогда уединенно и замкнуто, лишённый нормальных условий для работы. Через несколько дней Сергея Ивановича не стало.

Материалы совещания — это также свидетельство принципиальности и гражданского мужества одних ученых и предательства науки и истины другими. Как и стенограммы печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года, они полезны каждому, кому небезразличны морально-этические проблемы в науке и жизни. Нравственная сторона науки неотделима от истинных моральных ценностей, выработанных человечеством. Физика, как и биология, могла оказаться жертвой невежества, карьеризма и нетерпимости в борьбе за власть, где цель оправдывала любые средства. Так что нравственный урок этого эпизода в истории нашей науки имеет значение, выходящее далеко за рамки своего предмета, значение, о котором мы должны помнить сегодня и всегда.

С. П. Капица
»

О подготовке совещания в 1949 году среди физиков до сих пор существуют противоречивые мнения. Некоторые считают, что никакого совещания вообще не планировалось, и это всего лишь плод фантазии людей, напуганных сессией ВАСХНИЛ 1948 года, но некоторые искренне убеждены, что такое совещание действительно предполагалось. Конечно, прошлое существует только в нашем воображении и в нашей памяти. На самом — то деле его уже нет. А если его и не было, то вообще нельзя сказать ничего определённого.

Однако совещание действительно планировалось, и это является подтвержденным фактом. Вот что пишет в своей статье исследователь событий тех лет доктор физико-математических наук А. С. Сонин¹:

« Первый же просмотр реестра архивных дел за 1948–1949 гг. приносит удачу — в архиве „хранятся постоянно“ стенограммы заседаний оргкомитета Всесоюзного совещания физиков, тезисы и тексты всех докладов и выступлений, которые должны были произноситься на совещании. Редкая удача! Первая подшивка

¹Помимо цитируемых работ см. также последнее капитальное исследование автора: Сонин А. С. Физический идеализм: Советская физика в тисках идеологии. Изд. 2-е. М.: Ленанд/URSS, 2016 (в печати). — Прим. ред.

содержит директивные документы. Из них видно, что решение о проведении Всесоюзного совещания физиков принято секретариатом ЦК ВКП(б). Именно он поручил Министерству высшего образования СССР (МВО) и Академии наук СССР провести совещание в Москве с 24 по 30 января 1949 года.

Причины, по которым созывалось совещание, четко сформулированы в письме Министра С. В. Кафтанова заместителю Председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилову:

„Министерство высшего образования СССР и Академия наук СССР считают, что в преподавании физики в высших учебных заведениях, а также в области работы по теоретической физике имеются серьезные недостатки. Курс физики преподается во многих учебных заведениях в полном отрыве от диалектического материализма. Гениальное произведение В. И. Ленина ‘Материализм и эмпириокритицизм’ еще далеко не полно используется преподавателями физики при изложении ими курса. Вместо решительного разоблачения враждебных марксизму-ленинизму течений, проникающих через физику в высшие учебные заведения, некоторые наши ученые, зачастую, сами становятся на позиции этих идеалистических течений.

Литература по квантовой механике и теории относительности, которая преподносится советскому читателю, в основном написана буржуазными учеными. Наши физики-теоретики часто занимаются лишь переводом буржуазных источников по этим важнейшим теориям современной физики. В советских учебниках по физике не дается последовательного изложения современных достижений физики на основе диалектического материализма.

Существует большая путаница при изложении таких основных понятий физики, как масса и энергия. В учебниках совершенно недостаточно показана роль русских и советских ученых в развитии физики; книги пестрят именами иностранных ученых. Цель совещания — обсудить недостатки в работе физиков и наметить мероприятия для их устранения“.

А. С. Соин
»

Конференцию вначале предполагалось провести 24 января 1949 года, но в связи с проведением Московской областной партийной школы её перенесли на 3-е февраля, а затем на 21-е февраля. Наконец всесоюзное совещание было решено провести 21-го марта 1949 года. На этой конференции предполагалось обсудить два главных направления: «физический идеализм» в теоретической физике и «космополитизм и низкопоклонство в физике».

Для подготовки совещания, как это и полагалось, постановлением МВО и АН СССР №40/9 от 17 декабря 1948 года был создан оргкомитет в составе: А. В. Топчиев (председатель), А. Ф. Иоффе — академик-секретарь физико-математического отделения АН СССР (зам. председателя), А. А. Андронов — профессор Горьковского университета, Б. Е. Воловик — начальник отдела научно-исследовательских работ МВО, Б. М. Вул — член-корреспондент АН СССР, К. Ф. Жигач — начальник Главного управления университетов МВО, Б. М. Кедров — главный редактор журнала «Вопросы философии», А. А. Максимов — член-корреспондент АН СССР, В. Ф. Ноздрёв — доцент МГУ, М. Э. Омеляновский — директор Института философии АН УССР, М. Н. Орлов — начальник Главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР, К. А. Путилов — профессор Московского высшего технического училища, А. С. Предводителей — член-корреспондент АН СССР, А. А. Соколов — декан физического факультета МГУ и Н. С. Шевцов — начальник отдела преподавания общественных наук МВО.

Из статьи А. С. Сониной, опубликованной в журнале «Природа», мы узнаём:

«Совещание планировалось провести в Московском Доме ученых, куда приглашалось около 600 участников. Мероприятие готовилось грандиозное; по масштабу и значению оно должно было стать вровень с недавней сессией ВАСХНИЛ. Как и там, предполагалось тщательно всё отрепетировать, подготовить доклады и выступления, прослушать и утвердить их на заседаниях

оргкомитета, а после совещания сразу же издать полный стенографический отчет. Оргкомитет работал два с половиной месяца (с 30-го декабря 1948 года по 16-е марта 1949 года).

Все 42 заседания оргкомитета фактически стали заседаниями несостоявшегося совещания, поскольку в обсуждении докладов и выступлениях участвовали специально приглашенные ведущие физики и философы страны. Намечалось 10 основных докладов: С. И. Вавилова „О современной физике и задачах советских физиков“, А. В. Топчиева „О мерах по улучшению подготовки научных кадров по физике“, К. Ф. Жигача „О недостатках подготовки кадров физиков в университетах и мерах по их устранению“, А. Ф. Иоффе „О мерах улучшения преподавания физики в технических вузах“, Н. А. Капцова и Б. А. Кудрявцева „О подготовке преподавателей истории физики и об учебнике по истории физики“, К. А. Путилова „О недостатках существующих учебников по физике“, П. А. Знаменского „О подготовке преподавателей физики для средней школы“, А. Б. Млодзеевского „Задачи по улучшению лекционного демонстрирования в курсе физики“, В. М. Чулановского „О недостатках в постановке экспериментального образования физиков в университетах и мерах к их устранению“, А. А. Соколова „О мероприятиях по улучшению работы физических научных журналов“.

Все доклады тщательно обсуждались на заседаниях оргкомитета, доклады Вавилова, Млодзеевского, Соколова, Чулановского заслушивались повторно, после внесения исправлений и дополнений по результатам первого обсуждения.

Судя по названиям докладов, которые предполагалось представить на совещании, каждый из докладов нельзя рассматривать как нечто из ряда вон выходящее и опасное для развития физики. Однако, на самом деле, это было время, когда каждое совещание, каждое выступление рассматривалось сквозь призму идеологии. В частности, профессор физического факультета Московского государственного университета В. Н. Кессених, при

А. С. Соин
»

обсуждении доклада С. И. Вавилова, произнёс следующие характерные слова:

«Пример нам — оздоровительная буря сессии ВАСХНИЛ, но физика в 100 раз важнее биологии. Сейчас идет борьба за то, чтобы превратить советскую физику в питательную среду для развития идеологических извращений, оторвать ее от практической работы.»

В. Н. Кесених
»

Ему практически вторит профессор Высшего технического училища К. Путилов:

«Речь идет о гораздо большем, о том, чтобы разобраться в политической линии советской физики».

Профессор Кедров при обсуждении того же доклада, говорит о том, что советские люди должны принимать участие в идеологической борьбе:

«Вопрос о том, чтобы мы, советские ученые, и прежде всего советские физики, принимали участие в той идеологической борьбе, которая идет сейчас между Советским Союзом и нашими зарубежными врагами, т. е. речь о позиции Советской науки, оппозициях и всякого рода колебаниях в отношении буржуазной наук.»

В. М. Кедров
»

Профессор философского факультета МГУ Ф. И. Георгиев уже договорился до того, что надо давать другое толкование физическим законам:

«Когда человек говорит, что дает такое же истолкование, которое дает Бор, физическому факту, то надо сказать, что с этим человеком нужно вести решительную борьбу, ибо это есть самое открытое низкопоклонство перед буржуазными авторитетами и учеными в кавычках. Зарубежные авторитеты, и прежде всего Гейзенберг, Бор, Шредингер, оказали огромное вредное отрицательное влияние на развитие советской физики.»

Ф. И. Георгиев
»

Интересную характеристику дал председатель оргкомитета профессор А. В. Топчиев член-корреспонденту Я. И. Френкелю:

«Если возьмёте одного Френкеля, то это пример идеалиста, человека, который раболепски относится к иностранным ученым,

к их авторитету. Возьмите один только такой факт, как выпуск книги на английском языке; а затем Френкель приходит в редакцию и говорит: „Если вы считаете интересным, то переведите эту книгу“. Разве это советский ученый! Большинство его работ опубликовано за границей, а у нас не опубликовано. Ещё пример, казалось бы, маленький. Вдруг он пишет одному иностранному ученому год-два тому назад: „пришлите мне часы“ (голоса: Позор!), что в Советском Союзе он не может приобрести часов? Такие поступки позорят нашу советскую действительность.

А. В. Топчиев

Как можно видеть, уже во время заседаний организационного комитета при подготовке совещания высказывались достаточно агрессивные точки зрения и суждения.

В результате работы подготовительных заседаний было подготовлен проект постановления Всесоюзного Совещания физиков, который в нынешнее время нельзя читать без улыбки, но в годы, когда планировалось это совещание, было не до улыбок. В проекте постановления высказано много, мягко говоря, странных и противоречивых суждений. Приведём некоторые выдержки из проекта постановления:

« Величайший вклад в сокровищницу науки составляют гениальные труды Ленина и Сталина. Учение Ленина и Сталина является могучим идейным оружием в борьбе нашего народа за победу коммунизма, оно вооружает трудящихся всех стран в их борьбе за свободу, за демократию, за мир.

Исследования Мичурина, Вильямса, Лысенко высоко подняли значение биологии в нашей стране. Мичуринская агробиология является воплощением единства теории и практики в познании закономерности живой природы.

И это всё написано всего лишь за семь лет до XX-го съезда КПСС. Далее можно прочесть следующее:

« Задача всех советских физиков — с честью выполнить указания товарища Сталина „не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны“.

Громадное большинство советских физиков с успехом работает над решением этой задачи, руководствуясь учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Советские физики в подавляющем большинстве стоят на позициях диалектического материализма, борются за принцип партийности в науке и являются пламенными советскими патриотами.

Однако среди некоторой части советских физиков до сих пор не изжита идиотская болезнь раболепия перед наукой капиталистических стран, увлечение космополитическими идеями, некритическое восприятие и пропаганда реакционных идей, проповедуемых некоторыми зарубежными физиками (Н. Бор, Гейзенберг, Шредингер, Йордан).

В проекте постановления даётся и «оценка развития физики за рубежом, которая выглядит то ли смешной, то ли наивной»:

« Физика за рубежом находится в состоянии затяжного кризиса, и приняла уродливые формы. Фашиствующий империализм насилует науку, требуя от нее новых более совершенных технических средств агрессии. С другой стороны, он пытается поставить ее на службу гнилой реакционной идеологии. В результате, современная физика капиталистического Запада, особенно Америки и Англии, производит гнетущее впечатление скудностью идей, отсутствием перспектив развития, признанием за физической теорией только чисто описательных возможностей.

И это написано тогда, когда в США уже имелось полноценное атомное оружие, интенсивно создавались первые вычислительные машины, активно выполнялись работы по биологии и генетике.

Досталось в этом проекте совещания и нашим выдающимся учёным — Ландау, Иоффе, Капице, и Маркову. В проекте постановления говорится:

« Однако некоторые физики (Ландау, Иоффе), раболепствуя перед западом, заявляли, что наша физика имела „провинциальный“ характер, что физика в Советском Союзе к моменту революции практически не существовала.

Откровенный космополитизм проповедовал академик Капица в годы Отечественной войны, когда народ самоотверженно защищал свою национальную независимость. Идеологом космополитизма является Б. Кедров, который в своих „философских“ построениях пришел в полное противоречие с диалектическим материализмом.

Вместо того, чтобы раскритиковать идеалистические черты физических теорий, создаваемых за рубежом, некоторые наши физики некритически воспринимают эти теории и пропагандируют их в нашей стране (Френкель, Марков).

Книги и статьи буржуазных физиков переводятся без всякой критики и получают широкое распространение. К числу книг, открыто проповедующих идеализм, относятся напумевшие книги „Жизнь с точки зрения физики“ Шредингера, „Атомная энергия“ Смита. »

Удивительно, но всё это было написано в то время, когда книга Смита была по существу настольной книгой всех специалистов, работающих над атомным оружием в Советском Союзе. Эта книга была определенной энциклопедией при создании атомного оружия. Она реально позволяла получить весь открытый круг проблемы создания атомного оружия.

В проекте говорится об идеалистических выводах из теории относительности и квантовой механики:

« Идеалистические философские течения, пытавшиеся опереться на достижения современной физики, не разоблачаются и должным образом не критикуются. Особенно серьезную опасность для студенчества представляют идеалистические философские выводы из современной теоретической физики (квантовой механики и теории относительности).

Подавляющее большинство наших учебников и учебных пособий по общей и теоретической физике страдает серьезными недостатками методологического характера. Некоторые из них:

„Механика“ Хайкина, „Теоретическая физика“ Ландау и Лифшица, „Атомная физика“ Шпольского, „Статистическая физика“ Френкеля популяризируют концепции зарубежных физиков. »

« Закачивался проект постановления своеобразным призывом: Всесоюзное совещание физиков призывает всех научных работников и преподавателей в области физики, всех людей науки и техники самоотверженной работой оправдать доверие Партии, народа и претворить в жизнь указание Великого Сталина — превзойти физику во всех ее областях. »

По результатам этого совещания высшая партийная власть Советского Союза готовилась провести чистку среди физиков по аналогии с чисткой в биологии 1948 года. По-видимому, на это было получено разрешение Сталина.

Всё, кажется, было уже готово. Однако буквально за неделю до начала совещания поступила команда его снова отложить. После 21-го марта о необходимости его проведения уже больше не вспоминали.

В настоящее время общепринятой точкой зрения является та, что проведение этого совещания было приостановлено вмешательством Лаврентия Берии. Подтверждая этот факт Е. Л. Фейнберг, в своей книге ссылается на заместителя И. В. Курчатова И. Н. Головина:

« И. Н. Головин, заместитель Курчатова, рассказал, со слов генерала В. А. Махнева, главного референта Берии в Спецкомитете, вот что:

„И. В. Курчатов пошёл к Берии спасать советскую физику. Берия спросил, правда ли, что теория относительности и квантовая механика — это идеализм, и от них надо отказаться? На это Курчатов ответил:

— Мы делаем атомную бомбу, действие которой основано на теории относительности и квантовой механике. Если от них отказаться, придётся отказаться от бомбы.

Берия был явно встревожен этим ответом, он сказал, что самое главное бомба, а всё остальное ерунда. По-видимому, он тут же доложил Сталину, и тот дал команду не проводить совещания“.

В своей книге «Советские физики шутят...» Борис Горобец описывает процесс отмены этого совещания более анекдотично:

« Во время проведения одного из заседаний у президента Академии Наук СССР Сергея Ивановича Вавилова, на котором обсуждалось проведение совещания по физике, раздался телефонный звонок из правительства. Президент снял трубку. Все услышали следующие слова Вавилова:

— Здравствуйте Лаврентий Павлович...

— Да, Лаврентий Павлович...

— Конечно, Лаврентий Павлович...

— До свидания, Лаврентий Павлович.

Закончив этот короткий разговор, президент сказал:

— Совещания не будет.

На этом вся затея и заседание закончилось.

Однако философы всё ещё не признали своего окончательного поражения и не успокоились. Среди них особенной непримиримостью выделялся член-корреспондент А. А. Макаров.

В своей статье С. С. Илизаров и Л. И. Пушкарева пишут:

« Философ и физик по образованию, член-корреспондент АН СССР, Александр Александрович Максимов в интерпретации квантовой механики и теории относительности выступал с псевдонаучных и абсолютно негативных позиций; будучи неспособным предложить какую-либо собственную систе-

Е. Л. Фейнберг

»

«Советские физики шутят...»

»

му, объясняющую физическую теорию, он выискивал среди соотечественников-естествоиспытателей идеалистов, махистов и т.д. Впрочем, он был не одинок и, к примеру, вдохновляемые им философ И. В. Кузнецов и физик Р. Я. Штейнман перешли от критики философии А. Эйнштейна к призывам отказаться от самой теории относительности. Публикация — летом 1952 года в ведомственной газете „Красный флот“ очередной воинствующей и невежественной статьи А. А. Максимова „Против реакционного Эйнштейнианства в физике“ явилась удобным случаем для группы академических физиков и математиков перейти в наступление с целью защиты теории относительности.

С. Илизаров, Л. Пушкарева

»

В своей статье, опубликованной 14-го июня 1952 года в газете «Красный флот», Максимов утверждал:

« Теория относительности Эйнштейна, несомненно, пропагандирует антинаучные воззрения по коренным вопросам современной физики и науки вообще. Воззрения Эйнштейна повели физику не вперед, а вспять, как в отношении теории познания, так и метода. Уже многие физики сознают, что теория относительности Эйнштейна — это тупик современной физики.

А. А. Максимов

»

А. А. Максимов в своей статье также утверждал, что воззрения советских сторонников теории относительности и, в частности, Л. И. Мандельштама: «есть полное повторение всех основных положений современной англо-американской идеалистической философии — измышлений так называемых логических позитивистов или логических эмпириков, физикалистов, операционалистов, семантиков и прочих фокусников, целью которых является обработка голов доверчивых потребителей наукообразной болтовней».

Оценивая физиков, которые решились на решительное наступление против Максимова и его последователей, С. С. Илизаров и Л. И. Пушкарева пишут:

« Мощная „броня“ из секретного характера спецработ, значков лауреатов Сталинских премий, звезд героев, академических званий и прочего была, очевидно, достаточной, чтобы решиться отстаивать жизненно важные интересы отечественной науки. Но всего этого было явно мало для того, чтобы добиться серьезной и внушительной публикации, разоблачавшей невежество записных идеологов. Арбитром в научных спорах был высший партийный аппарат. Л. П. Берия — покровитель и босс советских физиков, произведший на В. А. Фока „впечатление очень умного человека“, принял ходатайство группы выдающихся ученых, просивших поддержать публикацию статьи В. А. Фока под более чем выразительным названием „Против невежественной критики современных физических теорий“.

С. С. Иглицаров и Л. И. Пушкарева

»

Эта статья после рассмотрения вопроса в ЦК КПСС была опубликована в журнале «Вопросы философии» (1953, № 1, С. 168–174), а также статья А. А. Максимова, «как дискуссионная в общем порядке», «Борьба за материализм в современной физике» (С. 175–195). Само это событие, как одно из узловых в истории противостояния науки и идеологии, прочно вошло в анналы истории советской науки.

Авторы цитируемой статьи безусловно правы: физики, ходатайствовавшие за публикацию статьи В. А. Фока, много сделали для укрепления обороноспособности Советского Союза, имели многочисленные награды, многие из них были лично знакомы с Лаврентием Берией, но все равно надо было иметь мужество и смелость, чтобы по существу выступить против идеологической концепции партийной верхушки Советского Союза. Лаврентию Берии, конечно, тоже надо было иметь смелость, чтобы поддержать их.

Какие выводы можно сделать, читая перечисленные выше письма? Ведущие физики Советского Союза того времени просят своего могущественного куратора из правительства Лаврентия Берия помочь с публикацией статьи своего коллеги В. А. Фока. Уже в первых строках обращения одиннадцати говорится:

« Мы обращаемся к Вам в связи с ненормальным положением, создавшимся в советской физике. Это положение является результатом ошибочной и вредной для интересов советской науки позиции, которую заняли некоторые из наших философов, выступающие по вопросам философии физики. »

Было ли ненормальным положение, создавшееся в советской физике? Мне лично кажется, что в физике-то как раз и тогда было всё нормально, а вот около физики, скорее в идеологии, было не всё хорошо.

Письмо одиннадцати направлено, безусловно, на исправление положения, создавшегося вокруг теории относительности и квантовой механики. Авторы прямо указывают в своём письме, чем должны заниматься философы, интересующиеся вопросами физики:

« Важнейшими задачами советских философов в области физики является материалистическое обобщение громадного круга новых фактов, понятий и идей, накопленных современной физикой, и борьба против идеалистического извращения достижений физической науки. »

Авторы письма одиннадцати говорят о причинах побудивших их написать это письмо: „поводом нашего обращения к Вам послужил возмущивший нас факт опубликования в газете ‘Красный флот’ от 13 июня 1952 г. невежественной и антинаучной статьи члена-корреспондента АН СССР Максимова А. А. под названием ‘Против реакционного Эйнштейнизма в физике’“.

Далее авторы пишут, что «Максимов ополчается не только против теории относительности, но и против всей современной физики, утверждая, что „Лагерь идеализма через Эйнштейна, Бора и Гейзенберга стал направлять развитие физики в тупик“, Максимов тем самым отрицает и квантовую теорию. Огульно обвиняя всю современную физику в идеализме, Максимов, в сущности, тем самым приписывает идеализму все ее величайшие достижения».

В заключение своего письма авторы пишут:

« В настоящее время решающее значение приобретает для нас размах и смелость в работе по принципиальным вопросам экспериментальной и теоретической физики в нашей стране. В этой обстановке позиция тех философов, которые „опровергают“ уже достигнутые научные результаты и, следовательно, тянут науку назад, является особенно вредной. »

Заканчивая своё письмо, академики ходатайствуют о публикации статьи В. А. Фока в журнале:

« Мы считали бы весьма желательным опубликование в центральной прессе статьи академика Фока, посвященной критике статьи Максимова. »

В отзыве на статью Фока члена-корреспондента АН СССР Д. И. Блохинцева говорится:

«Статья В. А. Фока представляется мне принципиально правильной. Путаница, опубликованная в „Красном флоте“ т. Максимовым А. А., кроме вреда, ничего принести не может, причем вреда двойного — и для развития у нас философии, и физики. Поэтому критика В. А. Фока очень своевременна».

Блохинцев, как и положено рецензенту, делает ряд замечаний по статье В. А. Фока, указав, что он рекомендует более ясно отразить заслуги отечественной науки, «в развитие которой самому В. А. Фоку удалось сделать первостепенный вклад».

Лаврентий Берия не мог решить вопрос, связанный с идеологией самостоятельно, и направляет статью В. А. Фока, письмо одиннадцати, отзыв Блохинцева и письмо И. В. Курчатова с поддержкой публикации секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову с просьбой рассмотреть вопрос о публикации статьи Фока. Маленков в свою очередь направляет статью В. А. Фока и сопровождающие письма секретарю ЦК КПСС Н. А. Михайлову и заведующему отделом науки и высших учебных заведений Ю. А. Жданову, которым и рекомендуется рассмотреть вопрос о публикации статьи Фока.

Статья рассматривается, делается замечание редактору газеты «Красный флот» о недопустимости публикаций подобного

рода в непрофильной газете и принимается решение о публикации критической статьи В. А. Фока в журнале «Вопросы философии».

Физики одержали внушительную победу, философы поняли, что для правительства Советского Союза теория относительности и квантовая механика важнее, чем разговоры об идеализме и материализме. Задуманная победа физиков получилась. В ведущих вузах продолжали преподавать теорию относительности и квантовую механику.

Однако иногда у меня возникает вопрос: а знал ли Сталин об этой дискуссии? Разрешение на публикацию статьи было получено очень быстро. Возможно, что Сталину не успели доложить, или доложили так, что вождь не придавал этому значения? Мы не знаем этого. А если бы до Сталина эта информация дошла бы, как это было всего четыре года назад на печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ?

Тогда Лысенко, перед тем как сделать доклад на сессии, послал его Сталину. Сталин прочитал доклад и сделал собственные правки. Вспоминаю, что в докладе Лысенко была фраза: «Всякая наука является классовой!» И пометка Сталина на полях: «А математика?»

Вождь мог посмотреть и на эту дискуссию как на подрыв идеологии? Хотя вероятно, что у него уже не было времени и желания разбираться в идеализме или материализме теории относительности и квантовой механики.

К счастью, на этот раз обошлось без вмешательства вождя. После создания атомного оружия в Советском Союзе физики имели право на то, чтобы философы не мучили им воду и не вносили идеологическую путаницу в науку.

«Инсульт, случившийся у Сталина 1 марта 1953 года, от которого он вскоре умер, произошел столь "вовремя" для его непосредственного окружения, что начиная с 1953 года и до настоящего времени не прекращаются гипотезы и предположения о том, что смерть диктатора не была случайной и естественной, а явилась результатом заговора».

*Жорес Медведев,
журнал «Скепсис»*

Глава 3. Смерть Сталина и раздел власти

В последние годы жизни Иосифа Сталина работать под его руководством стало особенно тяжело и опасно. Пленум ЦК партии, проходивший 16 октября 1952 года, по предложению Сталина провел реорганизацию управления партии: избрал Президиум ЦК из 36 человек и Бюро Президиума в составе: Л. П. Берия, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, И. В. Сталин, Н. С. Хрущёв. В Уставе партии эти структуры не предусматривались и, по существу, были созданы в нарушение установленного порядка.

В составе Бюро Президиума отсутствовали два старейших соратника Сталина: В. М. Молотов и А. И. Микоян. Членами Президиума они остались, но это явилось понижением их статуса. Критика в их адрес, высказанная Сталиным на пленуме, была явным признаком сгустившихся туч. После пленума Сталин уже не приглашал Микояна и Молотова ни к себе на дачу, ни на обеды, ни в кино. Сталину стало казаться, что Молотов — агент американского империализма.

После пленума Президиум больше не заседал, и все вопросы решались на Бюро, да и оно после 26 января 1953 года не собиралось. Обсуждения проводились у Сталина на ужинах, которые сам он называл обедами. Почти каждый день к нему приезжали обедать члены Политбюро, и их «обед» у Сталина продолжался до глубокой ночи.

17 февраля 1953 года Сталин последний раз был в Кремле. В тот день он уехал на ближнюю дачу в Кунцево и до своей смерти больше не выезжал оттуда. О последних днях жизни Сталина известно из воспоминаний тех, кто присутствовал на его даче. Среди них были Никита Хрущёв и дочь Сталина, Светлана Аллилуева.

Позже журналисты и историки разыскивали сотрудников охраны и obsługi и попытались восстановить драматические события, происходившие с 28 февраля до 5 марта 1953 года. Хотя эти события до конца не ясны, в настоящее время они интерпретируются следующим образом.

28 февраля на дачу к Сталину были приглашены Берия, Булганин, Маленков и Хрущёв. Близкие соратники Сталина Ворошилов и Каганович на этот раз приглашены не были. Ворошилов, хотя и был избран в Бюро Президиума, находился в некоторой опале. Хрущёв вспоминал, как Сталин говорил о том, что Ворошилов — английский агент, который каким-то образом «пролез» в Бюро Президиума.

Ужин на даче, как всегда, затянулся. Он закончился в пять или шесть часов утра, что было обычным временем для завершения «сталинских обедов».

Прислуги в комнате не было. По воспоминаниям Н. С. Хрущёва, ничто не предвещало последующих трагических событий. Сталин был весел, много шутил, ткнул Хрущёва пальцем в живот и обозвал Микитой.

В интерпретации историка ельцинского времени Д. Волгонова события выглядели несколько иначе. Сначала Сталин был в приподнятом настроении, но потом разозлился, припомнив и уход из социалистического лагеря Югославии, и упущенную победу в Корее, и «дело врачей». Присутствующие несколько раз пытались успокоить вождя. Наконец, Сталин, «посмотрел на всех тяжелым взглядом, бросил на стол салфетку, сухо кивнул всем и ушел к себе. Его соратники тихо встали и ушли».

И. В. Хрусталёв, прикрепленный помощник, дежуривший в ночь с 28 февраля на 1 марта, будто бы сообщил охране, что перед сном Сталин сказал:

— Ложитесь-ка вы спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобятся.

Прежде такого не случалось, и довольные охранники пошли отдыхать.

Обычно Сталин вставал в 11–12 часов дня, но 1 марта от него весь день не было звонка. К вечеру обслуживающий персонал и охрана стали волноваться по поводу странной тишины в кабинете Сталина, но никто не решался постучаться к нему и уж тем более зайти. Потом в комнате вдруг зажегся свет, и охрана успокоилась, но звонка от вождя так и не последовало. По-видимому, когда Сталин встал, чтобы включить свет, у него произошел сильнейший удар.

Наконец, охранник дачи П. Лозгачёв решился зайти в комнату и увидел Сталина лежащим на полу у стола. Сознание тот еще не потерял, но говорить не мог и еле поднятой рукой звал на помощь. Потом вдруг тихо захрапел и как будто бы уснул.

По словам П. Лозгачёва, Сталина перенесли в большую комнату на диван и стали звонить его соратникам. Позвонили министру МГБ С. Д. Игнатьеву, но тот будто бы испугался и переадресовал звонивших к Маленкову и Берии. Не сразу, а около трех часов ночи приехали Берия, Маленков и Хрущёв. Спросили:

— Что с Хозяином?

Сталин в это время лежал и чуть похрапывал. Берия разозлился:

— Что ж ты панику поднимаешь? Хозяин-то оказывается спит преспокойно. Поедем, Маленков!

Лозгачёв пытался объяснить, что Сталин был найден лежащим на полу и не мог внятно ничего сообщить, но Берия сказал:

— Не поднимай панику, нас не беспокоит. И товарища Сталина не тревожь.

После этого соратники уехали, фактически оставив 73-летнего Сталина умирать. Что это было, халатное отношение соратников к умирающему лидеру страны? Возможно, что так, но можно предположить и то, что имел факт сознательного уничтожения диктатора.

Понимая, что Сталину плохо, кто-то из охраны снова подошел к нему и спросил, как тот себя чувствует. Сталин как будто бы открыл глаза, но ничего не ответил. На этот раз охранники позвонили Молотову. Он сразу приехал и, увидев состояние Сталина, срочно вызвал министра здравоохранения Третьякова с врачами. Молотов также сообщил о болезни вождя другим членам Президиума ЦК.

Никита Хрущёв описывает события той ночи иначе, чем Лозгачёв. В его воспоминаниях можно прочесть, как ему позвонил Маленков и сказал, что снова звонили от Сталина и передали, что тот спит как-то необычно. Под утро они еще раз поехали на ближнюю дачу. Там уже были другие члены Бюро Президиума и врачи. Из известных врачей присутствовал профессор Лукомский. Освидетельствование больного было сделано только в 7 часов утра 2-го марта. Лукомский определил, что у Сталина парализована правая рука и правая нога. Состояние вождя было крайне тяжелым. При таком заболевании человек еще может жить, но к работе уже никогда не вернется.

Члены Бюро Президиума решили установить дежурство у Сталина парами: Маленков вместе с Берией, Молотов вместе с Кагановичем, и Булганин — с Хрущёвым. Никита Сергеевич утверждает, что был момент, когда Сталин вдруг всех узнал и даже пожал руки некоторым из соратников. Однако в подробных записях врачей об этом не говорится.

В своих воспоминаниях Хрущёв описывает «мерзкое и коварное» поведение Берии у постели умирающего. Такая оценка Хрущёва совершенно естественна в свете последующих событий. Однако и дочь Сталина Светлана говорит о неприличном поведе-

нии Берии, отмечая «крайнее возбуждение его отвратительного лица, распившегося от избытка страстей».

А вот профессор медицины В. А. Неговский, который находился в бригаде лечащих врачей, в интервью журналисту газеты «Комсомольская правда» в 1989 году, не подтверждает оценки Хрущёва и Аллилуевой. Он сказал:

« — У меня не сложилось впечатления, что Берия был очень возбужден, как вспоминает Светлана Аллилуева. Да, начальствующий тон был, но ничего другого сказать не могу. В отношении меня был корректен, вежлив. Ничего мне не приказывал. Даже поддерживал:

— Если это нужно делать, то делайте.

Врачи интенсивно боролись за жизнь Сталина, но с каждым часом надежд оставалось все меньше. Находившиеся рядом со Сталиным люди устали и измучились: члены Президиума ЦК засыпали почти на ходу, врачи также чрезвычайно устали. Сталину неоднократно делалось искусственное дыхание. Светлана Аллилуева вспоминала:

„Последние двенадцать часов перед смертью Сталина кислородное голодание усилилось. Он медленно задышался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. Наконец, все было кончено“.

Из воспоминаний сына Хрущёва Сергея:

« Пятого марта отец вернулся раньше обычного. Снял пиджак. Умылся. Вошел в столовую. Сел на диван. Вытянул ноги. Помолчал, а потом произнес:

— Сталин умер. Сегодня. Завтра объявят.

Помявшись, я спросил:

— Где прощание?

— В Колонном зале. Завтра объявят, — равнодушно и как-то отчужденно ответил отец. Затем добавил:

— Очень устал за эти дни. Пойду посплю.

Отец тяжело поднялся и медленно направился в спальню.

В. А. Неговский

С. Н. Хрущёв

Попытку сговора против Берии Никита Хрущёв предпринял еще при своем первом дежурстве с Булганиным. Ему он доверял тогда больше, чем остальным. Из воспоминаний Хрущёва узнаем, что он говорил с Булганиным:

« Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин скоро умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия? Он возьмет себе пост министра госбезопасности. Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает.

Н. С. Хрущёв
»

Булганин согласился с Хрущёвым, и они обсудили свои дальнейшие действия.

5 марта Хрущёв попытался поговорить с Маленковым:

— Егор, мне надо с тобой побеседовать.

— О чем? — холодно спросил Маленков.

— Сталин умрет. Как мы дальше будем жить?

— А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся.

Тогда Хрущёв понял, что Маленков уже договорился обо всем с Берией, и ответил:

— Ну ладно, поговорим потом.

Действительно, в ночь на 5-е марта Маленков и Берия подготовили проект постановления Бюро Президиума ЦК КПСС «О совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР».

Заседание было назначено на 8 часов вечера. Вечером все члены Бюро Президиума приехали в Кремль, чтобы провести заседание. Хотя Сталин еще не умер, но власть уже начали делить. Из соратников у постели умирающего Сталина остался один лишь Булганин. Все собравшиеся на заседание полагали, что смерть Сталина наступит с минуту на минуту, но звонка от Булганина все не поступало.

Совместное заседание продолжалось сорок минут. Председательствовал Никита Хрущёв. Министр здравоохранения Третьяков сделал сообщение о состоянии здоровья Сталина. Выступил Маленков:

«Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве».

Затем слово было предоставлено Берии:

« Бюро Президиума ЦК тщательно обсудило создавшуюся обстановку в нашей стране в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин. Бюро Президиума ЦК считает необходимым теперь же назначить Председателя Совета Министров СССР. Бюро выносит предложение назначить Председателем Совета Министров СССР товарища Маленкова Георгия Максимилиановича.

Л. П. Берия
»

Затем снова выступил Маленков. Он сказал:

— По поручению Бюро Президиума ЦК КПСС вносит предложение о назначении первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР тт. Берия Л. П., Молотова В. М., Булганина Н. А., Кагановича Л. М.

Возгласы с мест:

— Правильно! Утвердить!

Также было решено вместо двух органов в Совете Министров (Президиума и Бюро Президиума) иметь один — Президиум Совета Министров СССР. Предложено объединить Министерство государственной безопасности СССР и Министерство внутренних дел, Министром внутренних дел СССР назначить Берия.

Вместо двух органов (бюро и президиума) в Центральном Комитете КПСС создать один орган — президиум ЦК КПСС, как это определено уставом партии. Состав Президиума ЦК определить в количестве 11 человек: Сталин И. В., Маленков Г. М., Берия Л. П., Молотов В. М., Ворошилов К. Е., Хрущёв Н. С., Булганин Н. А., Каганович Л. М., Микоян А. И., Сабуров М. З., Первухин М. Г.

Принято решение, чтобы Хрущёв Н. С. сосредоточился на работе в ЦК КПСС, и в связи с этим был освобожден от обязанностей первого секретаря Московского комитета КПСС.

Совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета единогласно утвердило внесенные Бюро ЦК КПСС предложения о партийном и государственном руководстве.

Сталин еще не умер, но уже был лишен поста Председателя Совета Министров. Все его последние нововведения были отменены.

Государственную власть разделили между собой Маленков, Берия и Булганин. Г. М. Маленков стал Председателем Совета Министров, Л. П. Берия — первым заместителем Председателя Совета Министров и министром МВД. Н. А. Булганин также стал первым заместителем Председателя Совета Министров и министром военного ведомства. Н. С. Хрущёв стал одним из секретарей ЦК партии.

«Феномен Л. П. Берии в истории СССР еще нуждается в специальном исследовании. Репутация злодея, палача, укрепившаяся за ним со времени XX и XXII съездов, была только укреплена в общественном сознании во время перестройки фильмом режиссера Абуладзе «Покаяние», где главный отрицательный герой — концентрированное зло тоталитаризма — был наделен чертами Берии».

*Рудольф Пихоя,
«Смерть Сталина. Реформы Л. П. Берия»*

Глава 4. Попытка реформ Лаврентия Берии

Итак, Председателем Совета Министров после смерти Сталина стал Георгий Маленков. В то время в народе прошел слух, что Маленков — племянник Ленина и что отныне в Советском Союзе все будет «по-ленински».

Однако Маленков не был политической фигурой, превосходящей всех остальных соратников Сталина. Вот характеристика Г. М. Маленкова, данная Д. Т. Шепиловым:

« Он не был личностью. Он из тех людей, которые должны к кому-нибудь прислониться, которые слепо повинуются более сильному и, если надо, мать родную продадут. По-видимому, лидер с таким характером был очень удобен Лаврентию Берии. »

Д. Т. Шепилов

По существу, в течение 110 дней после смерти Сталина основные решения правительства и Центрального Комитета КПСС выходили из министерства внутренних дел, которым руководил Лаврентий Берия.

Уже 13-го марта 1953 года Л. П. Берия как министр внутренних дел издал приказ «О создании следственных групп по пересмотру следственных дел». В этом приказе он назначил несколько групп следователей по изучению «дела арестованных врачей», «дела арестованных бывших сотрудников МГБ», «дела арестованных бывших работников главного управления военного министерства СССР» и «дела арестованных МГБ Грузинской ССР группы местных работников».

Руководство работой следственных групп и «рассмотрение заключений по делам» поручалось Круглову С. Н., Кобулову Б. З. и Гоглидзе С. А. Срок изучения дел установлен коротким — всего две недели.

В тот же день Берия издал приказ «О создании комиссии по рассмотрению дел о выселении граждан из Грузии».

18-го марта 1953 года Берия издает приказ «О пересмотре дела по обвинению бывшего руководства ВВС и Министерства авиационной промышленности СССР». В этом приказе «начальнику Следственной части по особо важным делам МВД СССР генерал-лейтенанту Влодзимирскому» дается указание «организовать тщательную проверку дела по обвинению бывших работников ВВС Советской Армии и Минавиапрома».

26-го марта 1953 года Берия обращается в Президиум ЦК КПСС с проектом указа, подготовленным Министерством внутренних дел СССР совместно с Министерством юстиции СССР и Генеральным прокурором СССР о необходимости проведения амнистии.

В проекте указа, направленным Берией в ЦК, говорится:

« В настоящее время в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 человека заключенных, из них: осужденных на срок до 5 лет — 590 000, от 5 до 10 лет — 1 216 000, от 10 до 20 лет — 573 000 и свыше 20 лет — 188 000 человек. Из общего числа заключенных количество особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.), содержащихся в особых лагерях МВД СССР, составляет всего 221 435 человек.

Содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывает государственной необходимости.

Увеличение за последние годы общего числа заключенных объясняется в первую очередь тем, что принятые в 1947 году указы об усилении уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества и за кражи личной собственности граждан предусматривают исключительно длительные сроки заключения. На 1 января 1953 г. из общего количества заключенных за указанные преступления в лагерях содержалось 1 241 919 человек.

Известное значение имело также то обстоятельство, что указом от 15 июня 1939 года было запрещено применявшееся до этого досрочное освобождение заключенных и зачет рабочих дней за хорошее отношение к труду.

В числе заключенных на срок до 5 лет имеется значительное количество осужденных за преступления, в большинстве своем совершенные впервые и не повлекшие за собой тяжких последствий (самовольный уход с работы, должностные и хозяйственные преступления, мелкие кражи, хулиганство, мелкая спекуляция и др.).

В лагерях имеется 300 000 человек, осужденных на срок от 5 до 10 лет за должностные, хозяйственные и воинские преступления, в числе которых — председатели и бригадиры колхозов, инженеры, руководители предприятий и др.

Среди заключенных отбывают наказание 438 788 женщин, из них 6286 беременных и 35 505 женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 2 лет. Многие женщины имеют детей в возрасте до 10 лет, оставшихся на воспитании у родственников или в детских домах.

В местах заключения содержится 238 000 пожилых людей — мужчин и женщин старше 50 лет, а также 31 181 несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, подавляющее большинство которых отбывает наказание за мелкие кражи и хулиганство.

Около 198 000 заключенных, находящихся в лагерях, страдают тяжелым неизлечимым недугом и являются совершенно нетрудоспособными.

Известно, что заключение в лагерь, связанное с отрывом на продолжительное время от семьи, от привычных бытовых условий и занятий, ставит осужденных, их родственников и близких людей в очень тяжелое положение, часто разрушает семью, крайне отрицательно сказывается на всей их последующей жизни.

Большинство из этих заключенных хорошо ведут себя в лагерях, добросовестно относятся к труду и могут вернуться к честной трудовой жизни.

Учитывая изложенное, предлагается принять указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии.

Проектом указа предусматривается освободить из мест заключения около 1 000 000 человек, осужденных на срок до 5 лет, осужденных независимо от срока наказания, за должностные, хозяйственные, некоторые воинские преступления, а также женщин, имеющих детей до 10 лет, и беременных женщин, несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, пожилых мужчин и женщин и больных, страдающих тяжелым неизлечимым недугом.

Предлагается также сократить наполовину наказание осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет.

Проект указа предусматривает снятие судимости и поражения в избирательных правах со всех граждан, ранее судимых и освобождаемых в силу настоящего акта амнистии.

Предлагается не распространять амнистию на осужденных на срок свыше 5 лет и привлеченных к ответственности за контрреволюционные преступления, бандитизм, крупные хищения социалистической собственности и умышленное убийство.

Одновременно с этим проектом указа признается необходимым пересмотреть уголовное законодательство, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые хозяйственные, должностные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления. Министерству юстиции СССР поручается в месячный срок разработать и внести необходимые предложения.

Пересмотр уголовного законодательства необходим потому, что ежегодно осуждается свыше 1,5 млн человек, в том числе до 650 тыс на различные сроки лишения свободы, из которых большая часть осуждается за преступления, не представляющие особой опасности для государства. Если этого не сделать, через 1–2 года общее количество заключенных опять достигнет 2,5–3 млн человек.

Л. П. Берия

Мы привели этот проект указа полностью, поскольку, в литературе, после ареста Берии в печати и в кино много говорилось о том, что летом 1953 года Берия выпустил из тюрем только уголовников. Можно видеть, что предложения Берии были вполне разумными, но, вероятно, результат получился не таким, каким его хотелось бы получить.

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить популярный афоризм горбачёвского премьер-министра Валентина Сергеевича Павлова, характеризующий деяния многих государственных деятелей нашей страны: «Хотели как лучше, но получилось как всегда». Этот афоризм стал чрезвычайно популярным после его повтора в Государственной Думе Виктором Степановичем Черномырдином.

Тем не менее надо признать, что бериевская амнистия проведена была явно торопливо и не продуманно. Любопытно, что этот приказ был направлен в ЦК, но в письме указан Г. М. Маленков.

1-го апреля 1953 года Берия направляет в Президиум ЦК КПСС (опять Г. М. Маленкову) записку «О реабилитации лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях». В этой записке Берии говорится:

« В 1952 году в Министерстве государственной безопасности СССР возникло дело о так называемой шпионско-террористической группе врачей, якобы ставившей своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского государства. Делу этому, как известно, было придано сенсационное значение, и еще до окончания следствия было опубликовано специальное сообщение ТАСС, сопровожда-

емое редакционными статьями „Правды“, „Известий“ и других центральных газет.

Ввиду особой важности этого дела Министерство внутренних дел СССР решило провести тщательную проверку всех следственных материалов. В результате проверки выяснилось, что все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя министра государственной безопасности СССР Рюмина. В своих преступных карьеристских целях Рюмин, будучи еще старшим следователем МГБ, в июне 1951 года под видом незаписанных показаний уже умершего к тому времени в тюрьме арестованного профессора Этингера сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей. Это и положило начало провокационному „делу о врачах-вредителях“.

Л. П. Берия
»

Для придания правдоподобности своим измышлениям Рюмин использовал заявление врача Тимашук, поданное ею еще в 1948 году в связи с лечением А. А. Жданова, которое было доложено И. В. Сталину и тогда же направлено им в архив ЦК ВКП(б).

« Встав на преступный путь обмана ЦК ВКП(б) и таким путем продвинувшись на пост заместителя министра и начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, Рюмин принял все меры к тому, чтобы как можно больше раздуть это дело. Нужно отметить, что в Министерстве государственной безопасности он нашел для этого благоприятную обстановку. Все внимание министра и руководящих работников Министерства было поглощено „делом о врачах-вредителях“. Заручившись на основе сфальсифицированных следственных материалов санкцией И. В. Сталина на применение мер физического воздействия к арестованным врачам, руководство МГБ ввело в практику следственной работы различные способы пытки, жестокие избиения, применение наручников, вызывающих мучительные боли, и длительное лишение сна арестованных.

Не брезгуя никакими средствами, грубо попирая советские законы и элементарные права советских граждан, руководство МГБ стремилось во что бы то ни стало представить шпионами и убийцами ни в чем не повинных людей — крупнейших деятелей советской медицины. Только в результате применения подобных недопустимых мер удалось следствию принудить арестованных подписать продиктованные следователями измышления о якобы применяемых ими преступных методах лечения видных советских государственных деятелей и о несуществующих шпионских связях с границей.

Для того чтобы придать доказательность полученным таким путем „признаниям“ арестованных, следствию удалось сфальсифицировать заключение врачебной экспертизы по методам лечения, примененным в свое время к А. С. Щербакову и А. А. Жданову. В этих целях следствие включило в состав экспертной комиссии врачей-агентов МГБ и утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры.

Бывший министр государственной безопасности СССР т. Игнатьев не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы. Так было сфабриковано позорное „дело о врачах-вредителях“, столь напумевшее в нашей стране и за ее пределами и принесшее большой политический вред престижу Советского Союза.

Зачинщик этого дела Рюмин и ряд других работников МГБ, принимавших активное участие в применении незаконных методов следствия и фальсификации следственных материалов, арестованы.

Постановление специальной следственной комиссии с подробным изложением результатов проверки материалов следствия по этому делу прилагается.

Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

1) всех привлеченных по этому делу к ответственности и незаконно арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить;

2) привлечь к уголовной ответственности бывших работников МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикациях этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов;

3) опубликовать в печати специальное сообщение;

4) рассмотреть вопрос об ответственности бывшего министра государственной безопасности СССР т. Игнатьева С. Д.

Министерством внутренних дел СССР приняты меры, исключающие впредь возможность повторения подобных извращений советских законов в работе органов МВД.

Уже 3-го апреля 1953 года Президиумом ЦК КПСС принимается постановление «О фальсификации так называемого дела о врачах-вредителях».

На заседании, на котором присутствовали Берия, Ворошилов, Булганин, Первухин, Каганович, Сабуров, Микоян, Хрущёв, Молотов и Маленков, был заслушан доклад Берии и рассмотрены предложения МВД по делу о врачах-вредителях.

В результате из под стражи были освобождены и реабилитированы 37 врачей и членов их семей, решено привлечь к уголовной ответственности нескольких работников МГБ и утвержден текст сообщения для опубликования в центральной печати.

При этом бывшему министру государственной безопасности С. Д. Игнатьеву было предложено «представить объяснение в Президиум ЦК КПСС о допущенных МГБ грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов». Пленуму ЦК КПСС было предложено рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании С. Д. Игнатьева в составе ЦК КПСС.

Все эти действия ведомства Берии можно бы оценить, как замечательные, если бы эта докладная записка Берии не заставила многих членов Президиума ЦК призадуматься.

Во-первых, в ней называлась фамилия Сталина, и хотя в текст докладной записки его фамилия была вписана от руки, но вождь

уже не назывался товарищем Сталиным, как это было принято в партийной номенклатуре.

Во-вторых, в своей записке Берия назвал еще одного виновника дела врачей — министра государственной безопасности С. Д. Игнатьева, который был тесно связан с Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущёвым.

С 9-го августа 1951 года по 5-е марта 1953 года С. Д. Игнатьев был не только министром государственной безопасности СССР, но и с 16-го октября 1952 года по 6-е марта 1953 года был также и членом Президиума ЦК КПСС, а с 6-го марта стал секретарем ЦК КПСС.

Однако 6-го апреля 1953 года ввиду «допущенных» им «серьезных ошибок при руководстве бывшим Министерством государственной безопасности» Игнатьева освободили от обязанностей секретаря ЦК КПСС, а 28-го апреля 1953 года путем опроса членов ЦК КПСС его вывели из состава ЦК КПСС.

По предложению Берии, поддержанному другими членами Президиума ЦК, Комитету партийного контроля при ЦК КПСС было поручено рассмотреть вопрос о партийной принадлежности С. Д. Игнатьева. Члены Президиума ЦК КПСС пошли на поводу у Берии, принимая во внимание его докладную записку, но представьте себе их душевное состояние, услышав такие предложения.

Любопытно, что после отстранения многолетнего начальника охраны Сталина генерала Н. С. Власика, С. Д. Игнатьев сам лично возглавлял еще и управление охраны МГБ. Так что уж если кто и был причастен к смерти Сталина, так это «человек Маленкова и Хрущёва».

Июльский Пленум ЦК КПСС 1953 года по делу Берии 7-го июля отменит свое постановление от 28 апреля 1953 года и восстановит С. Д. Игнатьева в составе ЦК.

Он был своим человеком среди членов ЦК и 9-го декабря 1953 года, за две недели до казни Берии, он станет первым секретарем Башкирского обкома КПСС, а 27-го июня 1957 года

Игнатьева переведут на должность первого секретаря Татарского обкома КПСС.

Только в декабре 1960 года Игнатьева по состоянию здоровья отправят на пенсию. Умер он в 1983 году и похоронен на Новодевичьем кладбище.

2-го апреля 1953 года в Президиум ЦК КПСС была направлена записка Л. П. Берии «О привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэлса и В. И. Голубова». В этой записке говорится:

« В ходе проверки материалов следствия по так называемому „делу о врачах-вредителях“, арестованных бывшим Министерством государственной безопасности СССР, было установлено, что ряду видных деятелей советской медицины, по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем — народным артистом СССР Михоэлсом. В этих материалах Михоэлс изображался как руководитель антисоветского еврейского националистического центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США.

Версия о террористической и шпионской работе арестованных врачей Вовси М. С., Когана Б. Б. и Гринштейна А. М. „основывалась“ на том, что они были знакомы, а Вовси состоял в родственной связи с Михоэлсом. Следует отметить, что факт знакомства с Михоэлсом был также использован фальсификаторами из бывшего МГБ СССР для провокационного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности П. С. Жемчужиной, которая на основании этих ложных данных была арестована и осуждена Особым Совещанием МГБ СССР к ссылке. В связи с этими обстоятельствами Министерством внутренних дел СССР были подвергнуты проверке имеющиеся в бывшем МГБ СССР материалы о Михоэлсе.

В результате проверки установлено, что Михоэлс на протяжении ряда лет находился под постоянным агентурным наблюдением органов государственной безопасности и, наряду с

положительной и правильной критикой отдельных недостатков в различных отраслях государственного строительства СССР, иногда высказывал некоторое недовольство по отдельным вопросам, связанным главным образом с положением евреев в Советском Союзе.

Следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности не располагали какими-либо данными о практической антисоветской и тем более шпионской, террористической или какой-либо иной подрывной работе Михоэлса против Советского Союза. Необходимо также отметить, что в 1943 году Михоэлс, будучи председателем Еврейского антифашистского комитета СССР, выезжал, как известно, в США, Канаду, Мексику и Англию и его выступления там носили патриотический характер.

В процессе проверки материалов на Михоэлса выяснилось, что в феврале 1948 года в г. Минске бывшим заместителем министра госбезопасности СССР Столбцовым, совместно с бывшим министром госбезопасности Белорусской ССР Цанава, по поручению бывшего министра государственной безопасности Абакумова, была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР был допрошен Абакумов и получены объяснения Огольцова и Цанава. Об обстоятельствах проведения этой преступной операции Абакумов показал: „Насколько я помню, в 1948 году глава Советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание — быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам“.

Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая, т. е. чтобы Михоэлс и его спутник погибли, попав под автомашину. В этом же разговоре перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было бы поручить

проведение указанной операции. Было сказано — возложить проведение операции на Огольцова, Цанаву и Шубняка.

После этого Огольцов и Шубняков вместе с группой подготовленных ими для данной операции работников выехали в Минск, где совместно с Цанавой и провели ликвидацию Михоэлса.

Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И. В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано.

Огольцов, касаясь обстоятельств ликвидации Михоэлса и Голубова, показал:

„Поскольку уверенности в благополучном исходе операции во время ‘автомобильной катастрофы’ у нас не было, да и это могло привести к жертвам наших сотрудников, мы остановились на варианте — провести ликвидацию Михоэлса путем наезда на него грузовой машины на малолюдной улице. Но этот вариант, хотя был и лучше первого, но он также не гарантировал успех операции наверняка. Поэтому было решено Михоэлса через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанавы Л. Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гулянки людей, тем паче подобные случаи в Минске в то время были очень часты. Так было и сделано“.

Цанава, подтверждая объяснения Огольцова об обстоятельствах убийства Михоэлса и Голубова, заявил:

„Зимой 1948 года, в бытность мою министром госбезопасности Белорусской ССР, по ВЧ позвонил мне Абакумов и спросил, имеются ли у нас возможности для выполнения одного важного задания И. В. Сталина. Я ответил ему, что будет сделано.

Вечером он мне позвонил и передал, что для выполнения одного важного решения Правительства и личного указания

И. В. Сталина в Минск выезжает Огольцов с группой работников МГБ СССР, а мне надлежит оказать ему содействие.

При приезде Огольцов сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И. В. Сталина должен быть ликвидирован Михоэлс, который через день или два приезжает в Минск по делам службы. Убийство Михоэлс было осуществлено в точном соответствии с этим планом.

Примерно в 10 часов вечера Михоэлса и Голубова завезли во двор дачи (речь идет о даче Цанава на окраине Минска). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию“.

Таким образом, произведенным Министерством внутренних дел СССР расследованием установлено, что в феврале 1948 года Огольцовым и Цанава, совместно с группой оперативных работников МГБ — технических исполнителей, под руководством Абакумова, была проведена преступная операция по зверскому убийству Михоэлса и Голубова.

Учитывая, что убийство Михоэлса и Голубова является вопиющим нарушением прав советского гражданина, охраняемых Конституцией СССР, а также в целях повышения ответственности оперативного состава органов МВД за неуклонное соблюдение советских законов, Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности бывшего заместителя министра государственной безопасности СССР Огольцова С. И. и бывшего министра государственной безопасности Белорусской ССР Цанава Л. Ф.;

б) указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства Михоэлса и Голубова — отменить. Берия.

Л. П. Берия
»

В докладной записке фамилия Сталина была опять вписана от руки, но это едва ли прибавило симпатии членов Президиума ЦК КПСС к Берии. Как можно видеть, хотя Берия действовал не в обход ЦК партии, а через ЦК, но замахнуться на самого Сталина, в то время, когда у его соратников еще не прошло потрясение от потери вождя, было просто кощунством. Читая записку Берии, каждый член ЦК, по-видимому, думал, что Берия может пойти очень далеко, если его не остановить.

В записке Берии указано, что убийство Михоэlsa было спланировано по указанию министра В. С. Абакумова. В то время, когда готовилась эта записка, Виктор Семёнович Абакумов уже сидел в тюрьме.

Абакумов начал свой путь в МВД после прихода в наркомат внутренних дел СССР Берии и быстро выдвинулся. С апреля 1943 года Абакумов — уже начальник управления контрразведки «Смерш» и заместитель народного комиссара обороны. Он был министром государственной безопасности с 7 мая 1946 года по 14-е июля 1951 года.

Бывший министр государственной безопасности В. Н. Меркулов в своем «покаянном письме» в ЦК в июле 1953 года, так писал об Абакумове:

« Одновременно с разделением НКВД, насколько мне припоминается, выделился в самостоятельное управление так называемый Смерш, начальником которого стал Абакумов. Абакумов оказался, пожалуй, не менее честолюбивым и властным человеком, чем Берия, только глупее его. Вскоре после своего назначения он сумел ловко войти в доверие товарища Сталина, главным образом, как он сам говорил, путем систематических, почти ежедневных докладов товарищу Сталину сводок о поведении ряда лиц из числа крупных военных работников.

В. Н. Меркулов

»

12-го июля 1951 года Абакумов был арестован по доносу начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковника М. Д. Рюмина. Абакумов обвинялся в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ, в попытках

воспрепятствовать разработке делу врачей. Но главным образом в доносе Абакумов обвинялся в том, что он тормозил расследование дел о группе врачей и молодёжной еврейской организации, якобы готовивших покушения против вождей страны. Есть данные, что поддержку доносу Рюмина оказал Г. М. Маленков.

Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании в 1951 году признало донос Рюмина правильным и приняло решение о снятии Абакумова с должности министра государственной безопасности и о передаче его дела в суд. 12 июля 1951 года бывший министр был заключён в Лефортовскую тюрьму. В тюрьме Абакумов держался чрезвычайно мужественно. Перенес все пытки, но вину свою так и не признал.

По мнению ряда историков, обвинения, выдвинутые против Абакумова, были явно надуманными. Вместе с В. С. Абакумовым в заключении находилась его жена с четырехмесячным сыном.

После прихода к власти Хрущёва обвинения против Абакумова были изменены на сто восемьдесят градусов. На этот раз ему вменялось в вину «Ленинградское дело», будто бы сфабрикованное им, согласно новой официальной версии, как участником «банды Берии».

В действительности, Абакумов, будучи министром государственной безопасности с 1946 по 1951 год, в своей работе подчинялся непосредственно Сталину и совершенно не относился ни к сторонникам, ни к помощникам Берии.

Дело Абакумова рассматривалось закрытым судом в Ленинграде, на котором виновным он себя не признал, тем не менее был расстрелян 19 декабря 1954 года.

4-го апреля 1953 года Берия выступает с новой чрезвычайно важной инициативой. Он издает приказ № 0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». В приказе Берии говорится:

«
Министерством внутренних дел СССР установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан,

разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.

По указанию руководства бывшего министерства государственной безопасности СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц, из числа тюремных работников, с применением всевозможных орудий пыток. Такие изуверские „методы допроса“ приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Л. П. Берия
»

В первом пункте этого приказа Берия требует «категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия» и «в производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса». Во втором пункте он приказывает «ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством бывшего МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить».

8-го апреля 1953 года Л. П. Берия направляет записку в Президиум ЦК КПСС «О неправильном ведении дела о так называемой мингрельской группе». В ней содержатся следующие сведения:

« В результате проверки следственных материалов и заявлений арестованных выяснилось, что все дело о так называемых мингрельских националистах является провокационным вымыслом бывшего министра государственной безопасности Грузин-

ской ССР Н. Рухадзе и его покровителей из Министерства государственной безопасности СССР.

Давно вынашивая преступные карьеристские цели, Н. Рухадзе, заняв пост министра государственной безопасности Грузинской ССР, всячески способствовал созданию нездоровой атмосферы во взаимоотношениях руководящих партийных и советских работников.

Осенью 1951 года Н. Рухадзе ложно информировал находившегося на отдыхе в Грузии И. В. Сталина о положении дел в грузинской партийной организации, представив имевшие место недостатки в работе партийных и хозяйственных органов как результат подрывной вражеской деятельности им же самим вымышленной группы мингрельских националистов.

И. В. Сталин взял на веру провокационную информацию Рухадзе, не подвергнув ее необходимой проверке. В результате последовало известное Постановление ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 года, в котором в числе прочих мероприятий органам госбезопасности предлагалось выявить и ликвидировать вымышленную Рухадзе и его сообщниками мингрело-националистическую группу.

По мнению ряда историков, это дело было специально инспирировано Сталиным для того, чтобы в нужный момент времени подтянуть к нему самого Берия. В некоторых воспоминаниях встречается информация, которая указывает на то, что Сталин будто бы говорил С. Д. Игнатьеву о том, что в этом деле надо искать «большого мингрела».

В этой записке также говорится о методах физического воздействия на арестованных, о которых говорилось выше при проведении следствий по другим делам.

10-го апреля 1953 года в соответствие с этой запиской Берии принимается постановление Президиума ЦК КПСС «О фальсификации дела о так называемой мингрельской националистической группе».

Л. П. Берия
»

В этот же день на Президиуме ЦК КПСС Лаврентия Павловича Берия похвалили, было принято постановление Президиума ЦК КПСС, в котором говорится:

« Одобрить проводимые т. Берией Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабриковании фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов, имея в виду, что эти меры направлены на укрепление Советского государства и социалистической законности. »

17-го апреля 1953 года в Президиум ЦК КПСС направлена записка Берии о реабилитации главного маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления, генерал-полковника И. И. Волкотрубенко, заместителя министра вооружения И. А. Мирзаханова и других.

6-го мая 1953 года в Президиум ЦК КПСС направлена записка Берии о реабилитации М. М. Кагановича.

13-го мая 1953 года Берия направляет «записку» в Президиум ЦК КПСС «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей». В этой записке Берии говорится:

« Постановлением ЦИК СССР и Совета Народных Комиссаров СССР, изданным в 1933 году в целях очистки Москвы, Ленинграда и Харькова от лиц, не связанных с производством и не занятых общественно полезным трудом, а также от укрывающихся кулацких, уголовных и иных элементов, были установлены паспортные ограничения.

В последующие годы по ходатайствам краевых и областных партийных и советских органов, представляемым преимущественно по инициативе управлений милиции, решениями Правительства количество режимных местностей и населенных пунктов было значительно увеличено.

За последние 10 лет по судимости получили паспортные ограничения 3 млн 900 тыс граждан (из них только за один 1952 год

275 286 человек), которые после отбытия наказания не могут возвратиться в режимные местности, чтобы устроиться на работу или соединиться со своими семьями.

Установленные ограничения для свободного перемещения и проживания на территории СССР вызывают справедливое наре-
кание и недовольство со стороны граждан.

Следует отметить, что такой практики паспортных ограничений не существует ни в одной стране. Во многих капиталистических странах — в США, Англии, Канаде, Финляндии и Швеции — у населения паспортов вообще не имеется, о судимости никаких отметок в личных документах граждан не делается.

Министерство внутренних дел СССР считает необходимым упразднить существующие паспортные ограничения в городах и местностях Советского Союза, а также режимную зону вдоль границы СССР, как не вызывающиеся необходимостью. Гражданам СССР, у которых в паспортах имеются отметки о паспортных ограничениях, предоставить право обменять паспорта.

Берия внес на рассмотрение проект постановления Совета Министров СССР и предложил разработать предложения о порядке регистрации граждан в СССР.

26-го мая 1953 года в соответствии с очередной запиской Берии Президиум ЦК КПСС принял постановление «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР». В этом постановлении отмечаются явные перегибы, которые допускаются руководителями Украинской ССР. В постановлении приводятся следующие данные:

« В руководящем партийно-советском активе кадры работников из западных украинцев составляют незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и из других республик Советского Союза. Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только

Л. П. Берия
»

18 человек из западно-украинского населения. Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке. Например, в Львовском торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке, а в лесотехническом институте из 41 дисциплины на украинском языке преподаются только четыре. Аналогичное положение имеет место в сельскохозяйственном, педагогическом и полиграфическом институтах г. Львова. Это говорит о том, что ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей не понимают всей важности сохранения и использования кадров западно-украинской интеллигенции.

ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей до сих пор не могут учесть, что борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, что бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами.

В соответствии с этим постановлением работа «руководства ЦК КП Украины и Совета Министров УССР западными областями Украины» признается неудовлетворительной.

Л. Г. Мельников снимается с должности первого секретаря ЦК КП Украины, как не обеспечивший руководство, вносится предложение вывести его из «состава кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС», сам он отзывается в распоряжение ЦК КПСС.

В постановлении Президиума ЦК КПСС было 15 пунктов решения, в том числе и такой:

« Поручить ЦК КП Украины в ближайшее время провести пленумы обкомов и горкомов КП Украины западных областей Украины, на которых обсудить данное Постановление ЦК КПСС и докладную записку тов. Л. П. Берии и разработать конкретные мероприятия по практическому осуществлению этого Постановления. »

Неизвестно, как проходило обсуждение этой записки Берии и происходило ли оно вообще, но постановление было принято. Оно кажется вполне разумным, но, вероятно, и это постановление также насторожило партийную номенклатуру.

В тот же день было принято постановление президиума ЦК КПСС «О положении в Литовской ССР», в котором отмечалось, что в работе ЦК КП Литвы и Совета Министров Литовской ССР по укреплению советской власти в Литве также имеются серьезные недостатки.

В постановлении говорится:

« Одной из главных причин неудовлетворительного политического состояния Литовской ССР является грубое извращение партийным и советским руководством Литвы ленинско-сталинской национальной политики. Несмотря на то, что с момента установления советской власти в Литве прошло немало времени, партийные, советские и хозяйственные органы как в центре, так и на местах не обеспечены руководящими кадрами из коренного литовского населения республики. Например, из четырех заместителей Председателя Совета Министров Литовской ССР только один является литовцем, в аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами литовцев только 7, в Вильнюсском обкоме из 16 заведующих отделами и секторами всего 3 литовца, в аппарате Каунасского горкома из 8 заведующих отделами литовец только один, из 22 лекторов ЦК и обкомов КП Литвы всего 6 литовцев, В аппарате бывшего Министерства государственной безопасности Литовской ССР в составе 17 начальников

отделов был лишь один литовец, из 87 начальников райотделов МГБ литовцев насчитывалось всего 9 человек, а из 85 начальников райотделов милиции — всего 10 литовцев.

Даже в составе руководящих хозяйственных работников литовцы составляют меньшинство. Так, из 92 директоров совхозов литовцев только 27, из 132 директоров МТС только 53 литовца.

Одной из причин недовольства населения Литвы является увлечение партийных и советских органов республики голым администрированием, что еще больше отпугивает массы и мешает работе партийных и советских органов. ЦК КПСС подчеркивает, что, если не будут безотлагательно приняты эффективные меры по ликвидации отмеченных выше серьезных недостатков и провалов в работе партийных и советских организаций Литовской ССР, может быть поставлено под угрозу дело советской власти в республике.

26-го мая 1953 года Берией была направлена в Президиум ЦК КПСС записка «О реабилитации А. И. Шахурина, А. А. Новикова и других». Это тоже было напумевшее послевоенное дело. Военная коллегия Верховного Суда СССР в 1946 году осудила наркома авиационной промышленности Шахурина А. И. и бывшего командующего Военно-воздушными силами Советской Армии и других за организованную антигосударственную деятельность. Как пишет Берия, «произведенной проверкой установлено, что оно было сфабриковано».

2-го июня 1953 года выходит распоряжение Совета Министров СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». В приложении к распоряжению Г. М. Маленкова говорится:

« В результате проводимой неправильной политической линии в Германской Демократической Республике создано весьма неблагоприятное политическое и экономическое положение.

Среди широких масс населения, в том числе среди рабочих, крестьян и интеллигенции, существует серьезное недовольство проводимыми в ГДР политическими и хозяйственными мероприятиями. Это находит наиболее явное выражение в массовом

Постановление Президиума ЦК КПСС
»

бегстве жителей ГДР в Западную Германию. Так, с января 1951 г. по апрель 1953 г. бежало в Западную Германию 447 тыс. человек, в том числе только за четыре месяца 1953 года — свыше 120 тыс. человек. Значительную часть бежавших составляют трудовые элементы. В числе бежавших в 1953 году: рабочих около 19 тыс. человек, крестьян-середняков и малоземельных, ремесленников и пенсионеров — около 9 тыс. человек, служащих и представителей трудовой интеллигенции — около 17 тыс. человек, домашних хозяек — свыше 24 тыс. человек. Из состава казарменной полиции сбежало в Западную Германию 8 000 человек. Обращает на себя внимание, что среди бежавших в Западную Германию в течение четырех месяцев 1953 года имеется 2 718 членов и кандидатов СЕПГ и 2 610 членов Союза свободной немецкой молодежи.

Главной причиной создавшегося положения нужно признать то, что, в соответствии с решением второй конференции СЕПГ, одобренным Политбюро ЦК ВКП(б), неправильно был взят курс на ускоренное строительство социализма в Восточной Германии без наличия необходимых для этого реальных как внутренних, так и международных предпосылок.

Дело дошло до того, что в настоящее время более 500 тыс. гектаров земли брошено и запущено, а бережливые немецкие крестьяне, обычно крепко привязанные к своему клочку земли, массами стали бросать землю, свое хозяйство и перебираться в Западную Германию.

В этой записке Берии предлагается «отказаться от политики ограничения и вытеснения среднего и мелкого частного капитала как от преждевременной меры» и говорится:

« В целях оживления экономической жизни республики признать целесообразным широкое привлечение частного капитала в различных отраслях мелкой и кустарной промышленности, в сельском хозяйстве, а также в области торговли, не допуская при этом его концентрации в крупных размерах.

Г. М. Маленков

»

Л. П. Берия

»

Любопытно, что проект приложения, подготовленного в ведомстве Берии, был утвержден на этот раз не Президиумом ЦК КПСС, а председателем Совета Министров СССР Г. М. Маленковым.

Берия выступал с инициативами, но по всем его предложениям принимались решения Президиума ЦК КПСС или как в последнем случае распоряжение Председателя Совета Министров.

До начала подготовки членами Президиума ЦК КПСС заговора об устранении Берии осталось всего 10 дней, до его ареста на Президиуме ЦК КПСС оставалось 24 дня.

6-го июня Берия направил записку в Президиум ЦК КПСС «Об отмене военной коллегией Верховного суда СССР приговора в отношении А. И. Шахурина, А. А. Новикова и других». Эта записка повторяла ту что была направлена Берией 2-го июня, но с указанием того что дело «авиаторов» рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда.

12-го июня было принято постановление Президиума ЦК КПСС о положении в Белорусской ССР. В этом постановлении также отмечается, «что в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с выдвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы».

Осуществленные меры были аналогичны тем, которые приняты на Украине.

15-го июня 1953 года Берия направил «записку» в Президиум ЦК КПСС «Об ограничении прав особого совещания при МВД СССР», в которой говорится:

«
Учитывая, что сохранение за Особым Совещанием предоставленных прав не вызывается государственными соображениями, МВД СССР считает необходимым ограничить права Особого Совещания при министре внутренних дел СССР, разрешив ему

рассмотрение дел, которые по оперативным или государственным соображениям не могут быть переданы в судебные органы, и применять меры наказания в соответствии с действующим уголовным законодательством Союза ССР, но не свыше 10 лет заключения в тюрьму, исправительно-трудовые лагеря или ссылки.

Л. П. Берия
»

25-го июня 1953 года Берия направляет записку в Президиум ЦК КПСС «О ходе следствия по делу М. Д. Рюмина». Он пишет, что Рюмин признал себя виновным, что он «систематически занимался фальсификацией следственных материалов, в результате чего по необоснованным обвинениям в тягчайших государственных преступлениях арестовывались и осуждались невинные люди».

Но члены Президиума ЦК КПСС уже не интересовались делом Рюмина, они уже были готовы арестовать самого Л. П. Берия.

Сформулируем основные моменты «бериевской оттепели». Как следует из приведенных выше документов, при участии Берия до 26-го июня 1953 года в стране произошел ряд позитивных перемен.

Ярким событием стало прекращение «дела врачей», а также мингрельского и грузинского дел.

Была проведена амнистия заключенных, осужденных за незначительные уголовные преступления и незначительные административные нарушения, такие как прогулы и опоздания на работу.

Были высказаны соображения об отмене паспортных ограничений, в том числе в Москве и Ленинграде.

Отменялись особые совещания представителей МВД и МГБ, которым было дано право без суда и следствия выносить приговоры о высшей мере наказания или о лишении свободы сроком на 25 лет.

Обсуждались вопросы повышения роли национальных кадров в республиках Советского Союза, что было особенно важно в прибалтийских, среднеазиатских и кавказских республиках.

Кроме того, высказывались предложения о необходимости улучшения жизни населения, в частности предлагалось отменить государственные займы.

Рассматривался вопрос о разделении власти на партийную и хозяйственную, при этом предполагалось, что партийная власть будет заниматься только идеологической и пропагандистской работой.

Были остановлены попытки переселения еврейского населения в необжитые районы Советского Союза.

Предлагалось обсудить вопросы о введении национальных наград (медалей и орденов) в республиках.

К слову сказать, у Берии были предложения не использовать портреты политических деятелей в качестве наглядной агитации на праздничных демонстрациях и не украшать ими улицы.

Лаврентий Берия немало содействовал тому, что после похорон Сталина его имя стало исчезать из средств массовой информации и со страниц печатных изданий, что в конечном итоге могло привести к постепенному угасанию культа личности Сталина.

В вопросе международных отношений Лаврентий Берия высказывался за нормализацию отношений с Югославией, испорченных в сталинское время из-за нежелания Иосипа Броз Тито перенимать опыт Советского Союза при построении социализма в своей стране.

Он предлагал ограничить вмешательство Советского правительства в хозяйственные дела стран Восточной Европы и допускал возможность объединения Германии.

Таким образом, у Берии было множество разумных и правильных идей по дальнейшему развитию Советского Союза.

Неожиданно для членов Политбюро Берия оказался ярко выраженным реформатором и сделал ряд серьезных и резких шагов для либерализации жизни Советского Союза.

Однако многие шаги Берии не могли устроить соратников Сталина. С растущим беспокойством они наблюдали за тем, как

Берия круто взялся за дело. Излишне активная реформаторская деятельность Берии в первые месяцы после смерти Сталина подтолкнула остальных членов Президиума ЦК к объединению против него с целью его последующего устранения.

Следует отметить, что все документы, подготовленные в ведомстве Берии по реформам, отличались четкостью, информативностью и конкретностью. В них в меньшей степени, чем в партийных документах более позднего времени представлены общие фразы и риторика, которая может быть охарактеризована как «вода» и «политическая трескотня».

Предлагаемые документы Берией проходили не всегда легко. В частности, как пишет Р. Г. Пихоя, в первоначальном проекте Берии «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР» было предложено отказаться от строительства социализма в ГДР, но по настоянию В. М. Молотова в распоряжении Г. М. Маленкова было сказано лишь о менее интенсивном строительстве социализма.

Возникает естественный вопрос: зачем Лаврентию Берии все это было нужно?

Теперь мы никогда не сможем узнать, какими мотивами он руководствовался, начав свои интенсивные реформы после смерти Сталина.

Самое простое предположение: Берия активно начал реформы, чтобы проявить себя с лучшей стороны и добиться очередного повышения. Однако это естественное предположение не укладывается в элементарную логическую схему. Берии повышаться было некуда. После смерти Сталина Берия уже был по существу вторым человеком в стране после Маленкова. Наивно думать, что члены Президиума ЦК КПСС соберутся в один прекрасный момент и скажут Берии, что если ты такой активный, то давай, становись, дорогой Лаврентий, Председателем Совета Министров СССР, а наша Коммунистическая партия, как вы того и хотите, пусть занимается идеологией и пропагандой.

Кроме того, чтобы попасть в такую ситуацию Берии надо было проявлять не реформаторскую активность, а думать, как организовать заговор, чтобы захватить власть. Как раз реформаторский пыл Берии опровергает легенду хрущевской пропаганды, что Берия готовился к захвату власти в стране. Согласитесь, глупо посылать одну за другой записки о реформировании страны в Центральный Комитет партии, при этом быть мощным раздражителем у своих соратников и готовить заговор. Правильный подход к заговору как раз можно наблюдать у Никиты Сергеевича Хрущёва.

Документов о подготовке захвата власти Берией не обнаружено. Судя по материалам следственного дела Берии, никто из его помощников и подчиненных даже и не слышал о его планах подобного рода.

Слух о том, что заговорщики опередили Берию буквально на несколько часов, не подтверждается никакими данными. Разговоры о том, что арест всего Президиума готовился вечером 27-го июня в Большом театре, не подтверждается, хотя бы тем фактом, что в эту ночь Берия планировал встречу со своей очередной пассией. Согласитесь, что странно готовиться к столь серьезным переменам в стране и назначать в этот вечер свидание женщине.

Второе предположение реформаторской активности Берии можно объяснить его попыткой обелить себя за прошлые свои «грехи и ошибки». Это предположение кажется более правдоподобным и естественным. Берия и сам пришел к власти через репрессии 20-х и 30-х годов прошлого столетия. Да и будучи наркомом внутренних дел с 1938 года по 1945 год, он не отличался ангельским поведением. Достаточно вспомнить его участие в подготовке расстрела польских военнопленных.

И реабилитация после смерти Сталина осуществлялась, прежде всего, тех дел, которые проводились при других министрах государственной безопасности. Решение по «делу авиаторов» (так же, как и по ряду многих других дел) принималось на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. В частности, проект сообщения ТАСС об

аресте «врачей-вредителей» на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС был утвержден лишь 9 января 1953 года, а уже 3-го апреля принято постановление о фальсификации этого дела. Что же это за Президиум ЦК КПСС, который в течение одного квартала единогласно принимает совершенно противоположные решения?

Ко второму предположению примыкает третье предположение о мотивации реформаторской активности Берии. Это предположение вытекает из того, что Берия первый осознал, что стране были необходимы реформы.

Среди всех членов ЦК КПСС Берия был наиболее осведомленным о состоянии экономики Советского Союза. К нему приходили данные разведки. Выполняя атомный проект, Берия наблюдал, как трудно проходило решение оборонных задач, и, в большей степени, чем все остальные члены правительства и члены Президиума ЦК КПСС, видел все те недостатки, которые мешали развитию социализма.

В своей книге доктор исторических наук, профессор Р. Г. Пихоя, оценивая попытку реформ Берии в 1953 году, пишет:

« В отношении к Берии слились два вовсе не тождественных подхода к прошлому. Для либеральной интеллигенции Берия был воплощением репрессий, неотъемлемой чертой культа личности, коварным негодяем. Партийная пропаганда поддерживала эти оценки, но пыталась к тому же противопоставить Берию и „вышедшие из-под контроля партии карательные органы“ самой партии и ее руководству, не знавшему и поэтому не виновному в преступлениях прошлого.

Все эти оценки весьма далеки от реальности. Конечно, Берия ответственен за преступления, совершенные властью, однако в той же самой мере, как и его соратники — Маленков, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Булганин, да и расстрелянные в разное время Ягода, Ежов, Каменев, Бухарин, Кузнецов, не говоря уже о Сталине. Констатируем очевидное, хотя и нежеланное для нескольких поколений отечественных и иностранных иссле-

дователей истории КПСС — моральные принципы Берии были не выше и не ниже чем у его товарищей по партийному руководству.

Берия отличался от своих коллег в другом.

Он был несомненно наиболее информированным человеком в составе тогдашнего руководства, причем его информация была разнообразна, точна и независима от других ведомств. Его информация как заместителя Председателя Совета Министров касалась состояния экономики СССР, состояния отдельных ее отраслей, в частности, цены „великих строек социализма“; в качестве руководителя разведки Берия был в курсе многих вопросов политики и международных отношений, реальных проблем, возникавших между СССР и другими странами.

Он имел наиболее достоверную ситуацию о внутривнутриполитической обстановке в стране, о настроениях людей, о всех сколько-нибудь заметных выражениях протеста. Вряд ли он осознавал ответственность за массовые репрессии 30-х гг. Берия был назначен наркомом внутренних дел осенью 1938 г., уже тогда, когда пик этих репрессий оставался позади. В 1939 г. часть репрессированных даже была освобождена. Это, опять-таки, не было личной заслугой нового наркома, но отличало его от Маленкова, Кагановича, Ворошилова или Хрущёва, персонально ответственных за террор 30-х гг.

Многочисленные проблемы, накапливавшиеся в послевоенный период, требовали решений. Страна не могла содержать армию по нормам военного времени, иметь два с половиной миллиона заключенных, тратить деньги на „великие стройки“, по-прежнему эксплуатировать крестьянство, „драть с него три шкуры сразу“, нагнетать конфликты по всему миру, создавать даже из своих недавних союзников новых врагов, как это случилось с Югославией. Накапливались и рисковали стать взрывоопасными отношения со „странами социалистического лагеря“. Нестабильность правящего номенклатурного слоя, угрозы

репрессий ухудшали управляемость государства. Реформы становились неизбежными.

Берия стал первым, кто сознательно решился на их осуществление. Неожиданно и сильно проявилось вмешательство Берии как первого заместителя Председателя Совмина СССР в те отрасли государственной жизни, которые, казалось, не входили непосредственно в его компетенцию. Так, его позиция в области международных отношений предполагала необходимость скорейшей нормализации отношений с Югославией, преодоления идеологического конфликта, унаследованного от Сталина.

Р. Г. Пихоя

Внешне Лаврентий Берия к этому времени выглядел не слишком привлекательным: «располневший, с одутловатым, обрюзгшим лицом».

Вот характеристика Берии из книги Зеньковича:

«Он был похож на рядового „совслужащего“ 30-х годов. Шляпа обвислыми полями належала на уши, плащ или пальто сидели на нем мешковато».

По сравнению с Берией весельчак, балагур и плясун Никита Хрущёв смотрелся куда более импозантно.

В своей статье «Л. П. Берия», опубликованной в газете «Дуэль», Андрей Паршев высказывает предположение, что главным событием после назначения Берии министром внутренних дел было совещание руководящего состава министерства, на котором Берия дал своё видение задач МВД:

«В числе этих задач был и особый контроль за чистотой рядов партийных органов — задача, несколько подзабытая к тем годам».

А. Паршев пишет:

«Дело не в том, что репрессий после войны стало меньше, хотя наступила своего рода „эра милосердия“. За некоторые преступления продолжали приговаривать к расстрелу, но для контроля партийной верхушки использовалась... сама партийная верхуш-

ка! Трудно поверить, но для расследования „ленинградского дела“ в аппарате партии было создано следственное подразделение, и даже в Матросской Тишине был выделен... партийный изолятор! Вёл дело Г. М. Маленков. Так что НКВД к этому делу не только не имело отношения, оно не было допущено.

А. Паршев

Информация, прозвучавшая на совещании у Берии, была доложена Хрущёву и оценена им как государственный контроль над членами партийной элиты, что было совершенно недопустимо для старого партийного аппаратчика. Так началась конфронтация Берии с членами политбюро.

То, что было задумано Берией, позже в какой-то степени попытался осуществить Г. М. Маленков. Уже в августе 1953 года на сессии Верховного Совета СССР Маленков впервые поставил вопрос «о повороте экономики лицом к человеку, о первоочередном внимании государства к благосостоянию народа через ускоренное развитие сельского хозяйства и производства предметов потребления».

Маленков сообщал, что «теперь на базе достигнутых успехов в развитии тяжелой промышленности у нас есть все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления». Для решения этой задачи предполагалось резко изменить инвестиционную политику в стране, значительно усилить поддержку отраслей, ориентированных на выпуск товаров народного потребления, при этом особое внимание предлагалось обратить на развитие сельского хозяйства. Фактически Маленковым и Берией был взят курс на переориентацию экономики. В силу ряда причин этого так и не произошло, но определенные успешные шаги в данном направлении были сделаны. В частности, были увеличены закупочные цены на сельхозпродукцию и введено авансирование колхозов. Колхозам было разрешено иметь собственную сельхозтехнику, трактора и машины. Все эти меры привели к некоторому оживлению крестьянской жизни, но не слишком повлияли на развитие сельского хозяйства. Деревня была срублена под корень коллективизацией начала

1930-х годов и гибелью большого числа мужского населения в Великую Отечественную войну.

В заключение этого раздела приведем точку зрения на события тех лет известного филолога, журналиста и писателя Бориса Михайловича Парамонова, с 1986 года работающего на радио «Свобода»:

« Меня не то что поразило, но приятно удивило однажды парадоксальное, казалось бы, высказывание Аксёнова о Сталине и Берии (задолго до мемуаров сына Берии). Он сказал, что Берия был куда лучше своего шефа, он был человечнее, знал вкус жизни, любил выпить, закусить и расслабиться. Не было в нем этой сталинской едва ли не монастырской аскезы, а лучше сказать — жизненавистничества.

Это громадная тема, имеющая самое прямое отношение к обсуждаемым вопросам. Я впервые столкнулся с ней в Италии в 77-м году, увидев книгу о Берии в библиотеке Дарма Стаффа — миланского издателя, слависта и видного деятеля итальянской либеральной партии. Он, между прочим, учась в Москве, играл одного из конных итальянцев в „Андрее Рублеве“ Тарковского. Я спросил у Дарио, что же пишут итальянцы о нашем герое, и его ответ поразил меня.

Он сказал, что Берия рассматривается на Западе как политик, имевший намерение демонтировать коммунистическую систему, но этого не дала ему сделать верхушка партийной номенклатуры. Таков подлинный смысл расправы с Берией: не искоренение кровавого сталинского прошлого, которого он был, считается, главный наследник, а сохранение партократии. Разговоры о Берии-палаче, представлявшем главную опасность для страны и народа, были мотивировкой, внешне чрезвычайно убедительной, для корыстной игры верховных партаппаратчиков, для сохранения, а после Сталина и подлинного утверждения партократии.

Действительно, вспомним, что собирался, да уже и начинал делать Берия: план объединения Германии как радикальный

шаг на пути сближения с Западом, проект роспуска колхозов (и концлагерей), большая автономизация национальных республик. Если бы ему удалось приобрести полноту власти, он начал скорее всего ту политику, которая через тридцать с лишним лет получила название перестройки, и повел бы ее гораздо радикальнее, вне социалистической демагогии.

У Бери не было идеологических априори — вот что важно, вот что делало его перспективной фигурой. Для того чтобы это мое заявление не сочли голословным, я отсылаю любопытствующих к книге Антонова-Овсеенко-младшего о Бери: там приведены все подробности его ревизионистских планов, но автор, будучи типичным шестидесятником и сыном своего отца, продолжал трактовать его как главного гада. Между тем позволительно думать, что наихудшее в возможном правлении Бери было бы засилье грузин на месте нынешних новых русских. Такая ли уж это катастрофа, учитывая, что пресловутые лица кавказской национальности все равно доминируют если не на русском рынке, то на русских базарах?

В. М. Парамонов

«У каждого человека существует своя Голгофа, и нам не всегда известны те двенадцать апостолов, которые в это время спали в гефсиманском саду».
*Гюнтер Вайзенборн, немецкий писатель,
«Мемориал»*

Глава 5. Арест Берии

Деятельность Берии на посту заместителя Председателя Совета Министров и на посту министра внутренних дел в 1953 году внешне выглядит вполне разумной и целесообразной.

Все серьезные документы, приготовленные в ведомстве Берии, направлялись им в Президиум ЦК КПСС и Совет Министров СССР для обсуждения и принятия решений. В этом смысле никакого своеволия Берия не демонстрировал. Самостоятельность он проявлял только в МВД, что, вообще говоря, было вполне естественно.

Реально Берии в это время могли поставить в вину только то, что он был излишне инициативен и часто лез «не в свои дела». Однако Берия был одним из четырех заместителей Председателя Совета Министров, и в правительстве было немало дел относящихся к нему. Тем не менее, по воспоминаниям Г. М. Маленкова, у соратников Сталина уже 12-го июня 1953 года возникла идея удалить Берия из руководства страны. В чем причина такого резкого и решительного шага?

После смерти Сталина в правительстве и Президиуме ЦК КПСС не было единственного лидера, который был бы на голову выше остальных и мог бы повести всех за собой. Но желание иметь единоличную власть было у нескольких соратников Сталина. Такие желания, прежде всего, были у Хрущёва, Берии, Маленкова, да и попавшие еще при жизни Сталина в некоторую опалу Молотов, Микоян и Ворошилов тоже хотели укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Поэтому истинная причина ареста

Берии — борьба за власть среди соратников Сталина после смерти вождя.

Причина ареста Берии — убрать энергичного и опасного для партийной элиты конкурента.

Сталин не подготовил и не оставил себе преемника. Более того, в конце 1940-х годов он уничтожил молодую энергичную ленинградскую команду в лице Н. А. Вознесенского (1903–1950), А. А. Кузнецова (1905–1950), М. И. Родионова (1907–1950), П. С. Попкова (1903–1950) и других, которая сформировалась в условиях социализма и вполне могла прийти ему на замену.

Перед своей смертью И. В. Сталин остался, по существу, с теми, с кем был знаком с Гражданской войны. Только Берия и Маленков были моложе, в 1953 году им было немногим больше пятидесяти, Хрущёву в то время было 59 лет, все остальные были старше. Все, кто оказались наверху власти после смерти Сталина, были активными участниками репрессий. Маленков принял самое деятельное участие в «ленинградском деле». О Хрущёве мы писали выше. Каждый из них мог опасаться, что тот, кто окажется на вершине власти, может избавиться от всех остальных, вспомнив участие каждого в репрессиях.

Вот описание доктора исторических наук, профессора Р. Г. Пихои сложившейся ситуации в верхних эшелонах власти к лету 1953 года:

« К лету 1953 г. ведомство Берии накопило материалы, которые могли дискредитировать Маленкова, Хрущёва и других членов Президиума ЦК. Он поставил вопрос об аресте бывшего секретаря ЦК и министра госбезопасности С. Д. Игнатьева — ставленника Маленкова, был арестован бывший начальник следственной части МГБ по особо важным делам М. Д. Рюмин, который мог дать показания на Маленкова и Хрущёва. Ситуация в партии и в обществе могла выйти из-под контроля Президиума ЦК. Все действия, направленные на исправление извращений и преступлений, совершенных при Сталине, вызывали широкую поддержку населения независимо от того, кто за ними стоял. Активность

Берии, неожиданность подходов к решению поставленных задач делали его в глазах Маленкова, Хрущёва и других старожилов сталинского политбюро смертельно опасным конкурентом. Объединяющим для них фактором послужил и страх перед этим человеком. Они панически боялись, что Берия слишком много знает и сумеет в нужный момент использовать имеющийся у него компромат для нанесения решительного удара по своим же соратникам.

Р. Г. Пихов

Подготовка к устранению Берии была делом опасным и непростым, но после смерти вождя у Хрущёва стали проявляться некоторая авантюризм и бесшабашность. По существу, это объяснялось отсутствием у него реальной власти в стране.

Руководство страны в то время осуществлялось Маленковым, Берией и Молотовым. Хрущёв не был уверен в позиции Маленкова, поскольку Берия и Маленков в последние несколько лет считались друзьями, но к тому времени некоторые действия Берии насторожили и Председателя Совета Министров.

Хрущёв грамотно использовал эту информацию, чтобы привлечь внимание своих партийных товарищей. В разгар рабочего дня на даче Хрущёва появлялись Булганин, Молотов, Ворошилов и Маленков. Они вместе уходили на прогулку и подолгу разговаривали.

Д. Т. Шепилов в своих воспоминаниях так описывает поведение Никиты Сергеевича накануне ареста Берии:

« Хрущёв хорошо понимал, что среди всего руководящего ядра партии Л. Берия — единственный серьёзный противник и единственное серьёзное препятствие на пути его вождельств. К тому же этот противник — опасный. В его руках всё дело охраны Кремля и правительства; все виды правительственной и другой связи; войска МВД и пограничной охраны. Малейший просчет с его, Хрущёва, стороны — и голова его будет снесена.

Вот почему когда Хрущёв, пока в глубокой тайне, наедине с самим собой, решил уничтожить Берию, он взял курс на сбли-

жение с ним. Все вдруг оказались свидетелями неразрывной дружбы Хрущёва и Берии.

Накануне условленного дня члены Президиума ЦК заседали. На следующий день назначено было заседание Президиума Совета Министров, в который входили Председатель Совета Министров СССР и его первые заместители, т. е. те же члены Президиума ЦК: Берия, Молотов, Булганин и Каганович.

Последующий ход событий Н. Хрущёв не раз живо рассказывал по разным поводам:

— После заседания поехали по домам, на дачи на одной машине втроем: я, Берия и Маленков. Дорогой шутили, смеялись, рассказывали анекдоты. Я хотел всем нашим видом и поведением показать, что всё — в полном порядке. Всё-таки где-то в душе копошилось сомнение: не пронюхал ли он, подлец, что-нибудь о нашей подготовке. Тогда — хана. Он упредит нас и передушит всех, как цыплят. Все последние дни я уж так ухаживал за ним, так в любви ему объяснялся, что дальше некуда. И в этот вечер нежности продолжались. Видно, он ни о чем не догадывался.

Сначала завезли домой Егора. А я решил доставить Берию прямо до порога, чтобы душа была спокойна, что он прибыл домой и до утра оставался там, а утром — всё свершится. Выйдя из машины, мы ещё долго гуляли, и я горячо говорил ему, какие он большие и толковые вопросы после смерти Сталина сумел поставить...

— Подожди, Никита, — отвечал явно польщенный Берия, — это только начало. Всё решим. Кто нам теперь мешает? И сами жить будем по-другому. Работать будем по-другому. Вот я уже предлагал вам, а вы всё ежитесь, канитель разводите. Давайте я своими строительными организациями каждому члену Президиума построю по особняку: один в Москве, или под Москвой, как хочешь, другой — на Кавказе, на Черном море: хочешь — Крым, хочешь — Пицунда, где хочешь, такие особняки, пальчики оближешь, — Берия тут вкусно причмокнул губами. — И вручить каждому члену Президиума особняки от имени правительства в

собственность: пускай живут. Пускай дети живут. Пускай внуки живут. Что, мы не заработали себе таких пустяков?

— Верно, верно, Лаврентий, надо подумать об этом. Дело неплохое. Давай на днях обсудим это.

— Ну, будь здоров, дорогой. Давай поспим малость. Завтра ведь дела текущие. Отзаседаем, а там давай вместе пообедаем.

— Я, — заключал Хрущёв, — долго и горячо тряс его руку. А сам думал: ладно, сволочь, последний раз я пожимаю твою руку. И на всякий случай завтра надо всё-таки в карман пистолетик положить. Черт его знает, что может быть.

Но всё обошлось благополучно и было сработано по плану.

Лаврентий Берия оказался совершенно не готов к событиям, которые произошли с ним 26 июня 1953 года в Кремле. Обычно Берия было трудно обмануть, но заговорщики успешно с этим справились, поскольку в своем заговоре опирались на полную поддержку правящей партийной элиты.

Одной из главных ошибок Берии стало то, что он недооценил хитрость и коварство Никиты Хрущёва. Во время посиделок на сталинской даче Хрущёв имел репутацию шута и придурка, и многие соратники принимали эту роль за чистую монету.

Еще работая на Украине, Хрущёв был в хороших отношениях с первым заместителем министра внутренних дел СССР генерал-полковником И. А. Серовым.

В последний год перед смертью Сталина Хрущёву удалось также внедрить в МГБ и МВД своих людей: В. С. Рясного, А. А. Епишева и С. Р. Савченко.

Кроме того, Хрущёв нашел понимание и поддержку среди военных. С министром обороны Булганиным у Никиты Сергеевича были хорошие отношения еще со времен 1930-х годов, когда Хрущёв был первым секретарем Московского комитета, а Булганин — председателем Моссовета.

Берия, хотя и был маршалом Советского Союза, не имел хороших связей с армией и в боевых действиях не участвовал, своим

званием он лишь раздражал профессиональных военных, рискующих погибнуть во время боевых действий. Берия не имел дружеских отношений и в партийных кругах, поскольку в военное время занимался решением оборонных и хозяйственных вопросов и никогда не работал секретарем ЦК КПСС. Зато он имел непосредственное отношение к разведке и МВД, поэтому было легко и удобно списать на него все репрессии.

Процедура ареста Берия описана во многих воспоминаниях, некоторые из них построены на рассказах Хрущёва. Лаврентия Берия арестовали на заседании Президиума ЦК. Председательствовал на заседании Маленков. Никакого протокола заседания не велось. Остались лишь черновые наброски очень кратких тезисов Маленкова с его карандашными пометками. В его записях можно прочитать:

« Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством. Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии. Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД. Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений. Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления властью. »

Г. М. Маленков

Заседание длилось два с половиной часа. Выступившие Молотов, Хрущёв, Каганович, Булганин. Молотов назвали Берия перерожденцем, Хрущёв заявил, что Берия вообще никогда не был коммунистом. Берия пытался спорить, не соглашался с высказанными претензиями. Наиболее решительным был Хрущёв. За Берия пытался заступиться Микоян. Он сказал, что Берия хороший работник и может принести еще много пользы. В пометках Маленкова есть запись «министр нефтяной промышленности», по-видимому, были и такие мысли о будущем Берии.

Комната, где проходило заседание, была оцеплена. Военные во время заседания отсутствовали, но в некоторый мо-

мент Маленков нажал кнопку звонка и вызвал их. Вместе с Г. К. Жуковым вошло шесть (по некоторым сведениям десять) вооруженных генералов. Жуков скомандовал «Руки вверх!» и арестовал Берия.

Интересная оценка ареста Берии дана в одной из передач радиостанции «Свобода» журналистом Владимиром Тольцем:

« Судя по документам, арест Берия оказался блестящей военной операцией, в результате которой армейские переиграли эмвешеников. Впрочем, как теперь ясно из рассекреченных материалов следствия, последние и не оказали никакого сопротивления и довольно скоро стали сдавать своего арестованного шефа „по полной“.

В. С. Тольцы
»

Несмотря на значительное расстояние, танковые полки Кантемировской и Таманской дивизий смогли быстро добраться до столицы и занять там ключевые позиции раньше, чем отреагировали дивизии внутренних войск. (Собственно, они и не реагировали.) На всякий случай была организована поддержка с воздуха. К счастью, она не потребовалась. Командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев, находившийся на командно-штабных учениях в Калинин, был оперативно смещен и заменен верным заговорщикам — генералом Москаленко. Столь же стремительно и гладко прошла нейтрализация кремлевской охраны и другие оргзамены — министерский кабинет Берия занял его зам Круглов, а смещенного генпрокурора Сафонова сменил Руденко, сразу же взявшийся за следственные действия и легитимизацию антибериевского заговора.

Хотя арестованного Берия удалось быстро и без проблем вывезти из Кремля, первоначальное место его заточения — Алешкинские казармы — было признано небезопасным и уязвимым. Пришлось переместить арестанта на гауптвахту МВО. Куда менее до сих пор известны и проанализированы проблемы формулирования обвинения, хода и тактики следствия, определения круга подельников и их арестов и проведения судебного процесса.

Сразу после ареста Берии, в тот же день 26-го июня было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О преступных антигосударственных действиях Л. П. Берии», в котором говорится:

« Ввиду того, что за последнее время вскрыты преступные антигосударственные действия Л. П. Берии, направленные на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала, Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев сообщение Совета Министров СССР по этому вопросу, постановляет:

1. Лишить Л. П. Берию полномочий депутата Верховного Совета СССР.

2. Снять Л. П. Берию с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР.

3. Лишить Л. П. Берию всех присвоенных ему званий, а также орденов, медалей и других почетных наград.

4. Дело о преступных действиях Л. П. Берии передать на рассмотрение Верховного Суда СССР.

Вот так вот сразу вскрыты «преступные антигосударственные действия в интересах иностранного капитала», «лишить полномочий депутата», «снять с поста первого заместителя», «лишить всех присвоенных званий» и «передать на рассмотрение суда». Сразу в суд без всякого разбирательства и следствия. Как можно видеть, действовали решительно и без правил.

В тот же день Берию лишили должности председателя в Спецкомитете. Его упразднили. Первое главное управление при Совете Министров СССР преобразовали в Министерство среднего машиностроения. Министром назначили бывшего министра танковой промышленности, генерал-лейтенанта Вячеслава Александровича Малышева.

На другой день после ареста Берии были арестованы его жена и сын. Они провели в тюрьме больше года. Жене Лаврентия Берии предъявили нелепые обвинения в том, что она использовала

«наемный труд», на основании того, что когда-то она сшила платье у портного. В 1954 году жену и сына Берии освободили, но отправили в ссылку в Свердловск под надзор сотрудников КГБ. Они стали носить фамилию Гегечкори, девичью фамилию жены. Ссылка продолжалась несколько лет, и только в 1964 году семье разрешили переехать в Киев.

Нино Гегечкори прожила долгую жизнь. Всеми забытая, в 1990 году она говорила:

« Дай Бог счастья всем, кто борется за счастливое будущее своей Родины. Человек должен думать только о своей Родине. Никакой другой народ не оценит его труд. Передо мной пример Сталина, Орджоникидзе, Чхаидзе, Церетели, Гегечкори, Берии и многих других. Они свято верили в то, что боролись за счастливое будущее всех народов Земли, ради какой-то общей благородной цели. Ну и что вышло из этого? Они ни в чем не пригодились ни своей Родине, ни своему народу. А другие народы отвергли их труды. Вышло, что все эти грузины умерли без Родины.

Н. Гегечкори
»

Мать Берии Марта и теща Дарико после ареста Берии были выселены из квартир и отправлены в дом престарелых в сотне километров от Тбилиси. Одной из них в то время было 84 года, другой — 81. Власти не разрешили родственникам взять пожилых женщин к себе. Остальные родственники Берии и его жены были высланы из Грузии в Красноярский край и Казахстан, о чем имеются соответствующие свидетельства.

Оглядываясь назад, невольно возникает наивный вопрос: почему, арестовав Берию, Хрущёв и другие заговорщики стали выдумывать небылицы о том, что Берия шпион? Почему Хрущёв не решился вывести Берию из дальнейшей политики и из власти благородно, по-товарищески, сохранив ему жизнь? Почему, победив «антипартийную группу» спустя три года после убийства Берии, Хрущёв оставил всех ее членов живыми, а Берию не пощадил?

По-видимому, участники заговора боялись оставить Берию живым, поскольку он знал о них слишком много. Более того, они

были уверены, что на каждого из них у Берии накоплен компромат. И, если поступить по закону, то придется судить не только одного Берия, а всех людей из сталинского окружения.

У Берии были выдающиеся организаторские способности, и все сталинское окружение уступало ему в умении организовать работу и довести ее до успешного выполнения. Поэтому после смерти Сталина Лаврентий Берия был обречен. Он должен был или возглавить Советский Союз, или погибнуть.

В своих воспоминаниях Н. Хрущёв и его зять А. Аджубей уверенно утверждают, что после смерти Сталина Лаврентий Берия готовился к захвату власти. Однако никаких документальных подтверждений того, что Берия готовился к захвату власти в стране, нет. Ясно, что это, как и многое другое, следует отнести к разряду многочисленных фантазий Н. С. Хрущёва.

Политолог А. Авторханов полагал, что если бы Берия действительно пошел на это, то одержал бы победу, и с ним нельзя не согласиться, анализируя ситуацию того времени.

27-го июня 1953 года принимается решение о созыве 2-го июля Пленума ЦК КПСС.

29-го июня выходит постановление Президиума ЦК КПСС «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». В постановлении всего два пункта:

« 1. Ведение следствия по делу Берии поручить Генеральному Прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берии через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача.

Постановление Президиума ЦК КПСС

Что впечатляет в этом постановлении? Приказано «доложить Президиуму о персональном составе следственного аппарата» и «немедленно приступить с учетом данных на заседании Президиума указаний к выявлению фактов враждебной деятельности через его окружение». То есть вообще-то пока ничего не ясно, но Берия уже арестован и надо выявить факты враждебной деятельности привлекая его подчиненных.

В этом постановлении встречается фамилия Строкача. Генерал-лейтенант Тимофей Амвросиевич Строкач (1903–1963) работал с 1940 года заместителем наркома внутренних дел Украины в то самое время, когда Н. С. Хрущёв был первым секретарем ЦК Украины. В 1941 году Строкача уволили из НКВД за то, что он не вывез часть архива НКВД из Киева. Во время войны Строкач — участник партизанского движения. С января 1946 года по 19 марта 1953 года он министр внутренних дел Украины.

Однако 16-го марта 1953 года министром внутренних дел Украины Берия назначил генерал-лейтенанта Петра Яковлевича Мешика (1910–1953), своего помощника по работе в атомном проекте, а генерал лейтенанта Строкача понизил до начальника управления внутренних дел Львовской области. П. Я. Мешик тоже, конечно, украинец, но не «человек Хрущёва».

Министром Мешик был недолго, его арестовали 30 июня в Киеве как участника «банды Берии». А министром внутренних дел Украины с июля 1953 года снова до 1956 года стал Т. А. Строкач. В 1956–1957 годах Строкач был даже заместителем министра внутренних дел СССР, но 30-го марта 1957 года его все-таки отправили на пенсию по болезни.

«Клевета со стороны некоторых господ — такая же хорошая рекомендация, как похвала со стороны других».

*Генри Филдинг,
английский писатель*

Глава 6. Июльский Пленум ЦК КПСС 1953 года

Берия арестовали 26-го июня 1953 года, но формально он оставался членом Центрального Комитета партии и только Пленум ЦК мог вывести его из своего состава.

Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии» состоялся со 2-го по 7-е июля 1953 года. Берия на пленуме не присутствовал, его не только не пригласили, но ни у кого из участников пленума даже не возникло такого предложения. Обсуждали заочно, без боязни услышать что-то неприятное в свой адрес.

Ниже приводятся некоторые фрагменты из выступлений участников пленума. Многие характеристики позволяют более полно представить стиль работы Берии, его характер и его идеи по реформированию Советского Союза. Из выступлений участников пленума удастся понять претензии, сформулированные к Берии и его окружению при проведении следствия.

Сценарий пленума был типичным для партийных мероприятий. Вначале — основной доклад, потом его обсуждение. По первому вопросу на пленуме выступило более двадцати человек.

Всех выступивших можно условно разделить на четыре группы: участники заговора (Маленков, Хрущёв, Молотов, Булганин, Каганович); примкнувшие к заговору (Микоян, Ворошилов, Андреев, Шаталин, Сердюк, Андрианов, Патоличев, Михайлов); работавшие под руководством Берии (Малышев, Тевосян, Байбаков, Завенягин), открещивающиеся от Берии (Бакрадзе, Багиров, Арутюнов, Снечук).

Открыл заседание Никита Хрущёв. В повестке дня было три вопроса, но первый, и самый главный, «Дело Берии».

С докладом по основному вопросу выступил Г. М. Маленков. Из его выступления мы узнаем:

«Задача состояла в том, чтобы в связи со смертью т. Сталина, в связи с этой огромной утратой для партии и страны не допустить растерянности в рядах нашей партии, в рабочем классе, в стране. Мы обязаны были сплотить свои ряды, действовать энергично и решительно, обеспечить единство и дружно вести страну вперед по пути, определенному гением человечества Лениным и его великим продолжателем Сталиным.

Наш ленинско-сталинский ЦК эту задачу решил успешно. ЦК действовал энергично и выступил перед нашей страной и всем миром как единый, сплоченный, монолитный коллектив, достойный гениального основателя нашей партии — Ленина и его великого продолжателя — Сталина.

Но, товарищи, Президиум ЦК обязан доложить Пленуму ЦК, что уже вскоре после смерти т. Сталина мы, члены Президиума, начали убеждаться в том, что Берия нечестно и, как в дальнейшем все больше и больше выяснялось, в преступных целях стал пользоваться нашим стремлением к единству, к дружной работе в руководящем коллективе.

Прежде всего, Берия стал ловко и умело пользоваться своим положением министра внутренних дел и развил активную деятельность в том преступном направлении, чтобы поставить МВД над партией и правительством.

Далее Маленков рассказал о письме в ЦК КПСС начальника МВД по Львовской области Строкача, в котором тот сообщает, что новый министр внутренних дел Украины П. Я. Мешик дал ему указание собрать сведения «о национальном составе руководящих кадров партийных органов, начиная от парторганизаций колхозов, предприятий и до обкома партии включительно». Одновременно Мешик предложил сообщить о недостатках работы

партийных органов в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, среди интеллигенции и среди молодежи.

Строкачпишет о том, что шло все это от Берии, что, конечно, так и было. Берия решил собирать свои данные, не оглядываясь на партийные органы и действуя через свои службы. Однако у начальника управления МВД по Львовской области Строкача было другое мнение. Он считал, что без указания партийных органов такую информацию собирать нельзя, о чем он и написал в ЦК партии.

В своем докладе Маленков говорил также о контроле Берии за членами Президиума ЦК КПСС:

« Я должен сказать Пленуму ЦК и о таких преступных действиях Берии, как использование охраны членов Президиума ЦК для контроля за ними. Теперь нам известно, что о каждом передвижении членов Президиума Берия немедленно узнавал через охрану. Известно также, что разговоры по телефону с членами Президиума ЦК подслушивались и докладывались Берии. Мы располагаем на этот счет документальными данными.

Нечего и доказывать, что такие действия Берии являются враждебными в отношении партии. Ясно, что Берия преступно замыслил поставить МВД над партией, замыслил поставить ЦК и правительство под контроль МВД.

На прошлой неделе, накануне того дня, как мы решили рассмотреть в Президиуме ЦК дело Берии, он пришел ко мне с предложением предпринять через МВД шаги к нормализации отношений с Югославией. Я заявил ему, что надо этот вопрос обсудить в ЦК. Какое же это предложение? В изъятых теперь у Берии материалах есть следующий документ:

„Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берии, который хорошо помнит Вас. Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что он и его друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран. В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и если Вы и товарищ Тито разделяете

эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если Вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде. Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно“.

Г. М. Маленков

Таким образом, Берия хотел наладить отношения с лидерами Югославии, с которыми еще при Сталине сложились напряженные отношения в связи с тем, что коммунист Иосиф Броз Тито отказался строить социализм в своей стране, слепо копируя опыт Советского Союза.

Высказаны Маленковым претензии и по поводу отношения Берии к событиям в ГДР:

«
Надо сказать, что Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию. В свете всего, что узнали теперь о Берии, мы должны по-новому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца.

Г. М. Маленков

Не понравилась Маленкову и торопливость Берии в вопросе с амнистией из тюрем:

«
Затем, товарищи, факт, связанный с вопросом о массовой амнистии. Мы считали и считаем, что эта мера по амнистии является совершенно правильной. Но, раскрыв теперь подлинное лицо Берии, мы приходим к заключению, что он подходил к этому мероприятию со своих позиций, он имел свои планы на этот счет. Факты показали, что он проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил контингенты, которых не надо было освобождать, например, вовсе не надо было освобождать воров-рецидивистов. После событий с Берией мы поправили и дальше еще поправим это, но поведение Берии вокруг вопросов амнистии является, несомненно, подозрительным. Мы и в этом отношении должны извлечь урок для себя.

Г. М. Маленков

Действительно, Берия с амнистией поторопился. Все-таки сразу освободить более миллиона человек — акция непродуманная. Все освобожденные должны куда-то ехать, где-то жить и где-то работать. Однако при проведении амнистии была не только вина Берии, но и остальных членов правительства и членов Президиума ЦК. Предложение вносилось Берией, но решение-то принималось членами Президиума ЦК КПСС. Почему промолчали и согласились?

Критически отнесся Маленков и к тому, как Берия принимал решения по вопросам подготовки проведения ядерных испытаний. В своем докладе Маленков говорит:

«Далее, товарищи, известно, что Берия ведал специальным комитетом, занятым атомными делами. Мы обязаны доложить пленуму, что и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы специального комитета. Так, он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта? Когда ему руководящие работники специального комитета (они здесь — тт. Ванников, Завенягин) дали проект решения для внесения в правительство, он, Берия, перечеркнул этот документ и единолично вынес решение, скрыв его от ЦК и правительства.»

Г. М. Маленков

Здесь можно и не согласиться с Г. М. Маленковым. Вопросы секретные. Вопросы специальные. Что могли подсказать полезного члены правительства и члены Президиума ЦК КПСС для подготовки испытаний термоядерного оружия?

На пленуме Маленков рассказал также о Президиуме ЦК КПСС, на котором арестовали Берию:

«Прошло 3, около 4 месяцев после смерти т. Сталина. Надо было разгадать и разглядеть Берию во всей его красе. Надо было всем увидеть его как нарушителя, подрывника единства нашего ЦК. Надо было сплотиться, чтобы единодушно, я подчеркиваю — вполне единодушно, решить вопрос о Берии.»

Когда мы в Президиуме ЦК все убедились, с кем имеем дело, мы созвали заседание Президиума ЦК и в присутствии Берии предъявили ему обвинения. Он вел себя нечестно. Фактов отрицать не мог, но стал трусливо, подло прятать концы, заявляя, что он исправится.

Президиум пришел к выводу, что нельзя с таким авантюристом останавливаться на полпути, и решил арестовать Берия, как врага партии и народа.

Разоблачив и изгнав такого перерожденца, каким оказался Берия, наш ЦК будет еще более сплоченным и монолитным. Принимая эти крутые меры, Президиум ЦК руководствовался убеждением, что в данном случае единственно правильными являются именно эти меры, Президиум ЦК руководствовался убеждением, что так поступил бы Ленин, так поступил бы Сталин.

Г. М. Маленков
»

В выступлении Г. М. Маленкова были высказаны ряд претензий к Берии. Маленков считает, что Берии не должен был заниматься анализом национального состава руководителей в национальных республиках, используя МВД, в частности на западной Украине, в Литве и в Белоруссии.

Маленкову показалось, что Берия пытался вывести Министерство внутренних дел из-под партийного контроля. Вмешательство в международную политику и предложение об отказе от строительства социализма в ГДР — тоже вменялись в вину Берии.

Критически отнесся Маленков и к скорости проведенной амнистии, хотя самого факта необходимости амнистии он не отрицал.

В целом критика Берии сделанная в докладе Маленкова была сдержанной и с позиции того времени, по-видимому, вполне оправданной.

Любопытно, что Маленков ничего не сказал об участии Берии в репрессиях.

Первым выступающим по докладу Г. М. Маленкова был Н. С. Хрущёв. Его выступление было эмоциональным, путаным

и непоследовательным. В начале Хрущёв сказал о том, как члены Президиума ЦК КПСС дорожили единством партии, потом перешел к характеристике Берии:

« Берия был большим интриганом при жизни товарища Сталина. Это ловкий человек, способный, он очень, я бы сказал, крепко впился своими грязными лапами и ловко навязывал другой раз свое мнение товарищу Сталину. Он ловко, умело, другой раз намеком каким-то глухим, другой раз более определенным образом посеет сомнение или в тот или иной вопрос, или так или иначе показать в каком-то нехорошем свете того или иного товарища и нервировать без всякого основания товарища Сталина, добиваясь на какое-то определенное время восстановления товарища Сталина против того или другого товарища. Это мы наблюдали. Ловкость, нахальство и наглость — это основные качества Берии.

Н. С. Хрущёв

»

Н. С. Хрущёв сообщил, что сам он уже во время болезни Сталина проявил беспокойство о том, что Берия возьмет себе пост министра МВД, и об этом он говорил с Н. А. Булганиным:

« Зачем ему этот пост? Этот пост ему нужен для того, чтобы захватить такие позиции в государстве, с тем, чтобы через свою разведку установить шпионаж за членами Политбюро, подслушивать, следить, создавать дела, интриговать, и это приведет к очень плохим последствиям, а может быть и больше, для партии.

Н. С. Хрущёв

»

— Был такой разговор, — подал реплику Булганин с места.

Хрущёв продолжал:

« Нельзя, я говорю, допустить до этого, гибель будет всем. Но вы скажете, ну хорошо, потом умер товарищ Сталин, а все-таки, мол, Берия стал министром и, мол, ты также думал и говорил с Булганиным, но и ты, и Булганин не выступили, когда было формирование и распределение обязанностей. Я говорю, я обнажаю этот вопрос. Товарищи, почему? Я вам скажу, почему. Одно дело, когда думаешь умирает, но еще живет, и другое дело психологическое состояние. когда уже умер Сталин. Мы собрались,

и это как-то еще больше спланивало людей. Кроме того, я считал, что при обсуждении выступить и сказать это мнение не совсем правильно. Вы, дорогие товарищи, имейте в виду, что Берия добился своего еще при жизни товарища Сталина, он разобщения между членами Бюро ЦК добился.

Н. С. Хрущёв
»

Этот фрагмент выступления Хрущёва совершенно ясно показывает что более всего беспокоило Н. С. Хрущёва. Страх за себя из-за того что Берия в материалах МВД найдет виновных и ответственных за репрессии в Советском Союзе, в том числе и самого Хрущёва. Когда Хрущёв говорит «гибель будет всем», то страшно ему было за свое прошлое. Не хватило Хрущёву смелости, чтобы воспротивиться три с половиной месяца назад против назначения Берии министром МВД, но теперь он смог всех напугать, объединить и организовать заговор против «друга и соратника».

Дальше у Н. С. Хрущёва можно наблюдать такую же логику выступления:

« Гитлер рассчитывал, что он пройдет на танках по степям Украины и сразу завоюет, и будет захвачена Москва, и все падет. Но теперь весь мир знает, как началось и чем кончилось. Это о чем говорит? Опять-таки это говорит о силе нашей партии, о сплоченности нашего народа, о безграничности доверия нашему руководству и руководству нашей партии.

Если взять поздние вопросы — врачей, — это позорное дело для нас, это же липа. Если взять мингрельское дело, грузинское дело — это же липа. Взять другие дела как наиболее выделяющиеся — это липа. Спрашивается, почему же Берия, а Берия знает это хорошо, нет, все-таки МВД, для чего ему нужен этот пост? Ему нужен был пост для того, чтобы взять в руки этот орган бесконтрольный, товарищи, и я бы сказал, трудно контролируемый, товарищи.

Вот смотрите, любого министра, любого работника, выполнение плана контролируем, там партийная организация выступит,

там что-то мы видим, а в МВД все покрыто тайной. Он говорит: иду на конспиративную квартиру принимать какого-то агента, а какого агента там принимать, кто-нибудь знает? Никто не знает. Вот что ему нужно было, товарищи. Вот поэтому-то он и пошел на этот пост, против партии, против правительства.

Н. С. Хрущёв

»

Нам-то хорошо известно, что Берия взял себе должность министра МВД не вопреки воле партии, а по рекомендации Председателя Совета Министров Маленкова, и возражений у остальных членов Президиума при назначении Берии не было, но Никита Сергеевич об этом факте, как и о многих других, говорит иначе.

Еще любопытный факт следует из выступления Хрущёва:

«Ведь вот эти записки по Украине, по Латвии, по Белоруссии. Это же факт, они собраны не через обкомы, не через центральные комитеты, они собраны через работников МВД, хотя эти материалы имеются все в Центральном Комитете. Значит, он своего добился. Это надо признать, чтобы в дальнейшем исключить всякую возможность намека на подобные действия.

Товарищи, вот что интересно. Я, например, глубоко убежден, что Берия не коммунист, Берия не был коммунистом, Берия — карьерист, Берия — провокатор. И не только сейчас. Товарищи, я напомню Вам пленум в 1937 году. Вы помните, что с этой трибуны было заявлено, что Берия работал в контрразведке в Баку. Каминский это сказал. Тогда же было сказано, что Берия работал в контрразведке по заданию партии. Сейчас доказательств не имеется, он их не представил. А время прошло.

Н. С. Хрущёв

»

В этот момент первый секретарь ЦК КПСС Азербайджана Багиров подал реплику с места:

— Подпольной работой тогда руководил Анастас Иванович, без него никто никуда не мог пойти.

Между тем Хрущёв продолжал:

«Товарищи, я вам скажу, что мы уже возраст советской власти имеем приличный и сами с советской властью многие поседели. Поэтому если даже скажут, что он имел действительно задание,

то кто поручится, что он не работал и по другому заданию, против нас, имея прикрытие, что он работал по нашему заданию. Такой авантюрист! Это двойник, но через определенное время он становится одиночным человеком, работая в одном направлении. Товарищи, я неоднократно слышал заявления Берии о партии, его взгляды.

Последнее заявление было им сделано, когда мы обсуждали дела ГДР, когда вызывали немцев и когда обсуждали вопросы Венгрии. Тогда стоял вопрос о том, что надо разъединить работу в одном лице, решить, что совмещает ЦК и Совет Министров. Помните, тогда Ракоши сказал:

— Я бы хотел знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть. Раз не будет в одном лице, надо более рельефно выявить разделение вопросов.

Берия тогда пренебрежительно сказал:

— Что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой.

Меня тогда резануло такое заявление. Значит, он исключает руководящую роль партии, сводит ее роль на первых порах к кадрам, а по существу партию сводит на положение пропаганды. В его же понимании — какая разница между Гитлером и Геббельсом? Разве это взгляд на партию? Разве так учил Ленин? Разве так учил Сталин относиться к партии?

Почему он так говорил? Он вносил сознание, что роль партии отошла на второй план, а когда он укрепится, тогда ее совсем уничтожит. Конечно, не физически, он не такой дурак, он все сделал бы в своих целях. Это, товарищи, опасность большая, и поэтому я делаю вывод, что он не член партии, он карьерист, а может быть, шпион, в этом надо еще покопаться.

Н. С. Хрущёв
»

Так вот, несмотря на свою довольно путаную речь, Хрущёв постепенно формулирует свои претензии к Берии. Плохо, что информацию о состоянии дел в республиках собрал не по партийным каналам, а через сотрудников внутренних дел и никуда

не годится, что Берия хотел, чтобы хозяйственные дела в стране решал Совет Министров.

Мне долгое время было не ясно, как Берия мог мешать развитию сельского хозяйства? Из выступления Хрущёва на пленуме этот вопрос в какой-то степени проясняется. В послевоенное время положение в сельском хозяйстве Советского Союза сложилось невыносимо тяжелое. Огромное число сельских тружеников погибло на войне. Большая потребность в рабочей силе в промышленности. Огромная армия. Необходимость восстановления разрушенного войной хозяйства.

Как помочь послевоенному сельскому хозяйству? Высказывались разные предложения. В частности, Хрущёв полагал, что в сельском хозяйстве должна уменьшиться роль единоличных хозяйств. На пленуме он сказал:

« Мы говорили, чтобы упразднить коров в единоличном пользовании, а через колхоз снабжать, но он забрасывает камушек в огород того, что это невозможно сделать. Будет время, когда колхозник пойдет на это. Если мы не верим в это дело, значит, мы не коммунисты. Разве всегда будет крестьянка-колхозница за хвост держать свою собственную корову? Надо создать условия, надо поднять колхозное крестьянство, надо поднять товарность колхозного крестьянства.

Но Берия это упорно срывал. Мы по картошке и овощам три месяца обсуждаем вопрос, три месяца не можем принять решения. Как только поставим — опять доработка. Мы снизили цены на картошку и капусту, а картошки и капусты в магазинах нет. Капуста стала дороже или в одной цене с бананами. Что же это такое? Что же, наши колхозники разучились выращивать капусту? Нет, товарищи, надо глубже посмотреть и надо решить этот вопрос, и все будет. Но он — провокатор. Я даже думаю, что он считал, что если где-нибудь восстанье будет, то это лучше. Ух, это какой мерзавец.

Хрущёв, став Первым секретарем ЦК партии и Председателем Совета Министров, реализовал свою безумную идею. Я

Н. С. Хрущёв
»

помню, как в деревне уменьшили размер приусадебных участков до пятнадцати соток, Крестьянам не разрешали до осени косить траву для своих коров. Жители деревень со слезами на глазах повели сдавать своих буренок из личных хозяйств на мясо. Чем все это закончилось — теперь хорошо известно.

Как следует из выступления Хрущёва на пленуме, по-видимому, Берия считал, что вопрос еще не готов, и он несколько раз откладывался.

Как видно, члены Президиума ЦК КПСС говоря о единстве, имели совершенно различные мнения по дальнейшему развитию Советского Союза.

Большие разногласия с Берией у Хрущёва возникли и по национальному вопросу. Вот еще один фрагмент из его выступления:

« Возьмем его выступление, когда он поглаживал по голове русский народ, говоря, что русский народ великий. Ведь это гнусность! Не определениями Берии велик русский народ, не его волей великий русский народ поднялся и создал величие. Ему нужно было погладить по голове русский народ потому, что он уже себя рассматривал преемником Сталина. Сталин объявил тост за великий русский народ, а Берия уже тогда имел свои намерения. Взмах он взял большой, но сорвался и разбился, дух выпустил. »

Н. С. Хрущёв

Никита Хрущёв даже по поводу амнистии выразился так, что освобождал Берия только затем, чтобы перехватить инициативу от партии:

« Он освобождал не просто, а он освобождал, и эти люди выходили, а он им внушал, что это Берия им вернул жизнь, не партия, не правительство, а Берия. Дешевая демагогия! Он сам говорил: я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем. И он это делал. Берия демонстрирует внешнюю свою дружбу, неразлучную, неразрывную с товарищем Маленковым. Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а

муку не продаем. А какой же коммунизм без горячих лепешек, если говорить грубо? Картошки нет. Это делалось для того, чтобы свалить вину на других, а потом добраться до власти. Некоторые говорили: как же так, Маленков всегда под руку ходит с Берией, наверное, они вдвоем — это мне говорят, а другим, наверное, говорят, что Хрущёв с ним также ходит. И это правильно. Ходили, и я ходил. Он посредине идет, бывало, а с правого бока Маленков идет, а с левого — я. Вячеслав Михайлович как-то даже сказал:

— Вы ходите и что-то все время обсуждаете. Я говорю:

— Ничего путного, все гнусности всякие, противно даже слушать, но ходим.

Отношение Хрущёва к Берии отличается от оценок, данных Маленковым. Как можно заметить, в своем выступлении говорливый секретарь ЦК КПСС высказал чрезвычайно много претензий к своему бывшему соратнику. Именно в выступлении Хрущёва на пленуме впервые прозвучало, что во всех бедах социализма виноват Берия, в том числе и в репрессиях, и даже в сельском хозяйстве.

Известно, что ни к «делу врачей», ни к «мингрельскому делу», ни к «делу еврейского антифашистского комитета» и ко многим другим делам, начиная с 1945 года, Берия не имел отношения. Но предложение сделать Берию ответственным за все репрессии в Советском Союзе впервые прозвучало на пленуме в выступлении Хрущёва, хотя и в довольно путаной форме.

Критически отнесся Н. С. Хрущёв к попыткам Берии разграничить полномочия партии и государственной власти. Отсюда у него рождается предположение, что Л. П. Берия вообще хотел уничтожить партию. Подробно остановился Хрущёв и на опасности, исходящей от Министерства внутренних дел.

Слова для характеристики Берии Хрущёв явно заимствовал из громких процессов 1937–1938 годов: «прохвост, провокатор, агент империализма, умный, хитрый и вероломный».

Н. С. Хрущёв
»

В исследовании истории власти 1945–1957 годов доктор исторических наук, профессор Р.Г.Пихоя так пишет об оценке Хрущёвым деятельности Берии:

« В изображении Хрущёва Берия оказывался виноватым почти во всех проблемах СССР — от политических процессов конца 40-х — начала 50-х гг. и проблем внешней политики до запущенного состояния сельского хозяйства и плохого обеспечения картошкой жителей городов. »

Р.Г.Пихоя

Профессор Р.Г.Пихоя отмечает несколько важных аспектов в выступлении Хрущёва, определивших на десятилетия взгляды многих людей Советского Союза. Он пишет:

« Заметим, что в выступлении Хрущёва было несколько важных аспектов: прежде всего, он автоматически заручался поддержкой партийного аппарата, гарантируя им, в случае устранения Берии, стабильность и покой, подчеркнув, что отказ от принципа партийного руководства — это бериевская ересь. Неожиданным и чрезвычайно плодотворным (на несколько десятилетий вперед) оказалась предпринятая Хрущёвым попытка списать именно на Берию все репрессии, все преступления режима, сделать его главным, если не единственным „козлом отпущения“. »

Р.Г.Пихоя

После Хрущёва выступил В. М. Молотов, который при оценке Берии во многом выразил свое согласие с Хрущёвым:

« Вот один небольшой факт. Вы, члены Пленума ЦК, знаете, кто рекомендовал премьер-министра на Пленуме ЦК. Это Берия. Собирается Верховный Совет. Кто назначил Берию для того, чтобы он рекомендовал премьер-министра? Он сам себя назначил. Мы никто не возражали. Когда 9-го марта собирался Верховный Совет, я позвонил Берии по-товарищески. Мы тогда были товарищами еще. Перед этим был разговор в нашей руководящей группе, что он опять захотел выступить как рекомендуемый премьер-министра на сессии Верховного Совета. Я позвонил, что мы так договорились, но хорошо ли это, почему, собственно говоря, премьер-министра на сессии Верховного

Совета, предложенного партией, рекомендует не секретарь Центрального Комитета Хрущёв. Мы выступали трое на Мавзолее — Маленков. Берия, я. Назначается сессия. пленум решил рекомендовать премьер-министра. Почему бы Хрущёву не выступить? — „Нет, я“. Единство партии, единство руководящего ядра — замолчали.

В. М. Молотов

Молотов был заместителем Председателя Совета Министров и министром иностранных дел. У него разногласия с Берией по вопросу будущего ГДР. На пленуме он говорил:

« Для полноты картины должен коснуться вопроса, который, мне кажется, вскрыл окончательно физиономию Берия. Это — обсуждение германского вопроса. Из Восточной Германии за два с четвертью года бежало более полумиллиона человек в Западную Германию, то есть из социалистической в капиталистическую. Ясно, что это было показателем больших беспорядков в Восточной Германии. Беспорядки эти совершенно очевидны, они вскрыты благодаря нашей помощи. Там взяли чрезмерно быстрый курс индустриализации, чрезмерно большой план строительства.

Тут впервые раздалась речь Берия — что нам этот социализм в Германии, какой там социализм, была бы буржуазная Германия, только бы миролюбивая. Мы таращили глаза — какая может быть буржуазная Германия миролюбивая, какая в глазах члена Политбюро ЦК нашей партии может быть буржуазная Германия, которая навязала одну мировую войну, буржуазная Германия, навязавшая вторую мировую войну, какая в наших условиях дальнейшего развития империализма может быть буржуазная миролюбивая Германия, кто может из марксистов трезво судить вообще, который стоит на позициях, близких к социализму или к Советской власти, кто может думать о какой-то буржуазной Германии, которая будет миролюбивая и под контролем четырех держав.

Не может советский человек говорить против того, чтобы держать курс на строительство социализма в ГДР. Значит, на-

до отдать эти 18 миллионов немцев, завоеванных нашей кровью, отдать буржуазии, капитализму. Да кто же это отдаст, где может найтись такой человек — предатель в наших рядах, за которым может пойти наша партия или кто-либо из честных коммунистов и честных рабочих. Это была попытка навязать новый курс, но она не удалась.

В. М. Молотов

»

Возникло непонимание Молотова и в отношении Берии к Югославии. Если судить по выступлению на пленуме, В. М. Молотов сильно не любил Берию. Характеризуя Берию Молотов произносит почти что нецензурные слова:

« Берия хотел запутать наши внутренние дела, запутать нашу внутреннюю политику и создать осложнения. На что он ориентировался? Какие силы могли поддержать вонючего клопа — Берию? Какие внутренние силы — класс рабочих, колхозников, интеллигенции мог поддержать эту мразь в нашем Советском Союзе? Кто мог поддержать? У него не было внутренних сил. Он мог бы найти поддержку у иностранных капиталистов — тито-ранковичей, это агент капиталистов, он у них обучался. Он оттуда выскочил и пробрался к нам. Мы мало занимались его биографией, теперь получше займемся.

В. М. Молотов

»

Вячеслав Михайлович договорился даже до того, что из-за Берии не собирались съезды партии. Тем не менее Молотов признает определенные заслуги Берии как организатора и работника. Поучительно звучит и окончание выступления В. М. Молотова:

« Я думаю, Берия чересчур обнаглел, чересчур стал торопиться, чересчур его торопили, и этим он себя выдал. Мы теперь пользуемся тем, что за 15 лет не разглядели в Берии, то мы за три с половиной месяца разглядели, потому что кто-то его очень торопил и слишком он начал наглеть, слишком он много вынул когтей, и мы увидели, что это хищник, это чужой человек, которого нужно взять за руку и посадить его на свое место.

В. М. Молотов

»

Когда Молотов в своем выступлении осуждает Берию за то, что тот предложил на должность Председателя Совета Мини-

стров Маленкова, а не секретарь ЦК Хрущёв, то Молотов уже определился с кем он будет идти дальше. Любопытно, что Молотов сделал еще одно важное дополнение, сообщив о Берии как об интригане, подталкивавшем Сталина к репрессиям в 1930–1940 годах.

Вот как оценивает выступление Молотова доктор исторических наук, профессор Р. Г. Пихоя:

« Это было очень предусмотрительно, так как на время возлагало ответственность за репрессии этой поры все на того же Берия, а не на тех, кто ко времени приезда Берии в Москву уже входил в ближайшее окружение Сталина — того же Молотова, Ворошилова, Калинина. »

Р. Г. Пихоя

В выступлении Н. А. Булганина на пленуме интерес Берии к нашим вооруженным силам интерпретируется уже как работа шпиона:

« Перед самым арестом, накануне, нам стало известно, что Берия собирает материалы военного характера, в частности материалы о наших военно-морских силах. Выработан им вопросник, и по этому вопроснику собираются данные, например, что могут противопоставить наши военно-морские силы американскому и английскому флотам, в чем состоит наша военно-морская береговая оборона, какая у нас артиллерия, каковы ее качества и некоторые другие данные. Одновременно были им поставлены вопросы и затребованы данные о нашей противовоздушной обороне, какова у нас зенитная артиллерия, какова ее эффективность. Затем далее одновременно были заданы вопросы и послан этот вопросник в ВВС о наших самолетах, каковы их особенности, каков потолок, каково вооружение и т. д. »

Н. А. Булганин

Выяснение этого дела показало, что эти данные подбирались вроде для того, чтобы рассмотреть некоторые специальные вопросы, связанные с реактивным вооружением. Но, спрашивается, почему эти данные требуются без ведома Центрального Комитета партии, в обход министра обороны?

»

Булганин на пленуме называет главных организаторов заговора против Берии:

« Товарищи, разоблачение Берия, я скажу вам, в особенности завершение этого разоблачения и сам арест Берия были трудным делом и рискованным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущёву и Молотову, которые организовали хорошо это дело и довели его до конца.

Товарищи, после смерти товарища Сталина Президиуму ЦК пришлось вести очень сложную работу, решать сложные вопросы внутренней и внешней политики.

— Одна поправка есть: и себя ты не исключай из этого — подал реплику Хрущёв.

— Я очень тебе благодарен, Никита, за эту реплику и заявляю тебе и всем другим товарищам, что я поступил только так, как должен поступить каждый порядочный член партии.

Выступление первого секретаря Львовского обкома партии З. Т. Сердюка на пленуме проясняет появление письма Строкача в ЦК:

« Приходит ко мне в областной комитет партии товарищ Строкач и говорит:

— Может быть, я отстал, но с меня требует Мешик, чтобы я сфотографировал два самых отсталых колхоза и дал бы ему.

Вы понимаете, товарищи, что, конечно, сфотографировать не „лейкой“, а просто дать описание этих колхозов. Я спрашиваю, а почему самые отсталые, у нас огромные недостатки есть в сельском хозяйстве, но у нас есть хорошие колхозы, на примере которых можно показать.

Л. М. Каганович на пленуме говорил уже о том, что Берия готовил переворот в стране, который мог случиться в самые ближайшие дни и члены Президиума предотвратили его:

« Речь идет не о политическом уклоне от линии партии, а об опасном контрреволюционном, авантюристическом заговоре против партии и правительства. Из сообщенных товарищами Мален-

Н. А. Булганин

»

З. Т. Сердюк

»

ковым, Хрущёвым, Молотовым и Булганиным фактов нетрудно увидеть по всем методам, по существу самих действий, по целям, что Берия вел дело к перевороту фашистского характера.

Надо прямо сказать, что если бы Президиум ЦК партии опоздал на очень короткое время, исчисляемое, может быть, днями, мы сегодня имели бы совсем другое положение.

У Лазаря Моисеевича, как и у некоторых других членов ЦК КПСС, наибольшее возмущение вызвало отношение Берии к Сталину. В своем выступлении на пленуме Каганович говорил:

« После смерти т. Сталина этот подлый человек, который при жизни Сталина демонстрировал себя как первого ученика, верного и преданного, начал дискредитировать Сталина. Никого не опасаясь, он с заднего плана вышел на передний план, начал действовать с открытым забралом, начал нахально и нагло вести себя.

Этот нахал, наглец и провокатор, как мы его тогда уже начали рассматривать, а впоследствии, как теперь установлено, авантюрист и контрреволюционер, не знавший силу большевистской партии, не знавший силу и корни каждого из нас, думая, что он безнаказанно может каждого из нас брать за глотку, он возомнил себя самым „сильным“ и „великим“ человеком, который все может, которому все позволено и которому все простительно.

Каганович в своем выступлении объясняет и цель, ради которой Берия хочет захватить власть в стране:

« В отличие от идейных принципов партийца-большевика, который свою работу, свое положение, свой пост подчиняет принципам идейного служения делу рабочего класса, делу коммунизма, авантюрист, карьерист Берия, наоборот, подчинил свое поведение, свою „линию“, свои „принципы“ своим авантурным замыслам — захвату власти. Во имя чего и кого? Уж, конечно, не во имя коммунизма, ибо коммунизм и Советская власть, партия нераздельны. Он, Берия, хотел захватить власть во имя ликвидации диктатуры пролетариата, во имя восстановления капитализма в нашей стране. У него была безусловно своя система, своя контрреволюционная линия.

Л. М. Каганович

Л. М. Каганович

Л. М. Каганович

В другом фрагменте Каганович снова защищает Сталина от Берии. Он говорит:

« Он оскорблял, изображал Сталина самыми неприятными, оскорбительными словами. И все это подносилось под видом того, что нам нужно жить теперь по-новому. Надо сказать, что кое-чего он добился. Сталин постепенно стал сходить со страниц печати. Верно, что был перегиб в смысле культа личности, и товарищ Сталин сам нас упрекал, но это не значит, что мы должны сделать крутой перегиб в другую сторону, в сторону замалчивания таких вождей, как Сталин. »

Л. М. Каганович

26-го июня 1953 года вместо Первого главного управления при Совете Министров СССР было создано Министерство среднего машиностроения.

Новый министром был назначен В. А. Малышев. До пленума он был министром тяжелого машиностроения, в войну — министром танковой промышленности. Он был членом ЦК КПСС и участвовал в работе пленума. Сталкивался по работе с Берией. Приведем выступление Малышева целиком, поскольку оно характеризует стиль работы Берии и его отношение как к подчиненным, так и соратникам по Президиуму ЦК КПСС. В своем выступлении Малышев сказал:

« Товарищи, то, что мы вчера слышали от товарища Маленкова, от товарища Хрущёва, от товарища Молотова, сегодня от товарища Булганина, от товарища Кагановича, показывает нам, какой враг в лице Берии пробрался к руководству партии и правительства. Их выступления открыли нам глаза на многие поступки, на поведение Берии, которое мы многие видели на протяжении долгого времени. Вот я как министр, например, работал под руководством нескольких товарищей — и у товарища Молотова, и у товарища Кагановича, и у Берии.

Я должен сказать, что каждый раз, когда идешь докладывать по какому-нибудь вопросу товарищам, то с разным чувством идешь. С одним чувством идешь к товарищу Молотову, про которого мы знаем, что он строгий руководитель, требовательный, но

всегда, когда идешь к нему, знаешь, что никогда не будет поспешных решений, авантюристических решений, никогда ты, если ты не сделал крупную и серьезную ошибку, не будешь находиться под ударом из-за какого-то настроения.

Вот товарищ Каганович — вспыльчивый иногда человек, но мы знаем, что он и отходчивый. Он вспылит, но быстро и отойдет и примет правильное решение. Иное дело — Берия. Мы, министры, знали, что идешь в кабинет министром, а кем выйдешь обратно — не знаешь, может быть, министром, а может быть, в тюрьму попадешь. Метод был такой: „стукнет по голове“, выйдешь и качаешься. Коротко говоря, стиль руководства Берии — диктаторский, грубый, непартийный.

Кстати, о партийности. Я работал под руководством Берии во время войны, руководил танковыми делами и после войны год или полтора по Трансмашу и убедился, что не было у него партийности никогда. Он как-то настраивал или толкал не прямо, а косвенно, что партийная организация должна только услуги оказывать, с его стороны были только приказы, команды секретарям областных комитетов партии. Многие секретари могут сказать, что было только понукание — ты то-то сделай, другое сделай.

Не было такого положения, чтобы он нас учил партийности, чтобы у областной партийной организации попросил бы помощи организовать партийную работу и так далее. Он считал секретарей областных комитетов партии диспетчерами. За какое дело Берия возьмется, по такому делу секретарь обкома должен быть диспетчером. Нас, конечно, это угнетало. Мы думали, что здесь что-то не то, но прощали, думали, большое дело делает человек, горячится, наверное, так делать нужно. На самом деле теперь это видно, что это не случайно, что это был непартийный стиль работы. Не случайные ошибки были у Берии. Я должен сказать, что, конечно, мы и с его авторитетом считались, мы считали зачастую его непогрешимым, а иногда и просто побаивались, несмотря на положение свое как членов ЦК, боялись его, чего там греха таить.

Многие из нас видели, как Берия буквально с каждым днем, особенно после смерти товарища Сталина, все больше и больше наггел и распоясывался. Он безжалостно давил своим высоким положением на людей. Берия безапелляционно командовал, диктовал, он оскорблял, запугивал людей, в том числе министров и членов ЦК. На каждом шагу он подчеркивал свою власть и показывал, что то, что он делает, все это делается от имени партии, от имени правительства, и если сегодня формально решения нет, то он все равно его проведет. Очевидно, не только у меня было такое мнение, а у многих.

Сейчас же стали известны факты, что он обманывал Центральный Комитет, что за спиной ЦК и правительства, пользуясь своим положением председателя Спецкомитета, единолично проводил и подписывал важнейшие государственные решения, решения большой государственной важности. Товарищ Маленков говорил уже, что он подписал очень важное решение об экспериментах с водородной бомбой. Мы начали копать архивы и обнаружили, что он подписал целый ряд крупных решений без ведома ЦК и правительства, например о плане работ на 1953 год по очень важному конструкторскому бюро, работающему над конструкцией атомных бомб. Разве партия и правительство не должны знать, в каком направлении мы будем развивать атомную проблему? Он скрыл и единолично подписал целый ряд других решений, которые будут стоить многих и многих сотен миллионов рублей, решений по специальным вопросам. Он их скрыл от правительства, единолично подписал, пользуясь своим положением председателя Спецкомитета.

Я еще хочу сказать по одному вопросу. Особенно после смерти товарища Сталина, да и при жизни товарища Сталина, как-то нам тяжело было ходить иногда на заседания Президиума Совета Министров, особенно когда председательствовал Берия. Нам было больно, я прямо скажу, зачастую было обидно и больно видеть, как Берия грубо обрывал, третировал не только нас, министров, — мы уже с этим делом смирились, — а руководящих

деятелей нашей партии и правительства. Было просто обидно, например, за товарища Ворошилова. Мы с комсомольского возраста привыкли, что Климент Ефремович Ворошилов — это есть Ворошилов. Правильно я говорю?

Одно слово — Ворошилов — для нас многое говорило, а Берия на заседаниях грубо обрывает Ворошилова, третировал. Климент Ефремович в последнее время руководил культурой, добровольными оборонными обществами. Я помню, как Климент Ефремович докладывал по уставу объединенного добровольного общества. Берия грубо обрывал, оскорблял его. Сидишь на заседании, и на сердце у тебя скребет и сжимает от обиды и горести. Какое право имел Берия обрывать и третировать человека, которого у нас в стране уважают все, начиная от малых детей и кончая стариками.

Берия и товарища Шверника разыгрывал. Здесь говорили уже об этом. Пренебрежительное к Швернику относился, одергивал его грубо. Над Андреем Андреевичем Андреевым насмехался. Андрей Андреевич болел, все мы видели, что человек не может работать, а со стороны Берии насмешки над болезнью, заявления с усмешкой:

— Он там, на квартире, болеет.

Такое пренебрежительное отношение к уважаемым нами всеми товарищам нас корбило. Мы не привыкли, чтобы к старым руководящим товарищам было такое отношение.

Молодых я не считаю. Мы привыкли к его „стуканию по голове“. Надо прямо сказать, и побаивались его, авторитет большой у него был. Думали, что большому человеку простительно допускать грубости, мы терпели его выходки ради нашего партийного, государственного дела. Мы видим, как в последнее время от руководства нашей партией и правительством были оттерты испытанные товарищи, которых знает вся страна, весь народ, — это тт. Молотов, Ворошилов, Микоян. Это же факт. Нам было за это очень обидно.

Товарища Молотова все мы знаем еще с комсомольского возраста. Это испытанные, проверенные товарищи, и вдруг почему-то оказалось, что они не нужны в руководстве партии. Было непонятно. Теперь все стало понятно. Берия расчищал себе дорогу к власти. Сначала Ворошилова под видом старости оттерли, затем Молотова, навязав ему какие-то надуманные ошибки, якобы он чуть ли не с американцами и англичанами целуется на каждом перекрестке. Ясно, что товарищ Сталин говорил это не со своих слов, ему Берия преподнес эти материалы. Берия оттирал одного за другим испытанных и проверенных партийных товарищей, разваливал коллективность в работе руководящего ядра нашей партии, с тем чтобы ему легче было пробраться к власти. У нас душа болела, а мозговать не очень-то могли. Сразу не могли все сообразить. Берия добивался диктаторского положения, руководящего положения в партии и стране, прямо лез в премьер-министры, невзирая ни на что.

Такой человек в руководстве нашей партии, в руководстве нашего государства представлял смертельную опасность для нашей партии и государства. Мы, члены Центрального Комитета, видим, что Президиум ЦК нашей партии оказался на высоте положения, проявил ленинско-сталинскую прозорливость и своевременно раскусил этого авантюриста, провокатора и врага и принял мужественное, именно мужественное и мудрое, глубоко партийное решение, обезвредив Берию и предотвратив партию и страну от больших бед. Мы полностью одобряем принятое ЦК партии решение. Мы как никогда верим своему Президиуму ЦК, ленинско-сталинскому Президиуму ЦК, под руководством которого мы и будем работать.

В. А. Малышев

После Малышева слово было предоставлено Анастасу Ивановичу Микояну. Микоян знал Берию с 1920 года, но в своем выступлении на пленуме он не стал подтверждать, что Берия ра-

ботал в мусаватистской разведке по заданию партии. Он сказал следующее:

« Я раньше допускал возможность что, может быть, Берия в качестве рядового работника среди других и был послан. Но теперь, перебрав в памяти факты, я сильно в этом сомневаюсь. Да и случайно ли что, получив такой удар на пленуме ЦК, как обвинение в том, что он работал в буржуазной контрразведке, но не был послан партией, не счел нужным найти подтверждение хотя бы у одного из бакинских работников, которые тогда все были живы, для того, чтобы снять с себя такое пятно.

При этом он был щепетил в отношении своей собственной личности в таких вопросах. В другом случае он никогда бы не пропустил возможности опровергнуть любой упрек в его адрес. Раз он этого не сделал, значит, он не был послан организацией. Поэтому товарищ Хрущёв совершенно прав, когда заявил:

— Был или не был послан партийной организацией, это не увеличивает доверия, когда он раскрыт в наших глазах.

Действительно возникает вопрос: не была ли его работа в контрразведке ширмой для выполнения поручений не от коммунистов, а от других хозяев?

Удивительно, конечно, читать подобное разбирательство «шпионских дел» тридцатичетырехлетней давности бывшего заместителя Председателя Совета Министров, под руководством которого недавно создано атомное оружие.

Анастас Иванович Микоян в своем выступлении на пленуме также сообщил, что Сталин в последние годы жизни не доверял Берии:

« Надо сказать, что товарищ Сталин в последнее время не доверял Берии. Берия вынужден был признать на последнем для него заседании Президиума ЦК, что товарищ Сталин ему не доверял, что мингрельское дело создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берию, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел.

А. И. Микоян

Во время войны товарищ Сталин разделил МВД и Госбезопасность. Мне кажется, что это также было сделано из некоторого недоверия к нему, иначе не было смысла делить министерство. Это надо было сделать, чтобы лишить его прав министра. Тогда назначили его в Совет Министров и ГКО. Это тоже было одним из признаков проявления недоверия. Но, несмотря на все это, товарищ Сталин оказывал ему очень большое доверие.

А. И. Микоян

Микоян в своем выступлении детально остановился на проблемах сельского хозяйства, и из его выступления можно узнать, что Берия критически относился ко многим предложениям Президиума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Это тоже вызывало недовольство многих членов правительства. Вероятно, Берия понимал слабость принимаемых решений и относился критически к ним. Понимал, что принять решение и наметить план — это еще не значит его выполнить. Это раздражало остальных членов Президиума.

Приведем целиком выступление на пленуме А. П. Завенягина, который в течение многих лет работал с Берией. Будучи заместителем наркома внутренних дел с 1941 по 1951 год, Завенягин одновременно с 1946 года был заместителем Председателя Спецкомитета при Совете Министров СССР.

Известно, что Завенягин был близок к Хрущёву, с которым был знаком с начала 1920-х годов, они вместе начинали заниматься партийной работой в Юзовке.

С 28-го февраля 1955 года по 31 декабря 1957 года А. П. Завенягин был министром среднего машиностроения и заместителем Председателя Совета Министров.

В своем выступлении на пленуме Завенягин сказал:

« Товарищи, вчера товарищ Маленков говорил в своем докладе о практике Берии игнорировать Центральный Комитет и правительство в важнейших вопросах, в том числе в вопросе относительно использования атомной энергии. Товарищ Маленков сказал, что решение по испытанию водородной бомбы не было

доложено правительству, не было доложено Центральному Комитету и принято Берией единолично. Я был свидетелем этой истории.

Мы подготовили проект решения правительства. Некоторое время он полежал у Берии, затем он взял его с собой почитать. У нас была мысль, что, может быть, он хочет поговорить с товарищем Маленковым. Недели через две он приглашает нас и начинает смотреть документ. Прочитал его, внес ряд поправок. Доходит до конца. Подпись — Председатель Совета Министров Г. Маленков. Зачеркивает ее. Говорит — это не требуется. И ставит свою подпись.

Что такое, товарищи, водородная бомба? Это сейчас важнейший вопрос не только техники, не только вопрос работы бывшего Первого Главного управления (теперь нового Министерства среднего машиностроения), это вопрос мирового значения. В свое время американцы создали атомную бомбу, взорвали ее. Через некоторое время при помощи наших ученых, нашей промышленности, под руководством нашего правительства мы ликвидировали эту монополию атомной бомбы США. Американцы увидели, что преимущества потеряны, и по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе.

Наш народ и наша страна не лыком шиты, мы тоже взяли за это дело, и насколько можем судить, мы думаем, что не отстали от американцев. Водородная бомба в десятки раз сильнее обычной атомной бомбы, и взрыв ее будет означать ликвидацию готовящейся второй монополии американцев, то есть будет важнейшим событием в мировой политике. И подлец Берия позволил себе такой вопрос решать помимо Центрального Комитета.

Я довольно долго работал с Берией и имел возможность наблюдать этого человека. С самого начала бросалось в глаза главное качество Берия — это презрение к людям. Он презирал весь советский народ, презирал партию, презирал руководителей партии. И в этом презрении оказался слепцом. Он считал членов Президиума ЦК за простаков, которых он может в любой момент

взять в кулак и изолировать. А оказался сам простаком, слепым бараном. Наш ЦК проявил прозорливость и этого подлеца, авантюриста вовремя изолировал.

Тут много говорилось относительно отрицательных качеств Берии, я не буду этого повторять: о его высокомерии, бесцеремонности, оскорбительной грубости в отношении работников. Часто поражал негосударственный подход Берии ко многим вопросам. Если вопрос связан с его личным авторитетом, с его личным реноме, он к нему проявлял интерес. Если лично к нему вопрос не имел отношения, он проваливал его. Можно привести много примеров.

После войны товарищ Микоян поставил вопрос относительно восстановления „Североникеля“ — крупнейшего предприятия на Кольском полуострове, которое дает никель нашей стране. Его строило и эксплуатировало МВД. Прогнали немцев, казалось бы, что МВД и должно было его восстановить, так как имело мощные строительные организации. Т. Сталин, видимо, не поручил этого Берии, и последний решительно отказал товарищу Микояну в этом деле.

Помню, товарищ Косыгин много раз ставил вопрос:

— Дайте нам т. Орлова для представления на должность Наркома бумажной промышленности.

Т. Орлов был в то время начальником главка в МВД, это очень крупный инженер и специалист в области бумажной промышленности. А в бумажной промышленности дело не шло. И, конечно, можно было начальника главка отпустить для назначения на должность наркома. Берия отвечает:

— Никоим образом, нам самим нужны люди.

Когда затем бумажную промышленность поручили Берии, то т. Орлов сейчас же был освобожден от работы в МВД и назначен наркомом целлюлозной и бумажной промышленности.

В отношении к людям у Берии не было ничего партийного, ничего святого. Каждый, кому приходилось иметь с ним дело,

всегда мог нарваться на грубость и оскорбление, ни о ком никогда он не отзывался с уважением. Не раз приходил на память знаменитый гоголевский Собакевич, у которого во всем городе не оказалось ни одного порядочного человека, был один порядочный человек — прокурор, да и тот свинья.

Очень отрицательным качеством Берии было подавление инициативы у подчиненных работников. Если вы выступаете с каким-нибудь инициативным предложением, вас сразу оборвут, посадят на место. Любимое выражение Берия было:

— Вот изобретатель нашелся!

Чтобы какое-либо наше предложение получило поддержку, надо было поставить вопрос так, что оно вносится по поручению Берии. От подавления инициативы, естественно, серьезно страдали интересы государства.

Мне кажется, в оценке Берии как работника имеется преувеличение его некоторых положительных качеств. Всем известно, что он человек бесцеремонный, нажимистый, он не считался ни с кем и мог продвинуть дело. Это качество у него было. Но с точки зрения того, чтобы понять вопрос, серьезно вникнуть в суть дела, — я бы сказал, что Берия был туповат.

Без лести членам Президиума ЦК могу сказать: любой член Президиума ЦК гораздо быстрее и глубже может разобраться в любом вопросе, чем Берия. Когда мы пытались глубже осветить какой-либо вопрос, он обычно говорил — не читайте лекции, вы не изобретатели, вы организаторы. Как можно организовать работу, не разобравшись в сути дела?

Берия слыл организатором, а в действительности он был отчаянным бюрократом. Он отгораживался от людей, бывало, неделями, месяцами не принимал работников, ему непосредственно подчиненных. Вопросы рассматривались и решались в канцелярском порядке. У Берии были очень большие секретариаты, документы гуляли от одного референта к другому. Референты сочиняли для него резолюции, которые часто носили абсурдный характер, решение вопросов затягивалось неделями и месяцами.

Например, подготовленные по указанию т. Сталина наши предложения об использовании атомной энергии для мирных целей не рассмотрены до сих пор в течение многих месяцев: не рассмотрены вопросы использования атомной энергии в авиации, в морском флоте.

Важнейшие дела не получали движения из-за бюрократической практики в работе Берии. Переписка между секретариатами Берии и Первым Главным управлением приобрела чудовищные размеры. Все основные работники главка занимались тем, что писали записки и проекты постановления, переделывали их, нагромождали вороха бумаги, и часто совершенно не оставалось времени для оперативной работы по руководству научно-исследовательскими учреждениями и предприятиями. И это называется организатор?! Очень опасный и вредный человек.

У Берии была огромная самонадеянность, он считал, что все знает, что все вовремя подметит, вовремя вопрос поставит, вовремя проведет решение. В действительности, из-за этой самонадеянности вовремя поставленные вопросы не решались. Вот мы с т. Ванниковым поставили два года тому назад вопрос относительно применения атомной энергии в морском флоте. Он не решен до сих пор, и мы теряем драгоценное время.

После смерти товарища Сталина Берия особенно заметно стал демагогически вести игру в экономию. Деньги действительно нужно экономить, они нужны для развития промышленности, подъема культуры, сельского хозяйства. Но в области использования атомной энергии есть вопросы, в которых мы не могли себе позволить чрезмерной экономии. Нам нужно серьезно развивать наши мощности в области атомной энергии. Американцы строят новые большие заводы по производству взрывчатых атомных веществ. Тратят на это дело огромные средства. Когда мы ставили вопрос о новом строительстве. Берия нам говорил:

— К черту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку.

Когда пятилетка составлялась, более или менее полно мы могли определить объемы работы только на ближайшие три года, на последующий период данных для этого не было, начатые стройки в основном заканчивались в первые три года, на четвертый год оставались переходящие работы, и в 4-м и 5-м годах пятилетки нужно было начинать новые стройки. По наметкам пятилетки в четвертом году объем работ по сравнению с третьим годом сокращался вдвое, а в пятом вдвое против четвертого. Мы не могли с этим мириться, государство не может мириться. Берия же повторял нам:

— К черту, укладывайтесь в утвержденные цифры.

— Это дело контролировать придется, потому что там деньги расходовали без должного контроля, — бросил реплику Маленков.

— Контроль нужен безусловно, — ответил Завенягин.

— Строили не города, а курорты, — добавил Каганович.

— То, что строили курорты, — не могу сказать, а города строили хорошие, — сказал Завенягин и продолжал:

— Спрашивается, где были мы, работавшие с Берией, что видели, что делали? Я здесь честно, товарищи, должен сказать, что меня Берия не очаровал, когда мне пришлось с ним работать. Меня поразили его антипартийные качества, грубость, бесцеремонность, неуважение к людям. Человек, который не уважает других людей, сам недостоин уважения и доверия партии.

Я временами с большой тревогой думал, что вот помрет товарищ Сталин, будет новое руководство партии, Берия будет пробиваться к руководству. Какую это опасность будет представлять! Видимо, многие товарищи это понимали.

Что приходилось делать? Бывало, что огрызались. Один пример, может быть, товарищ Маленков помнит. Была получена телеграмма из Чехословакии, в которой сообщалось, что программа по добыче урана, которую намечал главк, потребует больших средств. Были приведены явно неправильные астрономические цифры. Прочитав телеграмму. Берия стал возмущаться, ругаться. Мне стало невтерпёж, и я ответил — довольно дурачить

людей, мы выполняем решение правительства, которым нам поручено согласовывать с чехами программу добычи. Завышенные дурацкие цифры, которые называются, неправильны, мы их поправим. Снова ругань:

— Вот герой.

Отвечаю:

— Не герой и не дурак, нечего людей дурачить.

— Идите вон.

Пришлось пойти вон. Потом Берия отмяк и пытался смягчить конфликт. Бывали с нашей стороны попытки убедить Берию. Например, при реорганизации Министерства геологии возник вопрос относительно разведок по урану. Надо сказать, что наше государство неплохо обеспечено урановым сырьем. Мы думаем, что обеспечено лучше, чем все наши возможные противники. Однако значительная доля этого сырья добывается за границей. Важно вести форсированную разведку отечественной сырьевой базы. Мы считали, что в Первом Главном управлении это будет обеспечено лучше. Берия решил:

— Нет, вам не надо заниматься разведками урана, пусть т. Тевосян занимается этим.

Т. Тевосян сам считал, что не следовало разведки урана передавать Министерству металлургической промышленности. Естественно — у него цветная металлургия, черная металлургия. Зачем ему поручать еще разведку уранового сырья? Я пытался убедить Берию, говорил ему, что, поскольку нам поручено все дело использования атомной энергии, мы будем лучше заниматься разведками урана, поскольку непосредственно заинтересованы в них и несем ответственность за создание отечественной сырьевой базы. Берия в грубой форме отклонил мои настояния, заявил, что найдет других руководителей в Первый главк, и прибавил к этому ряд оскорбительных замечаний.

Конечно, думать, что отдельный работник мог бы вести борьбу с Берией, нельзя, он скатился бы на неправильные позиции.

Мы могли только рассчитывать, что руководство партии раскусит этого человека и даст ему правильную оценку. И наш Центральный Комитет выдержал этот исторический экзамен. Я хотел бы коснуться нескольких вопросов, которые не относятся к работе первого Главка. Вот вопрос относительно Западной Украины и Литвы. Когда члены Центрального Комитета получали протоколы Президиума ЦК, они задумывались над предложениями Берии и решениями ЦК. И у меня была мысль, что неправильно оставлять на Западной Украине, в Литве только национальные кадры, а всех русских работников убрать, что это приведет только к расколу в нашем многонациональном государстве. Это всем сейчас ясно.

В записках Берии утверждалось, что неблагополучие в Западной Украине, в Литве имело место из-за искривлений в национальном вопросе. Нам казалось, что дело не только в этом. Все помнят, какое огромное бандитское движение было на Украине в 20-х годах. Не по линии исправления национальной политики был тогда решен вопрос, и было покончено с бандитским движением. Западная Украина была в составе Австрии, под Францем-Иосифом, Литва, Латвия были под владычеством русских помещиков и генералов. Однако повстанческого движения не было. Есть какие-то и другие причины неблагополучия на Западной Украине, в Литве — хозяйственные вопросы, административные, которые были обойдены в предложениях Берии, не подняты, не вскрыты.

Относительно Германской Демократической Республики. Рядовым членам партии, рядовым работникам было непонятно, как можно пойти на объединение Западной Германии с Восточной Германией. Это означало отдать 18 миллионов населения и Германскую Демократическую Республику в лапы буржуазных заправил. Это совершенно очевидно. Нельзя было вопрос о Германии решать таким путем. Кроме того, есть еще и специальные соображения, которых нельзя не учитывать. В ГДР добывается много урана, может быть, не меньше, чем имеют в своем распоря-

жении американцы. Это обстоятельство было известно Берии, и он должен был сказать об этом Центральному Комитету, чтобы эти соображения учесть.

Товарищи, с изъятием Берии из состава Президиума ЦК и руководства нашей партии Центральный Комитет партии, Президиум, не опасаясь интриганов, не опасаясь внесения розни в ряды ЦК, в руководство партии, спокойно сможет обсуждать все вопросы управления государством, спокойно обсуждать все недостатки, которые были в нашей работе, и уверенно их устранять.

Нет сомнения в том, что Центральный Комитет нашей партии, Президиум ЦК, освободившись от этого прохвоста, поведут нашу партию и государство вперед к новым успехам.

Многие оценки Берии на Пленуме ЦК КПСС были явно вымышленными. Даже А. П. Завенягин в своем выступлении говорит, что Берия был туповат, презрительно относился к людям, имел негосударственный подход и если лично к Берии «вопрос не имел отношения, он проваливал его». Ну как можно провалить вопрос, если к нему не имеешь отношения?

Любопытные претензии к Берии высказал в своем выступлении член ЦК КПСС Андрей Андреев:

« Он имел разработанный план ликвидации советского строя. После смерти товарища Сталина видно, что он начал форсировать свой приход к власти, как правильно сказал товарищ Ворошилов, и еще больше обнаглел. То, что он не решался сделать при жизни товарища Сталина, он начал проводить после его смерти, начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина. На самом деле появление чекистских материалов в протоколах Президиума по врачам, где на имя товарища Сталина бросается тень, — ведь это же его дело. Он делал это сознательно, чтобы имя товарища Сталина похоронить. Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине. Это же позор для партии, раньше чересчур усердствовали, в каждой статье сотни раз повторялось

это имя, а потом вдруг исчезло. Что это такое? Я считаю, что это его рука, его влияние. Появился откуда-то вопрос о культе личности. Что это за вопрос? Этот вопрос решен давным-давно в марксистской литературе, а тут откуда-то появился. Это его проделки. Я считаю, что не без его влияния было принято такое решение о том, чтобы демонстрацию проводить без портретов, не вывешивать портретов. Почему? На каком основании? Народ должен знать своих вождей по портретам, по выступлениям.

А. А. Андреев

При анализе выступлений на пленуме, возникает вопрос: насколько обоснованы их претензии к Берии? Если не принимать во внимание грубые эпитеты Хрущёва (интриган, карьерист, провокатор, авантюрист, двойник, шпион, мерзавец), Кагановича (нахал, наглец, провокатор, авантюрист, контрреволюционер, карьерист), Молотова (хищник, чужой человек, интриган), да и других выступавших, то следует признать, что с точки зрения ортодоксальных коммунистов того времени, большинство претензий к Берии, вполне обоснованы.

Другое дело — уже на пленуме у Хрущёва, у Молотова, да и у некоторых других выступавших прозвучали пока еще недостаточно сформулированные и недостаточно четкие указания на Берию как главного вредителя и главного врага послевоенного времени, на которого можно списать все недостатки и невзгоды социализма.

Имея огромную информацию из разных источников, Берия лучше всех в правительстве того времени понимал плачевное состояние послевоенной экономики Советского Союза и пытался найти пути выхода из создавшегося тупика, но партийные руководители того времени не знали истинного состояния дел и не понимали накопившихся проблем. Поэтому и восприняли попытку реформ Берии, как некоторую опасный поворот к капитализму. У многих людей и сейчас возникает вопрос: зачем нужно было устраивать столь масштабные репрессии в стране? Почему была проявлена такая жестокость по отношению к собственному народу? Вероятно ответ на эти вопросы возможен такой: иначе

Сталин и его соратники не смогли бы удержаться у власти столь продолжительное время и не смогли бы сделать столь масштабные преобразования в стране. Нужны были кнут и пряник, но пряника не было. Пряник был только у Лаврентия Берии в атомном проекте, да и то не для всех, а только для избранных.

По результатам своей работы 7 июля 1953 года Пленум ЦК КПСС принял постановление «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Постановление занимало около десяти страниц и начиналось с фразы:

«Заслушав и обсудив доклад т.Маленкова Г.М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии, Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза устанавливает...». Далее перечислялось шесть пунктов постановления, и только в последнем из них шла речь о Лаврентии Берии. В этом пункте говорилось:

« В этой связи Пленум ЦК считает необходимым обратить внимание партии на дело Берии, разоблаченного Президиумом ЦК как агента международного империализма. Как теперь видно, Берия, ловко маскируясь, различными карьеристскими махинациями, втерся в доверие к И. В. Сталину.

Преступная антипартийная и антигосударственная деятельность Берии, глубоко скрытая и замаскированная при жизни И. В. Сталина, после его кончины, когда враги Советского государства активизировали свою подрывную антисоветскую деятельность, начала раскрываться шаг за шагом. Обнаглев и распоясавшись, Берия в последнее время стал раскрывать свое подлинное лицо врага партии и советского народа. В чем состояли преступные действия и вероломные замыслы Берии?

После смерти И. В. Сталина главной заботой Центрального Комитета и его Президиума была задача обеспечить единство в руководстве партии и правительства на основе марксистско-ленинских принципов для успешного решения коренных задач строительства коммунистического общества. Коварными интриганскими действиями Берия пытался разобщить и расколоть

ленинско-сталинское руководящее ядро нашей партии, дискредитировать руководящих деятелей партии и правительства каждого по отдельности, чтобы повысить свой собственный „авторитет“ и осуществить свои преступные антисоветские замыслы.

Добившись поста министра внутренних дел СССР, Берия пытался использовать аппарат Министерства внутренних дел для того, чтобы развернуть свои преступные махинации по захвату власти. Как подлый провокатор и враг партии он начал с того, что пытался поставить Министерство внутренних дел над партией и правительством, использовать органы МВД в центре и на местах против партии и ее руководства, против правительства СССР. Берия использовал охрану членов Президиума ЦК для шпионажа за руководителями партии и правительства. Им был установлен порядок обязательных докладов его агентов о том, где бывают руководители партии и правительства, с кем они встречаются; были организованы подслушивание и запись их телефонных разговоров и т. д.

Как теперь доказано, Берия восстанавливал работников МВД против партии, требовал от них, чтобы они считали себя независимыми от партии. Тем самым Берия преступно нарушил постановление ЦК КПСС от 4 декабря 1952 года „О положении в МГБ“, принятое при жизни И. В. Сталина и с его участием, в котором указывалось на необходимость „решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства государственной безопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии“. Более того, Берия тайно от ЦК и правительства давал задания местным органам МВД, чтобы они контролировали партийные организации, фабриковали лживые материалы на партийных работников, а также на партийные и советские организации. Тех же честных коммунистов, работников МВД, которые считали неправильными эти антипартийные установки, Берия подвергал репрессиям. Так, например, начальника Управления МВД Львовской области т. Строкача только за то, что тот сообщил секретарю Львовского

обкома партии о полученной им установке собирать, выискивать отрицательные данные о работе партийных организаций и о партийных кадрах, Берия в июне 1953 г. снял с работы, угрожал арестовать его, сослать в лагерь и „превратить в лагерную пыль“.

Преступно попирая требования Устава партии о подборе кадров по их политическим и деловым качествам, Берия выдвигал работников в Министерстве внутренних дел по признаку личной преданности ему, подбирал чуждых партии и подозрительных людей, в то же время изгонял из органов МВД работников, ранее направленных Центральным Комитетом и местными партийными организациями.

Как установлено фактами, Берия еще при жизни И. В. Сталина и, в особенности, после его кончины, под разными вымышленными предлогами всячески тормозил решение важнейших неотложных вопросов по укреплению и развитию сельского хозяйства. Теперь несомненно, что этот подлый враг народа ставил своей целью подрыв колхозов и создание трудностей в продовольственном снабжении страны. Берия стремился различными коварными приемами подорвать дружбу народов СССР — основу основ многонационального социалистического государства и главное условие всех успехов братских советских республик.

Под фальшивым предлогом борьбы с нарушениями национальной политики партии он пытался посеять рознь и вражду между народами СССР, активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках.

Вражеское политическое лицо Берии особенно наглядно выявилося при обсуждении германского вопроса в конце мая 1953 года. Предложения Берии по этому вопросу сводились к тому, чтобы отказаться от курса на строительство социализма в Германской Демократической Республике и взять курс на превращение ГДР в буржуазное государство, что означало бы прямую капитуляцию перед империалистическими силами. Вместе с тем в последнее время Берия настолько распоясался, что под флагом борьбы с недостатками и с перегибами в колхозном стро-

ительстве в странах народной демократии и в ГДР у него стали открыто прорываться антиколхозные взгляды, вплоть до предложения о роспуске колхозов в этих странах. В свете разоблаченных преступлений Берии становится ясным, что он скатывался на враждебные позиции и в отношении колхозного строя СССР.

В самые последние дни обнаружились преступные замыслы Берии установить через свою агентуру личную связь с Тито и Ранковичем в Югославии. Как выяснилось, Берия еще в 1919 году, в период английской оккупации Баку, служил в Азербайджане в белогвардейской мусаватистской разведке и скрыл свою предательскую деятельность от партии.

Пленум Центрального Комитета КПСС считает установленным, что Берия потерял облик коммуниста, превратившись в буржуазного перерожденца, и на деле стал агентом международного империализма, вынашивал планы захвата руководства партией и государством, в целях фактического разрушения нашей Коммунистической партии и замены политики, выработанной партией за многие годы, капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счете к реставрации капитализма.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

а) Полностью одобрить своевременные и решительные меры, принятые Президиумом Центрального Комитета КПСС для ликвидации преступных антипартийных и антигосударственных действий Берия, как единственно правильные.

б) За предательские действия, направленные на подрыв Советского государства, исключить Л. П. Берия как врага партии и советского народа из членов Коммунистической партии Советского Союза и предать суду.

Далее следуют стандартные для того времени формулировки: партия собирается извлечь политические уроки и принять необходимые меры для исправления недостатков. Ознакомившись с постановлением пленума, я выписал из него ключевые слова: «укрепить; устранить; обеспечить коллективность руководства;

проверять работу; исправить; взять под контроль; всемерно повышать; соблюдать партийные принципы; непобедимость партии в ее неразрывной связи с народом; проявлять заботу; должна мобилизовать и организовать; должна воспитывать; будет и впредь укреплять; уверенно и твердо идти».

Впрочем, постановление все же лучше прочитать целиком. Оно представлено в приложении 1. Прочитав его, у меня возникло чувство разочарования.

Это постановление было написано, когда я еще не ходил в школу. Потом я учился, окончил школу. Учился в институте. Служил в армии. Работал. Снова учился в институте. Окончил его, защитил диплом. Работал. Учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию. Работал. Защитил докторскую диссертацию. Но, вспоминая партийные документы 80-х годов прошлого века, которые мне доводилось читать, кажется, что читал я те же самые слова. Создается впечатление, что за тридцать лет в Коммунистической партии Советского Союза не изменилось ничего. Те же слова и те же задачи.

«Даже самого непереносимого человека
лучше убивать в переносном смысле».

*Владимир Бурашевич,
«Афоризмы»*

Глава 7. Следствие по делу Лаврентия Берии и его казнь

В настоящее время существуют несколько версий убийства Лаврентия Берии. Первая версия, официальная: Берия был арестован военными под руководством Г. К. Жукова на заседании Президиума ЦК партии 26-го июня 1953 года.

Эта версия появилась с подачи Хрущёва. Сам Никита Сергеевич неоднократно рассказывал этот яркий эпизод своей политической жизни, с разными вариациями. В основном в его рассказах фигурировал следующий сценарий: Берия арестован на заседании Президиума Центрального Комитета партии военными (среди которых были маршал Г. К. Жуков и несколько генералов), помещен в бункер Московского военного гарнизона, судим специальным судом и расстрелян 23-го декабря 1953 года.

Нестыковок и несогласованностей у этой версии много, и они неоднократно обсуждались в литературе.

В соответствии со второй версией, 26-го июня 1953 года Лаврентий Берия был убит у себя дома. Эта версия представлена в том числе в книге Серго Берии, и имеет некоторые подтверждения.

Генерал-майор в отставке, бывший главный государственный санитарный врач СССР, действительный член (академик) Академии медицинских наук, участник финской и Великой Отечественной войн Пётр Николаевич Бургасов рассказывал следующее:

« С докладом в кабинете у Берии я бывал, как правило, раз в два дня. Так вот, я хочу сказать, что 26-го июня 1953 года никак-

го ареста Берии не было. Не было нескольких месяцев следствия и последующего расстрела. Лаврентия Берия — вице-премьера и министра внутренних дел СССР — убили в тот день без всякого суда и следствия. Знаете, мне уже 92-й год пошел. Из тех людей, кто был свидетелем тех событий, наверное, и нет в живых никого. Я один остался. И хочу, чтобы люди знали правду. Днем 26-го июня 1953 года я находился на рабочем месте в отделе. В 12.30 поднимался из буфета к себе на этаж, и вдруг по лестнице пулей мимо меня, мрачнее тучи проносятся министр боеприпасов СССР Борис Львович Ванников и сын Берии Серго — они меня даже чуть не сбили. Это было невероятно, чтобы Ванников не остановился и бежал по лестнице. Да и сын Берии никогда у нас днем не появлялся. Что-то случилось. Позже Ванников вернулся один, без Серго. Я был с Борисом Львовичем в хороших отношениях, мне хотелось узнать, что произошло, и я зашел к нему в кабинет. А он сидит, опустив голову на стол. Потом поднимает голову и говорит мне:

— Нашего шефа, Лаврентия Павловича Берии, больше нет. Его сегодня расстреляли в собственной московской квартире. Я только что там был.

И рассказывает, что сыну Берии Серго позвонил один из военных, сообщил, что дом его отца окружен солдатами. Ванников и Серго срочно туда поехали. Возле дома Берии стояли военные машины, по территории ходили вооруженные автоматчики. К Ванникову подошел капитан и сказал, что пятнадцать минут назад из дома были вынесены носилки с мертвым телом, закрытым плащ-палаткой. Стекла в кабинете Берии разбиты автоматными очередями. Вот что мне рассказал Ванников. И знаете, в тот день, 26-го июня 1953 года, не было, как писали позже, никаких пленумов и заседаний, где якобы арестовывался Берия. У Спасских ворот, при входе в Кремль, как и в корпусах, где располагались наши комнаты и кабинет Лаврентия Павловича, охрана не менялась. Стояли те же часовые, что и раньше, и мы их хорошо знали.

Елена Прудникова в своей книге «Берия, последний рыцарь Сталина» на основе свидетельств очевидцев и копий ранее секретных документов пыталась доказать, что «личное дело» врага народа Лаврентия Берии было сфальсифицировано. В бункере штаба Московского военного округа, где по официальной версии содержался арестованный Берия, скорее всего, находился его двойник. В качестве доказательств Прудникова приводит целый ряд фактов. Нет сходства подписей на признательных документах с настоящими подписями Берии. Отсутствуют фотографии арестованного в анфас и в профиль, как положено в тюрьме, а есть лишь фото молодого Берии, взятое из домашнего альбома. Нет даже отпечатков пальцев арестованного. Кроме того, Берия содержалась не в системе Министерства внутренних дел, где каждый знал его в лицо, а в штабе Московского военного округа. Наконец, есть свидетельства людей, которые просто не узнавали «человека, похожего на Берия», приговоренного к расстрелу за преступления перед Родиной.

Из воспоминаний П. Н. Бургасова:

« Мне, что называется, повезло. В тот же день, 26-го июня, меня внезапно перевели в другой отдел при Генеральном штабе. Вот это меня спасло. Потому что позже начались доносы, вызовы в органы безопасности. И меня вызывали, но оставили в покое. А всех моих коллег по работе репрессировали. Стали писать о том, что Берия в тюрьме, что идет следствие. И что его расстреляли якобы в декабре 1953 года. Уже с начала перестройки я начал обращаться в средства массовой информации, на телевидение, чтобы рассказать правду, но меня никто не хотел слушать. »

П. Н. Бургасов

Приведем еще одно мнение, высказанное писателем М. П. Калашниковым в его книге «Опыт инновационной опричнины»:

« Всё началось с обсуждения новой книги Арсена Мартиросяна „Сто мифов о Лаврентии Берии“. Один из его выводов: Берия погиб сразу же, в ходе так называемого ареста. А официальная версия о том, что Лаврентий Павлович сначала был арестован 26.06.53, потом полгода содержался в тюрьме, а потом был осуж-

ден и казнен 23 декабря 1953-го — ложь от начала и до конца. Убийцей Л.П. стал его первый заместитель по Министерству госбезопасности СССР Сергей Круглов. Именно Круглов в свое время создал специальную группу, которая ворвалась на охраняемый объект и застрелила Берию.

Операция была организована так: Круглов позвонил Берию, сказав о том, что ему сейчас фельдпочтой в особняк на Качалова доставят секретные документы. В деле, как предполагает А. Мартиросян, принимал участие и полковник Саркисов — начальник охраны Берию. Ибо Саркисов оказался единственным из ближнего окружения Л.П., который не был расстрелян после переворота 1953 года. Вместо курьеров приехали „спецназовцы“ Министерства внутренних дел из Балашихи. Они застрелили и Берию, и троих его телохранителей. После Круглов моментально объявил себя и.о. министра (объединенного ведомства внутренних дел и госбезопасности) и „зачистил“ всех опасных для себя людей Берию. Но не тронул сначала тех, кто сидел на канале связи с Западом: Судоплатова и Эйтингона.

М.П. Калашников

Есть и другие подтверждения этой версии. В 22-м номере газеты «Неделя» за 1997 год опубликовано свидетельство доктора технических наук А. Веденина, который в 1952–1953 годах учился на курсах в Балашихе, где и было сформировано спецподразделение Министерства внутренних дел. Веденин рассказывал:

« К нам стали поступать агентурные материалы на Берию и его ближайшее окружение. Это досье привозил человек Круглова, первого заместителя Берию, которого мы знали под именем Николая Коротко. Было разработано несколько сценариев ликвидации. 26 июня, примерно в 6 утра, нам сообщили, что операция будет проведена сегодня. Вначале предполагалось, что будет использован вариант „Автокатастрофа“, но к 8 часам поступила команда на вариант „Особняк“. К 10 часам на трех „Победах“ мы подъехали к дому Берию на Качалова, 28. Группой руководил Коротко. Круглов позвонил Берию по ВЧ и договорился, что Коротко привезет секретные документы и будет с охраной

из трех человек. На этот час нам уже было известно, что, кроме самого Берии, в особняке было четыре человека. Коротко и трое „сопровождающих“ из нашей группы были беспрепятственно пропущены внутрь здания, остальные заняли оговоренные схемой операции позиции у фасада и во внутреннем дворе. Спустя две-три минуты раздалось несколько выстрелов. Я слышал пять, может быть, шесть. Я находился рядом с окнами кабинета Берии, выходящими во двор. Две пули, пущенные изнутри кабинета, разбили стекла второго окна от угла здания. Через несколько минут Коротко вышел наружу и скомандовал — все в дом. Убитых было трое: два охранника и сам Берия, у нас потерь не было, сказалась подготовка и неожиданность акции. Все документы из дома Берии увез Коротко, а мы вернулись на подмосковную базу. Какова дальнейшая судьба архива Берии, я не знаю, но предполагаю, что все, что произошло в дальнейшем с Кругловым, имеет связь с этими документами.

А. Веденин

В некоторых выступлениях на июльском Пленуме ЦК партии 1953 года также содержались подтверждения того, что Берия был убит.

Особенно показательны оговорки Л. М. Кагановича. Вот некоторые фрагменты его выступления:

Конечно, товарищи, нам могут с законным правом поставить вопрос — хорошо, что вы действовали решительно и покончили с авантюристическими замыслами Берия и с ним лично, а где вы были раньше, почему вы допустили в самое сердце руководства такого человека? Мы выдержали до конца, а потом одним махом прихлопнули этого подлеца навсегда.

Л. М. Каганович

Пленум начал свою работу 2 июля, всего через неделю после «ареста» Берии, но из слов Кагановича недвусмысленно следует, что с Берией и его замыслами покончено. Трудно интерпретировать эти слова иначе, как признание в совершенном убийстве.

Интересно наблюдать, что рядовые участники пленума говорят лишь об аресте Берии. По-видимому, информация была преподнесена им именно в таком ключе, и они приняли ее. А вот

среди членов Президиума Центрального Комитета проскакивали многочисленные фразы об уничтожении Берии. В выступлении Хрущёва есть слова:

« Прощается, он мне руку жмет, только я это слышу, я ему тоже отвечаю „горячим“ пожатием: ну думаю, подлец, последнее пожатие, завтра в два часа мы тебя подождем. Мы тебе не руку пожмем, а хвост подождем.

Интересные фразы встречаются и у Круглова, заместителя Берии, ставшего после него министром внутренних дел:

« Наша партия и наше государство обезвредили опасную гадину, которая могла принести много вреда. Особенно правильность этого решения ясна тем, кто имел хоть небольшое общение по службе с этим прохвостом.

Из выступления К. Е. Ворошилова:

« Вовремя мы его убрали. Не думайте, что он один исчез. А представьте себе, что в одно время могла бы исчезнуть головка правительства. Мы в такой международной обстановке живя, которая сейчас нас окружает, имея камуфлет, были бы в тяжелом положении. Поэтому сейчас этого господина убрали вовремя.

Один из членов ЦК партии, бывший при Сталине членом Политбюро, А. А. Андреев в своем выступлении говорит:

« Это был умный, очень ловкий враг, иначе он давно бы был разоблачен, а он продержался смотрите сколько времени. И затем видно, что это матерый политический враг международного масштаба, агент империалистов. Я думаю, что в этом сомневаться не приходится, он был не одиночка.

Особенно любопытно, что, по словам Андреева, Серго Оржоникидзе стал «жертвой интриг Берии» и поэтому застрелился. Между Сталиным и Молотовым была большая дружба, но «появился Берия в Москве — и все коренным образом изменилось, отношения у товарища Сталина с товарищем Молотовым совершенно испортились».

Андреев считал, что «Каганович многое сделал для успешной работы транспорта. Всем известно также, как Берия добивался

Н. С. Хрущёв

»

С. Н. Круглов

»

К. Е. Ворошилов

»

А. А. Андреев

»

шефства над транспортом, как товарищ Каганович был освобожден от транспорта и вместо него посажен Хрулёв, который ничего не понимает в вопросах транспорта».

Испортились отношения Сталина с Ворошиловым, и опять виноват Берия, поскольку «все знают, что такое Ворошилов, каков его удельный вес в нашей партии, и все знают о тесной дружбе товарища Сталина с Ворошиловым». С появлением Берии «положение совершенно меняется, дружба нарушена, товарищ Ворошилов затерт, фактически некоторое время без работы».

Со слов А. А. Андреева, Берия виноват решительно во всем:

« Я хочу этим сказать, товарищи, что он добивался всячески, чтобы все члены Политбюро были отмечены, чтобы были с пятнами, а он чист. И на самом деле, смотрите, к нему ничего не предъявишь — чист. Это был тонкий расчет. Я считаю, что это надо рассматривать как новый метод работы врагов.

А. А. Андреев

Насколько это соотносится с тем, что Берия вел большую и важную работу? Андреев сообщает:

« Конечно, товарищи, люди будут спрашивать, как это увязывается, у всех было представление, что Берия вел большую работу, а оказался таким мерзавцем. Но дело в том, что враг, чтобы не разоблачить себя, вынужден вести у нас полезную работу, что его заставляли вести полезную работу, использовали, а иначе он провалится в три счета, и особенно в наших советских условиях, где тысячи, миллионы глаз следят за отдельным человеком.

А. А. Андреев

Удивительная логика была у секретарей ЦК партии в Советском Союзе! Конечно, Берия был карьерист, и, конечно, он был интриган, жестокий человек и прагматичный политик. Но могли ли быть другие помощники у Сталина, работавшие с вождем около тридцати лет и прошедшие чистку тридцатых годов?

10-го июля 1953 года газеты Советского Союза опубликовали сообщение:

« На днях состоялся Пленум ЦК КПСС, который, заслушав и обсудив доклад члена Президиума ЦК т. Маленкова Г. М. о

преступных антипартийных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берию из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа.

Несмотря на естественность версии и воспоминания свидетелей того, что Берия был убит 26-го июня 1953 года, эта версия до сих пор остается крайне сомнительной.

Во-первых, даже сын Берии не может утверждать точно, что 26-го июня был убит именно Л. П. Берия. Он говорит, что кого-то убили в их доме, кого-то выносили, вокруг дома были танки. Убить могли и кого-то еще, например из охраны. То, что нелогично и опасно было оставлять Берию живым, — правда, но, с другой стороны, убийство без следствия и суда — тоже преступление.

Самый серьезный аргумент против этой версии — рассекреченные документы следствия по делу Берии.

Известно, что в первые дни после ареста Берия написал несколько писем своим соратникам. Мог ли написать эти письма кто-то еще вместо Берии? В принципе, конечно, мог, но в письмах Берии содержится целый ряд фактов, о которых было известно только ему. Кроме того, письма были совершенно не обязательны для следственного дела Берии. В таком случае, какой резон следователям было грузить кого-то еще дополнительно?

Второе очень важное обстоятельство — протоколы допросов Берии. Первый допрос Берии проводился Руденко 8-го июля 1953 года. Первый вопрос Руденко был прямым указанием на то, куда поведется дело:

Руденко: «Вы арестованы за антисоветскую заговорщицкую деятельность против партии и Советского государства. Намерены ли вы рассказать следствию о своей преступной деятельности?»

Берия: «Это я категорически отрицаю».

Руденко: «Уточним некоторые данные вашей деятельности в прошлом. Почему в июне 1917 года, в момент ожесточенной борьбы большевиков в Баку против внутренней и международной контрреволюции, вы добровольно поступаете техником-практикантом в гидротехническую организацию армии и уезжаете на румынский фронт?»

Берия: «Действительно, в июне или в другом месяце 1917 года я добровольно вступил техником-практикантом в гидротехническую организацию армии вместе с Чекрыжевым, который учился вместе со мной в Баку в техническом училище. Почему я не остался в Баку для участия в подпольной работе — я над этим не задумывался».

Во время следствия подчиненные Берии безжалостно сдавали его. Столь безжалостно и откровенно, что даже возникает сомнение, а так ли все это было на самом деле? Вот фрагмент ответа из протокола допроса начальника секретариата МВД, полковника Б. А. Людвигова от 8-го июля 1953 года:

« После марта 1953 года я не слышал от Берии ни одного слова или высказывания о вожде партии, которое не сопровождалось бы раздражением, а иногда и озлоблением.

Как я уже показал, Берия насмехался над некоторыми лицами, как, например, над Шарией, который восхищался делами вождя. Берия говорил, что Сталин за последнее время делами не интересовался, ничего не делал, и что все вопросы государства Совет Министров решал без него.

После первого допроса в июле Берию допрашивали еще не менее двадцати пяти раз в июле, в августе, в сентябре, в октябре и в ноябре.

Чтобы продемонстрировать направленность и характер допросов Берии, приведем еще несколько фрагментов. Вот фрагмент из допроса Берии 9-го июля.

Руденко: «Признаете ли вы, что выступая на траурном митинге 9-го марта 1953 года, двурушничали и обманывали народ и партию?»

Б. А. Людвиг

Берия: «Абсолютно считаю это неправильным».

Руденко: «Признаете ли вы, что, заверяя партию и народ в верности принципам ленинско-сталинской политики, вы в кругу приближенных вам людей — Ордынцева, Людвигова, Шария — оскверняли память вождя, кощунственно издевались над ним?»

Берия: «Отказываюсь отвечать на этот вопрос; могу ответить Президиуму ЦК КПСС».

Фрагмент из допроса 10-го июля 1953 года характеризует, что Берия слишком энергично пытался влезать в дела других ведомств и министерств.

Руденко: «Какое отношение к вам имели вопросы о восстановлении еврейского театра, издания еврейской газеты, установлении новых орденов, вопросы деятельности Министерства культуры?»

Берия: «По вопросу об организации еврейского театра, издания еврейской газеты по линии МВД были заинтересованы и в связи с этим готовили записку в ЦК партии. По вопросу установления новых орденов лично я по своему служебному положению ни с какой точки зрения отношения не имел, но по своей инициативе готовил этот вопрос для постановки в ЦК партии. Что касается Министерства культуры, то мое отношение к этим вопросам было с позиций освещения настроений интеллигенции».

Однако генерального прокурора прежде всего интересовало сотрудничество Берии с иностранными разведками, что следует из следующего фрагмента допроса 10-го июля 1953 года.

Руденко: «Дайте правдивые показания о вашем сотрудничестве с иностранными разведывательными органами?»

Берия: «Никакого сотрудничества с иностранными разведывательными органами не было».

Руденко: «Для какой цели вы пытались установить связи с Тито — Ранковичем?»

Берия: «Я могу ответить на этот вопрос Президиуму ЦК партии».

Руденко: «Вы признаете, что, отказываясь от курса на развитие социализма в ГДР, вы выступали как капитулянт перед буржуазией и предатель дела социализма?»

Берия: «Не признаю».

Руденко: «Вы признаете, что организовали шпионаж и слежку за руководителями партии и правительства?»

Берия: «Не признаю».

Руденко: «Вы признаете, что по вашему приказанию было организовано подслушивание телефонных разговоров руководителей партии и правительства?»

Берия: «Нет».

Руденко: «Вы признаете, что на деле превратились в агента международного империализма и буржуазного перерожденца?»

Берия: «Нет».

Иногда Берия позволял себе подбирать помощников себе сам и назначал их на должность без общепринятой практики согласования с ЦК партии. Следовательно интересовался, так ли это было на самом деле, что следует из фрагмента допроса Берии 11-го июля.

Руденко: «Назначая кадры на руководящие должности, вы попирали установленный порядок согласования с ЦК КПСС. Признаете это?»

Берия: «Подавляющее большинство руководящих работников мною представлялось в ЦК на утверждение, но были случаи нарушений, когда работники назначались моим приказом без согласования с ЦК партии».

Сотрудники охраны Берии выполняли довольно деликатные поручения Берии, что следует из следующего фрагмента допроса Берии 14-го июля 1953 года.

Руденко: «Сейчас я оглашаю вам показание Саркисова о том, что вы его и Надария превратили в сводников:

„По поручению Берия я занимался сводничеством, т. е. подыскивал для него девушек и женщин, с которыми он сожительствовал. Таких женщин у Берии было очень много, и я вел

специальный список, где указывал фамилии женщин, их номера телефонов и другие интересующие Берия сведения. Кроме меня, сводничеством занимался и мой заместитель Надария. Он так же, как и я, по поручению Берии подыскивал для него женщин и имел список“. Вы признаете, что превратили свой дом в притон разврата, а свою личную охрану в сводников?»

Берия: «Дом я не превратил в притон разврата, а что Саркисова и Надария использовал для сводничества — это факт».

Руденко: «Только ли Саркисова и Надария вы использовали для сводничества или и других лиц из охраны?»

Берия: «Не исключено, что и других лиц из охраны использовал для сводничества».

Руденко: «Кроме того, вы вербовали новых любовниц и через сожительниц?»

Берия: «Может быть, кто меня и знакомил с другими женщинами, но специально не вербовал».

Берия признавал свое моральное падение, что следует также из допроса в тот же день.

Руденко: «Признаете ли вы, что все изложенные выше факты характеризуют вас как морально растленного, антисоветского не только по политическим убеждениям, но и по всему своему моральному облику человека?»

Берия: «Самое мое тяжкое преступление — это связи с женщинами, но я заявляю, что ни в каких-либо компаниях, оргиях, либо в других домах я не был. И ни в каких преступных связях с ними не находился».

Руденко: «Вы признаете, что все это было ценным для иностранных разведок, которые проявляли к вам интерес?»

Берия: «Конечно, иностранные разведки на эту сторону обращают внимание».

Наконец, остановимся на эпизодах руководства Берией наркоматом внутренних дел с 1938 года по 1945 годы. Эти эпизоды явно не добавляют симпатий к Берии. Они также прозвучали на следствии. Речь идет о применении мер физического воздействия

к арестованным. Нет сомнения, что они, конечно, были. Вся система следствия в 1930–1940 годах была основана на этом.

Вот как описывает ход следствия выдающийся советский разведчик Д. А. Быстролетов после своего ареста.

Его первое впечатление после появления в камере Бутырской тюрьмы:

« Поскольку лежавшие на полу поднялись, я спокойно взял свою наволочку с вещами, перекинул через руку плед и повернулся было к дверям, чтобы поскорее убраться из этого уголовного логова, как вдруг две руки крепко обняли меня за шею, чья-то голова опустилась мне на грудь и затряслась в беззвучных судорожных рыданиях.

— Дима... Прости... Прости...

Голос был до боли знакомый. Но я видел только стриженую, довольно грязную голову, грязную желтую щеку и край глаза, из которого на мой новенький амстердамский костюм градом капали слезы.

— В чем дело? Кто Вы такой?

Я оторвал рыдающего от своей груди, внимательно на него посмотрел. Но желтое отекавшее лицо с полосами слез на небритых щеках показалось мне незнакомым.

— Не узнаешь? Я Котя! Котя Юревич!

Котя?! Мой лучший товарищ по университетским годам в Чехословакии... Розовый, голубоглазый, белокурый! Всегда такой подтянутый и чистенький! Этот отекший оборванец — Котя?! Не может быть!

— Дима, прости: я дал на тебя показания! Подтвердил, что ты завербовал меня в террористическую организацию!

Константин Юревич, уже прошедший допросы, рассказывает арестованному Быстролетову:

« — Пойми: ты не только арестован, но и осужден! Понял ли ты это слово? А? Ты уже осужден! О приговоре сможешь догадаться только по ходу следствия. Из тебя будут выбивать признание подсказанной тебе вины, и только в подсказанном объеме, то

есть так, как нужно для обоснования уже имеющегося решения. Его потом отштемпелюет суд. Понял? Знай, что в камере нет уголовников: здесь сидят очень культурные люди, цвет нашего советского общества. Ты скоро сам будешь выглядеть так же! Учти это!

Ну, а дальше? Дальше события развивались по следующему сценарию:

Дней через десять и днем (и то, и другое считалось старыми опытными арестантами очень благоприятным признаком) вызвали, наконец, и меня. Я собрался на бой и ожидал увидеть старого опытного следователя-иезуита или зверского молодого громилу с орудиями пытки в красных волосатых лапах. Но следователем оказался миловидный молодой человек без знаков отличия в петлицах, — практикант, еще не получивший звания в аппарате ГУГБ. Просто и вежливо он попросил сесть и показал мне одиннадцать выписок из протоколов допросов людей, учившихся в мои годы в Праге и вместе со мной состоявших в Пражском отделении Союза советских студентов, бессменным секретарем которого я состоял до поступления на работу в торгпредство. Все одиннадцать утверждали, что я их завербовал на антисоветскую работу и давал шпионские и террористические задания. Когда и какие — неизвестно. Так, в общей форме давал и все.

Д. А. Быстролетов

«Процесс пошел», как сообщал нам один известный политический деятель. Однако не будем отвлекаться от сюжета, описываемого Быстролетовым:

« С тех пор каждую неделю он вызывал меня к себе часа на два и молча читал книгу, а я томился на стульчике против его стола.

— Часы набирает, они нужны вам обоим, — пояснил Котя. — Ему — как практиканту, тебе — как подследственному. Жди спокойно, не волнуйся и не торопись: кости тебе ломать будут позднее, уже в Лефортовской! Здесь, в Бутырках, это не разрешается. Лефортовка — единственная из московских тюрем, отведенная под застенки!

Привыкнув к дневным вызовам, я спал с каждой ночью все спокойнее и увереннее, покуда, однажды в полночь, неожиданно вызвали и меня.

„Начинается!“

Я собрался в комок, как пружина.

Но ничего не началось. Приятный молодой человек, как всегда, уселся за стол с книгой. Вдруг в комнату вошел приземистый пожилой чекист с тремя шпалами в петлицах. Его красное, угреватое лицо, очки и широкий рот мне не понравились, они делали его похожим на жабу.

Следователь и я встали.

— Признается? — бросил следователю вошедший, осматривая меня с головы до ног.

— Нет, — равнодушно промямлил юноша.

— Так-с, так-с... Сколько допрашиваете?

— Три месяца.

— В каком разрезе? Шпион?

— Да.

— Напишите данные, строго приказал Жаба.

Взял бумагу и ушел, а молодой человек погрузился в чтение очередного романа.

На следующую ночь меня вызвали снова, но на этот раз в головном уборе и пальто, но без вещей. Семьдесят пять голов повернулось за мной вслед, пока я пробирался к выходу.

— Во внутреннюю! — слышал я общий шепот. — К начальству!

Черный „ворон“. Лубянка. Хороший кабинет. Усыпанный орденами седовласый человек с розовым интеллигентным лицом поднимает голову и мягко разъясняет:

— Разговор с вами сегодня у нас будет короткий. Три месяца вы валяли дурака, пора и честь знать! На днях вы начинаете давать нужные нам показания. Я вызвал вас, чтобы справиться, чем вы желаете их писать — чернилами или собственной кровью? Подумайте и решайте сами. Это ваше дело, а не наше. Свою судь-

бу выберете сами. Если чернилами, то завтра днем попроситесь к следователю. Ваше дело поведет тот же человек и там же, в Бутырках. Если вам нравится писать кровью, то не проситесь и ровно в полночь вас доставят в Лефортовскую военную тюрьму. Слышали, а? Слышали?! Там другой следователь, он заговорит с вами по-серьезному. Даю двадцать четыре часа на размышление! Идите!

Д. А. Быстролетов

Быстролетов не решился признаваться, и, как ему было сказано, его перевели в Лефортовскую тюрьму. Продолжение было таким:

« Отдышавшись, я поднял голову и увидел за столом Жабу и рядом с ним молодого миловидного человека без знаков отличия в петлицах, практиканта, как две капли воды похожего на моего следователя в Бутырках. Позднее по распискам в книге вызовов у входа в подвал я установил, что Жаба именуется полковником (капитаном госбезопасности) Соловьевым, а практикант — Шукшиным.

— Тэк-с, тэк-с... Дай этому гаду лист бумаги и перо, — сказал Жаба помощнику. — Тэк-с... Теперь за дело. Ты, фашистская морда, обвинение знаешь? Ты заговорщик, шпион, диверсант и террорист. Писать в означенном разрезе будешь?

— Нет.

— Я так и думал. Тэк-с, тэк-с... Ты еще не понял, что здесь Лефортовская военная тюрьма, а не мусорный ящик, называемый Бутыркой. И допрашивать тебя будет ежовец. Слышал про Ежова — ежова рукавицы? Слышал? В „Правде“ дружеский шарж Бориса Ефимова видел? Заметил, что рукавицы с железными шипами? В этом разрезе заметил? Ну, так вот я — сначала ежовиц, а только потом коммунист! Ежовцы — выше всех коммунистов и беспартийных, они — опора товарищу Сталину, его гвардия. На любого человека в нашей стране есть закон и упра-

ва. Но не на ежовца. Мы сами — закон! Мы сами для себя управа! Выше нас никого нет. Только Сталин. Тэк-с, тэк-с... Смотри.

Он встал и подошел ко мне. Остановился. Я замер. Два парня крепко скрутили мне руки.

Трах...

Одним ловким, сильным и метким ударом Жаба выбил мне несколько зубов. Я выплюнул их на ковер вместе с кровью и слюной.

Трах...

Выплюнул зубы с другой стороны.

Трах... Трах... Трах...

Жаба повернулся ко мне вполборота и стал рантами и каблуками сапог бить меня спереди по костям голеней. Это было очень больно, и я даже не заметил, как практикант стал на колени, расшнуровал мои ботинки и снял их.

— Смотри дальше, фашистская гадина!

Жаба начал каблуками топтать мне пальцы на ногах.

— Думаешь все? Нет! В этом разрезе только начинается! Дайте же ему как следует!

Надзиратели зашли сбоку с двух сторон и принялись бить меня кулаками по лицу так, что все поплыло перед глазами; моя голова моталась во все стороны, я видел только красные от моей крови кулаки и комсомольские значки на груди. Потом меня свалили со стула и били носками сапог в живот.

Все это произошло очень быстро. Я ошалел и не понимал ничего. Острая боль от отдельных ударов слилась в одну протяжную тупую боль.

Ну и читателю уже, конечно, понятно, чем все это закончилось:

«

Под утро практикант Шукшин разобрал мой шепот:

Д. А. Выстрелов

»

— Буду писать.

Меня усадили к столу. Жаба вложил мне в пальцы ручку и сам стал водить моей рукой по бумаге, царапая заявление Народному Комиссару Внутренних дел о добровольном признании.

На носилках меня принесли сначала в больницу, потом — в камеру. Я отдыхал неделю. Следствие, наконец, тронулось с мертвой точки.

Избиения арестованных широко применялись в практике проведения следствий. Любопытно, что эта практика была «узаконена» высшим руководством государства. Хорошо известна шифротелеграмма Сталина, направленная 10-го января 1939 года всем секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркоматам внутренних дел и начальникам управлений НКВД:

« ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное.

ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б). При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме.

Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был заглажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике.

Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении „заядлых“ агентов буржуазии, „заклятых“ врагов рабочего класса и колхозников.

ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП(б) требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартии, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

Эта шифротелеграмма впервые прозвучала на XX съезде КПСС в докладе Хрущёва. Многим казалось, что эта телеграмма была фальшивкой, однако на самом деле она подлинная. Поэтому, как мы видим, практика допроса с применением мер физического воздействия к арестованным была просто общепринятой. Вот фрагмент из протокола допроса Берии 14-го августа 1953 года.

Руденко: «Вам оглашаются показания Кобулова Богдана от 11 августа 1953 года:

„Во время работы в Москве мне также стал известен ряд фактов, свидетельствующих об авантюристической деятельности Берии. Особое внимание из числа этих фактов заслуживает дело на группу арестованных, в числе которых были Слезберг, Белых и др., по которому Берия, ссылаясь на якобы имевшиеся у него указания, путем применения физических мер воздействия, в том числе и с моим вынужденным по его требованию участием, добивался показаний, компрометирующих П. С. Жемчужину.

Такие показания были получены порочными, недопустимыми методами. Ясно, что компрометацией П. С. Жемчужиной Берия преследовал цель скомпрометировать одного из руководителей партии и правительства“.

— Вы и сейчас будете отрицать факты, изложенные в этих показаниях?»

Берия: «В таком изложении, как показывает Кобулов Богдан, это неправильно. Я признаю, что было два случая вызова, поправляюсь три случая вызова в ЦК КП Грузии ко мне арестованных для проведения очных ставок с лицами неарестованными. При этом присутствовали и другие секретари ЦК партии Грузии. Случаев избиения арестованных у меня в кабинете в ЦК не было».

Секретарь бывшего заместителя наркома госбезопасности Б. З. Кобулова, К. С. Савицкий в своих показаниях сообщил:

«На бланках служебной записки ЦК КП(б) Грузии Берия писал фамилии лиц, которые должны быть арестованы. Лично сам я видел служебные записки Берия с таким текстом:

„Арестовать и крепко допросить“.

Слово „крепко“ было подчеркнуто».

Начальник секретариата МВД С. С. Мамулов на допросе дополнял показания Савицкого:

«Берия не только давал указания об избиениях арестованных, но и присутствовал при избиениях в своем кабинете».

Берия отрицал правдивость показаний и Савицкого, и Мамулова, но в то же время признавал, что подследственных в его присутствии били:

«У меня в кабинете никого не избивали, но вообще в 1939–1940 гг. в бытность мою наркомом внутренних дел избивали арестованных и имели место факты, когда избиения были в моем присутствии. Я заявляю, что ни с одним неугодным мне лицом я не расправлялся».

Были, были, конечно, случаи избиения арестованных. Кто же теперь, изучая репрессии 1930–1940 годов, в этом может сомневаться? Да и сам Берия, хотя и с неохотой, признавался в этих деяниях. На допросе 17-го августа 1953 года на вопрос Руденко:

— Признаете ли вы в результате приведенных на следствии ряда доказательств, что вами грубейшим образом попиралась

социалистическая законность, фабриковались и фальсифицировались дела?

Берия ответил:

— Не признаю. Считаю, что применяемые в 1937 и 1938 годах методы избияния заключенных являлись грубейшим извращением социалистической законности и что по отдельным делам, о которых я показал ранее, я также принял участие в извращениях социалистической законности.

После многочисленных допросов Берии и его бывших сотрудников был подготовлен вариант сообщения «В прокуратуре СССР», в котором сформулировано то, что установлено следствием. Эти варианты правились с участием членов Президиума ЦК КПСС. В сообщении находим следующие утверждения:

«Следствием установлено, что обвиняемый Берия Л. П. явился организатором антисоветской изменнической группы заговорщиков, ставившей своей преступной целью использовать органы МВД как в центре, так и на местах против партии и ее руководства, против правительства СССР, поставить МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя и реставрации капитализма».

Получается и в самом деле, что Берия и его подчиненные хотели как будто реставрации капитализма. Есть в сообщении и ряд других любопытных фрагментов:

«Действуя как агент международного империализма, Берия вынашивал преступные замыслы государственного переворота в целях захвата власти, установления контрреволюционной диктатуры и реставрации капитализма в СССР».

«Подготавливая государственный переворот, Берия и его сообщники собирали фальсифицированные клеветнические материалы в отношении партийных и советских организаций, их руководителей, не гнушаясь для получения таких материалов применением запрещенных законом преступных методов следствия, незаконными арестами и т. д.».

«С целью подрыва колхозного строя и возбуждения продовольственных затруднений внутри страны Берия саботировал ряд важных мероприятий партии и правительства, направленных к увеличению урожайности и поднятию материального благосостояния советского народа».

«Кроме того, материалами следствия установлены преступления морального разложения Берии и совершенных им корыстных злоупотреблений.

Берия предан суду по обвинению в измене Родине, совершении террористических актов, активной борьбе против рабочего класса и революционного рабочего движения, проявленной им на секретно-агентурной должности в контрразведке контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане в период гражданской войны, то есть в предусмотренных ст. 58-1, 6, 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР».

Поясним читателю, что это за печально знаменитая статья 58, которая была введена в Уголовный кодекс РСФСР 25-го февраля 1927 года с целью противодействия «государственным преступлениям и контрреволюционной деятельности». Несколько раз она пересматривалась и уточнялась.

По этой статье и аналогичным статьям в других республиках в Советском Союзе было до 1968 года осуждено около четырех миллионов человек.

Статья 58-1а сформулирована как измена Родине. Осужденные по ней приговаривались или к высшей мере наказания (расстрелу) с конфискацией имущества, или к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Статья 58-16 соответствовала измене Родине со стороны военного персонала. По ней давали расстрел с конфискацией имущества.

В статье 58-8 шла речь о террористических актах, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций. Наказа-

ние — лишение свободы не менее трех лет с конфискацией всего или части имущества.

В 58-13 шла речь о борьбе против революционного движения, проявленной на ответственной или секретной должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период Гражданской войны. По этой статье также предусматривались конфискация и тюрьма (не менее трех лет).

По статье 58-11 предусматривалось наказание за организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение предусмотренных в настоящей статье преступлений, которые приравниваются к совершению таковых.

По официальной версии, суд над Берией проходил с 18-го по 23-е декабря 1953 года. В приговоре судьи Берию объявили иностранным шпионом, правда, упомянули и другие преступления.

Также по официальной версии его казнили 23 декабря 1953 года в том же бункере штаба Московского военного округа, где он содержался после ареста. При казни будто бы присутствовали маршал Конев, командующий МВО генерал Москаленко, первый заместитель командующего войсками ПВО Батицкий, подполковник Юферов, начальник Политуправления Московского военного округа полковник Зуб и ряд других военных, причастных к аресту и охране Лаврентия Берии.

Считается, что Берия был убит выстрелом генерал-полковника П. Ф. Батицкого. Однако полной ясности того, как проходила казнь Берии до сих пор нет.

Имеется акт казни, подписанный П. Ф. Батицким, Р. А. Руденко и К. С. Москаленко 23 декабря 1953 года, в котором сказано:

«Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П. Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р. А.

и генерала армии Москаленко К. С., приведен в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу Берии Лаврентию Павловичу».

Больше никаких подписей охраняющих генералов нет, нет и подписи врача, удостоверяющего смерть Берии.

Сын Берии, который в 1990 годах пытался разобраться в обстоятельствах казни своего отца, написал, что член суда Н. М. Шверник сказал ему:

— Я входил в состав трибунала по делу твоего отца, но ни разу его не видел.

Член суда Н. А. Михайлов будто бы также сказал сыну Берии:

— Серго, я не хочу рассказывать тебе о деталях, но живым твоего отца мы не видели.

Как расценивать эти загадочные заявления? Акт о захоронении или кремации Берии неизвестен, вероятно его тоже нет.

Историк, публицист и писатель А. Г. Авторханов отвергает версию расстрела Берии после суда. В своей книге «Загадка смерти Сталина» он пишет:

« Я остаюсь при своем мнении, что и Пленум ЦК в июле 1953 года, и Верховный суд СССР в декабре 1953 года судили не живого Берию из тюрьмы, а мертвеца. Поэтому не зачитывались показания Берии на предварительном следствии перед Пленумом ЦК в июле 1953 года, поэтому не сообщались показания Берии и перед Верховным судом в декабре 1953 года.

Вероятно, большинство членов Пленума ЦК были о смерти Берии информированы, кроме его близких друзей и подручных Берии в аппарате партии, как, например, первый секретарь ЦК Азербайджана и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Багиров. Отсюда понятен смех в зале, вызванный ответом Багирова

на одну из реплик Маленкова. Багиров в своей очень путаной и пугливой речи начал рассказывать, что Берия недавно звонил ему, что он хочет создать новые республиканские ордена. Когда Маленков начал атаковать Багирова вопросами, какие ордена и для кого, то растерявшийся Багиров сказал: спросите об этом Берию, — что и вызвало смех в зале.

Неясности породили много своеобразных гипотез, слухов и самых разных версий. В частности, была версия о том, что Берии каким-то образом удалось избежать ловушки, подготовленной против него во время заговора бывших соратников и скрыться в Латинской Америке.

Был слух о том, что при аресте Берии маршал и его охрана оказали сопротивление и были убиты. По крайней мере, Хрущёв и сам однажды рассказывал о таком событии и то, что решающий выстрел принадлежал именно ему.

Есть исследователи, которые утверждают, что досудебный расстрел произошел в бункере московского военного округа через несколько дней после ареста Берии в Кремле.

По утверждению писателя Владимира Карпова, изучавшего архивы маршала Г. К. Жукова, в неопубликованных материалах воспоминаний маршала содержатся сведения, что Жуков действительно принимал участие в аресте Берии в Кремле и руководил этой группой захвата.

Мысль об убийстве Берии до суда высказал академик Сергей Петрович Новиков в своих воспоминаниях и размышлениях:

« Они (соратники Берии) были, без сомнения, обречены на смерть как свидетели того, что никакого Берии уже нет. Берию же нельзя было приговорить к чему-то меньшему, чем расстрел — его уже не было в живых. Я не вижу иного объяснения этой фантастической жестокости. Разве генералы НКВД — предатели,

шпионы, убийцы? Почему? Войска у них, конечно, были похуже, чем у Министерства обороны, но все они — и те и эти — убивали по приказу ЦК и Совмина. У Сталина аресты подписывали все — не уйдешь. Все они были греховны по приказу. Ну, разжаловали бы, уволили, наконец посадили. Кстати, Берия только что успешно реализовал, например, атомный проект.

С. П. Новиков
»

Иногда мне задают вопрос: какой версии убийства Берии придерживаюсь лично я? Конечно, кроме рассекреченных следственных материалов и различного рода противоречивых воспоминаний, мне также ничего не известно, но все-таки я склоняюсь к мысли, что его казнили 23-го декабря 1953 года.

Хотя, конечно, убийство Берии могло произойти и раньше (например, после отправки его писем Г. М. Маленкову и в Президиум ЦК КПСС). Повод так думать, есть.

В воспоминаниях зятя Хрущёва Аджубея говорится о том, что Никита Сергеевич рассказывал ему, что Берия перед расстрелом умолял Хрущёва оставить его живым. Как известно, такое письмо было написано не позднее 2-го июля 1953 года.

Первый допрос Берии датируется 8-м июля 1953 года. Ответы Берии, представленные в протоколах допроса, скучны и не очень характерны для Берии, который во время своих допросов мог рассказать много интересного для истории, но почему-то этого не сделал. Впрочем его ответы могли и не записать. Могли переписать, могли и отредактировать. Девяносто процентов материалов в следственном деле — всего лишь копии. А где же тогда оригиналы?

23-го декабря 1953 года были расстреляны еще шесть человек, причисленных к «банде Берии»: министр государственного контроля, генерал армии В. Н. Меркулов (1895–1953), министр внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозов (1898–1953), генерал-полковник Б. З. Кобулов (1904–1953), генерал-полковник С. А. Гоглидзе (1901–1953), генерал-лейтенант П. Я. Мешик (1910–1953), генерал-лейтенант Л. Е. Влодзимирский (1905–1953). После ареста все перечисленные лица были лишены

званий и наград. Все они были причислены к «банде Берии» только по степени их приближенности к Берии.

В одной из своих передач на радио «Свобода» Владимир Тольц вспоминал:

«Моя покойная уже ныне коллега, служившая в первой половине 1950-х в британском посольстве в Москве, рассказывала, как поразили ее и ее сослуживцев своей небывалой дотоле свободой, раскованностью и ликованием кремлевские приемы, начиная с новогоднего 1954-го. В Кремле праздновали свою победу и избавление от страха. Мало кто из ликующих победителей знал тогда, что это — лишь завершение первого раунда. А в следующих жертвами падут многие из победителей Берии, радостно поднимавших бокалы в новогоднюю ночь, через неделю после его казни.

Приговорив к высшей мере наказания всех тех, кто непосредственно работал с Л. П. Берией, Президиум ЦК КПСС 10 мая 1954 года принял постановление «о членах семей и родственниках осужденных врагов». В постановлении говорится:

«В соответствии с поручением Президиума ЦК нами рассмотрен вопрос о членах семей и родственниках врагов народа Берии, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского.

Всесторонне обсудив это дело, мы пришли к выводу, что членам семей и близким родственникам указанных врагов народа необходимо запретить проживание в городах Москве, Ленинграде, Тбилиси и других режимных городах и местностях Советского Союза, а также на территории Кавказа и Закавказья. Проект постановления ЦК КПСС и список членов семей и близких родственников осужденных врагов народа прилагается.

Родственников, отправленных на выселение, было 35 человек.

Таким образом, в июне 1953 года в Советском Союзе в интересах правящей партийной элиты осуществился заговор против одного из членов правительства. Момент для его проведения был выбран крайне удачно. После предвоенных репрессий, после трудных военных и послевоенных лет население негативно

В. С. Тольц

Постановление Президиума ЦК КПСС

воспринимало органы внутренних дел. Заговорщикам оставалось совсем немного: убедить участников Пленума ЦК партии и членов Верховного Совета в коварстве и предательстве Лаврентия Берии. Это оказалось несложно, ведь самого Берия не пригласили ни на Пленум, ни на сессию Верховного Совета.

Очевидно, что Берия мог не нравиться своим соратникам по многим причинам.

Однако, пожалуй, самая главная причина ареста Берии связана с его попыткой отстранить партию от решения хозяйственных вопросов, то есть от реальной власти.

Фактически Берия оказался первым реформатором в руководстве Советского Союза послесталинского периода. Повидимому, он осознавал недостатки социализма и торопился их исправить, но его соратники не были готовы к таким переменам. Попытка Берии провести ряд политических и хозяйственных реформ натолкнулась на сопротивление партийной верхушки. Это сопротивление, в сочетании с их желанием удержаться на вершине властного олимпа, и привело к падению Лаврентия Берии.

Торопясь провести реформы в стране, Лаврентий Берия явно опередил свое время. Его судили те, кто отправлял на смерть своих соратников в 1937–1938 годах, те, кто расстреливал за инакомыслие, за самостоятельность в принятии решений, за идеи и мысли, не согласованные с позицией ЦК партии.

В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.
Омар Хайям

Глава 8. Расстрелянные генералы из окружения Берии

После ареста Берии многие его сотрудники были также арестованы, несколько его помощников по работе в НКВД были приговорены к расстрелу или осуждены к длительным срокам тюремного заключения. Однако судьбы непосредственных заместителей Лаврентия Берии оказались разными. Объясняется это не результатами проведенных следствий, а близостью к заговорщикам, прежде всего, к Никите Хрущёву.

23-го декабря 1953 года, кроме Л. П. Берии, были расстреляны еще шесть человек, причисленных Хрущёвым к его «банде»: В. Н. Меркулов, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешик и Л. Е. Влодзимирский.

Как формировалась эта группа «подельников» Берии можно только догадываться. Однако все они в той или иной степени имели отношение к работе спецслужб, и все они в разное время и в разной степени были связаны с Л. П. Берией.

В отличие от Берии, казнь 23-го декабря 1953 года перечисленных выше лиц не вызывает сомнений: есть акт о смерти и акт о кремации.

Те, кто были расстреляны в тот же день, что и Берия, имели разные характеры, разное образование, но имели похожие судьбы и свою жизнь они закончили одинаково.

Жестоко обошлась судьба с Всеволодом Николаевичем Меркуловым.

Меркулов родился в 1895 году в городе Закаталы на Кавказе в дворянской семье. В 1913 году он окончил с золотой медалью одну из лучших гимназий в Тифлисе. В школе увлекался электротехникой, публиковал статьи в научном журнале.

После окончания гимназии Меркулов поступил на физико-математический факультет Петроградского университета. В студенческие годы увлекался литературой, стал писать рассказы и романтические повести о студенческой жизни, на которые имел положительные отзывы.

Так начиналась жизнь этого, безусловно, талантливого человека.

Шла война, и в 1916 году правительство принимает решение о призыве студентов в армию. В марте 1917 года Меркулов окончил школу юнкеров в Оренбурге, ему было присвоено первое воинское звание — прапорщик. Он служил в армии, но в боевых действиях не участвовал. Армия разваливалась, солдаты разбегались по домам, и Меркулов после демобилизации по болезни в марте 1918 года приехал в Тифлис к матери. Сначала он стал работать делопроизводителем, а затем учителем в школе для слепых.

Меркулов мог стать инженером, физиком, писателем, художником, но в сентябре 1921 года он стал работать помощником уполномоченного, а затем уполномоченным экономического отдела ЧК Грузии. Существует версия, что в ЧК он оказался не по своей воле, хотя сам Меркулов это обстоятельство скрывал.

Доктор исторических наук Никита Васильевич Петров в своей статье «Самый образованный палач», так описывает историю поступления Меркулова на службу в грузинское ЧК:

« В изложении Меркулова история его поступления на службу в ЧК проста и обыденна. Его больше не устраивала работа в школе для слепых, и он обратился к своему большевистски настроенному товарищу по гимназии Бошинджагану. Тот обещал поговорить с кем надо и свел Меркулова с Такуевым из грузинской ЧК. В сентябре 1921 года Меркулова приняли на должность

помощника уполномоченного транспортного отдела, а вскоре перевели на должность уполномоченного экономического отдела ЧК Грузии.

Но так ли гладко все обстояло на самом деле? В 1934 году бывшая чекистка из Тифлиса написала на имя Ежова довольно безграмотное заявление с историей вербовки Меркулова в тайные осведомители. По ее информации после установления советской власти в Грузии Меркулова вызвали в ЧК и попросили быть осведомителем по белому офицерству. Он долго отказывался, чем, наконец вывел из терпения чекистов, они его посадили в погреб и каждый день хорошо лупили, до тех пор, пока он не согласился работать для ЧК.

Н. В. Петров

Написавшая эту анонимку чекистка, по ее словам, «живая свидетельница», потому как при сем присутствовала. В 1923 г. она уехала на Северный Кавказ, а вернувшись, услышала от своего бывшего сослуживца — оперуполномоченного, вербовавшего в свое время Меркулова, что «этот беляк сделал карьеру и теперь самый первый помощник Берии».

Свое письмо она заканчивала боевым призывом:

«Дорогой т. Ежов, гони этих приверженцев капитала. Ты хорошо знаешь, как они лезут во все щели, я хорошо помню, как он говорил этому уполномоченному, что ему, как офицеру, даже неудобно слышать такое предложение уполномоченного, и он ни за что не хотел сообщать о своих белых товарищах. Сегодня я встретила того уполномоченного. Он мне сказал, что теперь даже дошло до того, что жизнь беляка Меркулова охраняют чекисты. Здорово, правда?»

В 1922 году Берию перевели из Баку в Тифлис на должность заместителя председателя ЧК Грузии. Он заметил Меркулова. Вот что об этом пишет Н. В. Петров:

«Теперь карьера Меркулова в ЧК развивается стремительно. Уже в мае 1923-го стараниями Берии он был назначен начальником экономического отдела ЧК Грузии, с 1925-го он начальник

информационно-агентурного отдела Закавказской ЧК, с 1929-го — зампред Аджарского ГПУ, с мая 1931-го — начальник секретно-политического отдела Полпредства ОГПУ по Закавказью. Заминка вышла в другом.

Социальное происхождение Меркулова изрядно осложнило его вступление в партию. Будучи сотрудником ЧК, где для оперсостава членство в партии было обязательным, он дважды, в 1922-м и 1923-м, подавал заявление. Лишь на второй раз, в мае 1923 года, его приняли кандидатом с двухлетним испытательным сроком. В 1925 году он подал заявление о приеме в члены партии, и его как будто приняли, но партбилет так и не выдали. Только вмешательство Берии спасло ситуацию. В 1927 году Меркулову наконец выдали партбилет члена ВКП(б) с указанием стажа с 1925 года.

Для Меркулова Берия был не только благосклонным начальником, но и спасителем. Без его заступничества он мог легко вылететь и из ВКП(б), и из ГПУ в ходе регулярных кампаний чисток партии и проверок учета партийных документов. Поэтому особенно тяжело Меркулов переживал свою ошибку, когда в 1928-м в отсутствие Берии, поддавшись уговорам сослуживцев, тоже, как все, написал заявление о невозможности работы с Берией. Потом каялся. И Берия его простил. С этих пор Меркулов был безмерно благодарен и особенно предан Берии, испытывая постоянное чувство вины за тот промах.

Н. В. Петров
»

С 17-го декабря 1938 года по 3-е февраля 1941 года Меркулов — первый заместитель наркома внутренних дел и начальник Главного управления государственной безопасности. В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5-го марта 1940 года Меркулов возглавил «тройку» НКВД, которая вынесла решения о смертных приговорах интернированных польских офицеров.

С 3-го февраля по 20-е июля 1941 года и с 14-го апреля 1943 по 7-е мая 1946 года Меркулов — нарком государственной безопасности. С 31-го июля 1941 года по 16-е апреля 1943 года Меркулов — снова первый заместитель наркома внутренних дел. С 1946

по 1950 год он занимался государственным имуществом за границей. С октября 1950 года и до мая 1953 года Меркулов — министр государственного контроля СССР. В 1952 году у Меркулова практически было два инфаркта подряд. В мае 1953 года решением Совета Министров СССР Всеволоду Николаевичу был предоставлен отпуск для лечения.

По-видимому, сразу после ареста Берии заговорщики не хотели арестовывать Меркулова. Все-таки в то время он был министром государственного контроля. В июле 1953 года хитрый Н. С. Хрущёв пригласил Меркулова в ЦК и попросил его написать «правдивое письмо» о деятельности Берии. Меркулов написал два покаянных письма. В этих письмах смесь оценок Берии, покаяния и сожаления. Вот фрагменты из этих писем.

« Я знал Берию почти 30 лет. И не только знал, но в отдельные годы этого периода был близок к нему, не раз бывал у него дома в Тбилиси. Разумеется, за все эти годы я никогда ни на минуту не подвергал сомнению его политическую честность. Он никогда не давал мне повода усомниться в его преданности и любви к товарищу Сталину. Но теперь в свете того, что я узнал о преступных действиях Берии, перебирая в памяти прошедшие годы, я уже другими глазами смотрю на факты и события, связанные с Берией.

В. Н. Меркулов

»

Вспоминая годы своей юности, Владимир Николаевич в своей исповеди пишет:

« Должен сказать (сейчас, спустя 30 лет, я, полагаю, могу это сделать без риска быть обвиненным в самовосхвалении), что в тот период, несмотря на свои 27 лет, я был наивным, очень скромным и очень застенчивым человеком, несколько замкнутым и молчаливым. Речей я не произносил и так и не научился произносить их до сих пор. Язык у меня был словно чем-то скован, и я ничего с ним не мог поделать. Другое дело перо. С ним я умел обращаться. Не был я также никогда ни подлизой, ни подхалимом или выскочкой, но держал себя всегда скромно и, думаю,

с чувством собственного достоинства. Таким я и предстал перед Берией, когда он меня тогда вызвал. Не надо было быть особо проницательным, чтобы понять все это, и мне думается, что Берия с первого взгляда разгадал мой характер. Он увидел возможность использования моих способностей в своих целях без риска иметь соперника или что-либо в этом роде.

В. Н. Меркулов

Меркулов характеризует Берию, кажется, если и не слишком хорошо, то и не слишком плохо:

« Берия наспех просматривал мои информации, и они отсылались. Работой же отделов КРО и СО Берия занимался лично, вплотную и подолгу. Берия, очевидно, понимал, что от успешной работы этих двух отделов (СО и КРО) зависит его служебное положение, его продвижение выше к власти. А продвижение к власти, как я теперь уверен, было его основной целью в жизни. Грузинские меньшевики и другие антисоветские партии, как известно, были в Грузии сильны, находились в глубоком подполье, и их надо было разбить во что бы то ни стало. Берия понимал также, что только товарищ Сталин может дать ему возможность подняться выше. И потому задача Берии была обратить каким-либо образом на себя внимание товарища Сталина. Но как это сделать? Успешная работа в ЧК Грузии в части разгрома меньшевиков и других антисоветских партий была, мне кажется, одним из этих способов.

В. Н. Меркулов

В. Н. Меркулов пишет о карьерных амбициях Берии уже в период его работы в Грузии:

« Надо сказать, что присылавшиеся из Москвы на пост председателя Зак. ЧК люди (Павлуновский, Кацнельсон, Кауль) действительно не блистали особыми способностями. Берия умело их выживал одного за другим, пока, наконец, не добился назначения себя на этот пост. Сделавшись председателем Зак. ГПУ и полномочным представителем ОГПУ в Закавказье, Берия на этом не остановился. Следующей ступенью для него были — секретарь ЦК КП(б) Грузии и секретарь Заккрайкома ЗКП(б).

В. Н. Меркулов

Меркулов поддержал Павлуновского в его интригах против Берии, но Берия победил, и Павлуновского отозвали в Москву.

« Теперь в свете новых данных о Берии я спрашиваю себя, почему он „пощадил“ меня после случая с Павлуновским, когда он мог меня уничтожить, как говорится, одним пальцем, как позже он сделал это с Валиком и Залпетером, расстреляв их после прихода в НКВД СССР. Я думаю теперь, что я все-таки тогда был ему нужен, и он не находил подходящего человека из числа русских. А расправиться со мной он мог в любое время и позже. К тому же он, безусловно, понимал, что я по натуре своей не способен интриговать, а история с Павлуновским, расцененная мною в одном письме, посланном ему в 1931 г. из Батуми, как ошибка с моей стороны, давала ему известную гарантию, что она не повторится. В мае 1931 г. Берия вызвал меня из Батуми для участия в составлении доклада о политическом положении Грузии. Через несколько дней я был назначен начальником организованного тогда секретного отдела Зак. ГПУ и в Батуми больше не вернулся. »

В. Н. Меркулов

Литературные способности Меркулова на партийной работе оказались востребованными. Меркулов готовил справки и информацию для Москвы, был спичрайтером для Берии: часто писал для него доклады и статьи, принимал участие в редактировании знаменитой в свое время книги Л. П. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», в которой превозносилась роль И. В. Сталина при организации революционного движения. Меркулов готовил для «Малой советской энциклопедии» статью о Берии, а в 1940-м в издательстве «Заря Востока» выпустил отдельным изданием биографический очерк о нем — «Верный сын партии Ленина — Сталина» объемом 64 страницы и тиражом 15 тысяч экземпляров, состоящий из восхвалений и воспеваания заслуг Берии.

Будучи секретарем крайкома, Берия неоднократно ездил в Москву, в свою командировку он брал также Меркулова и других сотрудников, которые могли быть полезны ему в столице. Меркулов пишет:

« Став секретарем Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, Берия часто ездил в Москву и, как правило, брал с собой меня, а также тех, кто был ему нужен по делам, по которым он приезжал в Москву. Берия любил пошуметь в веселой компании, послушать скабрзные анекдоты, выпить и т. д. Для этих целей я был неподходящим, и он брал обычно с собой также людей, которые его веселили, играя, по сути дела, роль шутов. Таким был, например, Широков, в то время работник Управления погранохраны.

Меня он брал в Москву, как я понимал, на тот случай, если вдруг понадобится что-нибудь написать. А писать почти всегда что-нибудь приходилось. Например, в Москве я готовил для Берии статью в годовщину смерти С. М. Кирова для газеты „Правда“, речь на похоронах Серго Орджоникидзе, несколько раз совместно с другими готовил выступления Берии на сессиях Верховного Совета СССР, часто писал по взятым из Тбилиси материалам докладные записки в различные наркоматы.

В Москве почти каждый вечер Берия вызывался к товарищу Сталину. Останавливался Берия сперва в гостинице „Селект“, позже в подготовленной для него квартире в районе Самотечной площади. Я жил отдельно в гостинице, и Берия при необходимости вызывал меня по телефону. Должен сказать со всей ответственностью, что у меня никогда за все время общения с Берией не было с ним того, что называется душевной беседой. Берия никогда не говорил со мной по душам, никогда не посвящал меня в свои планы и намерения, за исключением текущих. Я мог только догадываться иногда по отдельно брошенным им замечаниям о том, что он намеревается делать.

В. Н. Меркулов

Меркулов сообщает о том, что после перевода Берии в 1938 году в Москву, он взял к себе ряд сотрудников, с которыми он работал в Грузии. И хотя Меркулов не хотел быть первым заместителем Берии в НКВД, но Берия настоял. Меркулов пишет:

« В конце 1938 г., когда Берия стал Наркомом в нудел СССР вместо Ежова и, несмотря на мои просьбы не делать этого, выдвинул меня своим первым заместителем, он в оперативной работе

все же опирался главным образом на Кобулова. Сейчас мне совершенно ясно, что Берия выдвинул меня на эту должность главным образом только потому, что я был единственным русским из его окружения. Он понимал, что назначить первым заместителем Кобулова или Деканозова он не может. Такие кандидатуры не будут приняты. Оставалась одна моя кандидатура. Думаю, что Берия понимал, по крайней мере, внутренне, что я не был приспособлен по своему характеру для этой должности, но другого выхода, видимо, у него не было.

Полагаю, что позднее, в 1941 г., выдвигая мою кандидатуру в качестве Народного комиссара госбезопасности в период кратковременного разделения НКВД на НКГБ и НКВД, Берия также исходил при этом из тех же самых соображений. Вскоре после начала Великой Отечественной войны, как известно, НКВД и НКГБ вновь объединились. Я опять занял должность первого заместителя Наркома внутренних дел СССР. Однако должен сказать, что, как и раньше, целый ряд поручений Берия давал, минуя меня, непосредственно Кобулову, Фитину и другим работникам. Сейчас можно назвать это бесцеремонностью по отношению ко мне или же методом работы, но факт остается фактом.

В. Н. Меркулов
»

Находясь на работе в спецслужбах, В. Н. Меркулов, тем не менее, написал две пьесы для театра. Первая пьеса, написанная им в 1927 году, посвящена описанию борьбы американских революционеров. Вторую, «Инженер Сергеев», В. Н. Меркулов написал в 1941 году под псевдонимом Всеволод Рокк, о подвиге рабочего, ушедшего на фронт. Пьеса шла во многих театрах Советского Союза.

Сын В. Н. Меркулова, профессор Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ) Рэм Всеволодович Меркулов, рассказывал:

« Отец вспоминал, как в конце войны в Кремле проходил прием, на котором присутствовали Сталин, члены Политбюро, военные, писатели, артисты. Как руководитель госбезопасности отец ста-

рался находиться рядом с Иосифом Виссарионовичем. В какой-то момент Сталин подошел к группе артистов и завел с ними разговор. И тут одна артистка с восхищением воскликнула, мол, какие прекрасные пьесы пишет ваш министр (к тому времени наркомат госбезопасности был переименован в министерство). Вождя это очень удивило: он действительно не знал, что отец пишет пьесы, которые идут в театрах. Однако Сталин не пришел в восторг от такого открытия. Наоборот, обращаясь к отцу, он строго произнес:

— Министр государственной безопасности должен заниматься своим делом — ловить шпионов, а не писать пьесы.

С тех пор папа уже никогда не писал: как никто другой, он знал, что слова Иосифа Виссарионовича не обсуждаются.

С 1943 по 1946 год Меркулов был наркомом государственной безопасности СССР. Он стал напрямую общаться со Сталиным, но в 1946 году его заменил В. С. Абакумов. Меркулов пишет:

« Ряд случаев убедил меня в том, что Абакумов, карьерист и интриган, хитро и тонко чернит меня перед товарищем Сталиным. Ловко используя против меня известное провокационное шахуринское дело, Абакумов в мае 1946 г. стал министром госбезопасности СССР. Сумев обманным путем войти в доверие к товарищу Сталину, Абакумов перестал считаться с членами Политбюро, и Берия, насколько я заметил, стал бояться Абакумова как огня. Поэтому в качестве председателя комиссии по приемке-сдаче дел МГБ Берия фактически потворствовал пропискам Абакумова, который в процессе приемки от меня дел всячески старался найти против меня какие-либо материалы, а не найдя материалов, вынужден был извращать факты. Я не имел возможности защищаться документально, опровергнуть „материалы“ Абакумова, так как аппарат МГБ был уже в руках Абакумова. Я должен был ограничиться тем, что акт сдачи дел подписал с обширными замечаниями.

У меня тогда сложилось твердое мнение, что Берия смертельно боится Абакумова и любой ценой старается сохранить с ним

хорошие отношения, хотя точно знает, что Абакумов — нечестный человек.

Процесс сдачи дел МГБ затянулся на 4 месяца, и только в августе 1946 г. вышло известное решение ЦК обо мне в связи с моим освобождением от работы в МГБ. Я был назначен затем заместителем начальника Главсовзаграницмущества и уехал за границу. Это назначение состоялось по инициативе товарища Сталина. Я расценивал его как выражение доверия со стороны товарища Сталина, учитывая, что я был послан за границу, несмотря на освобождение с такого поста, как министр госбезопасности СССР. Настроение у меня было самое отличное. Я всей душой отдался новому делу, старался быстрее его освоить. Освобождение от работы в МГБ, где мне было, особенно последнее время, так тяжело, радовало меня, а не огорчало.

Однако я полагал, что история с моим уходом из МГБ доставила Берии ряд неприятных моментов. Берия сам говорил мне, что из-за меня он имел от товарища Сталина много неприятностей. И хотя, как было сказано выше, Берия в период приемки и сдачи дел МГБ занимал не очень благожелательную ко мне позицию, тем не менее, находясь в Румынии в 1946 г., вдали от родины, под влиянием минуты я написал ему под Новый год теплое, несколько „литературное“ письмо, полагая, что оно несколько сгладит оставшийся у Берии, возможно, неприятный осадок от всего этого дела. Мне теперь стыдно за это письмо, и я краснею от внутреннего негодования на себя, вспоминая, какие теплые слова я адресовал Берии, этому авантюристу и проходимцу.

В. Н. Меркулов
»

В заключение одного из своих покаянных писем Меркулов написал:

« Думая о том, что произошло, хочется проклясть день и час моего знакомства с Берией, с этим авантюристом, врагом Партии и народа, своим преступлением запятнавшим биографии десятков и сотен честных людей, которые волею сложившейся обстановки были когда-то в какой-то степени близки к нему.

В. Н. Меркулов
»

Однако были и другие показания об отношениях Меркулова и Берии. Вот фрагмент ответа Деканозова на допросе:

« С назначением Берии на должность секретаря ЦК Компартии Грузии по инициативе Берии ряд работников органов ГПУ, в том числе я и Меркулов, были переведены на работу в ЦК. Меркулов уже тогда пользовался большим доверием Берии. При выездах Берии в командировки в Москву он всегда брал с собой Меркулова. Из лиц, которых приблизил к себе Берия в те годы, я не знаю более близкого к Берии человека, чем Меркулов. Берия даже называл его ласкательно „Меркулич“. В 1938 году, с переездом Берии в Москву, он забрал с собой и Меркулова. »

В. Г. Деканозов

Несмотря на болезнь Меркулова и написанные им покаянные письма, он был вызван в сентябре на очередной допрос и арестован. Родные уже больше его не видели. Г. М. Маленков и Н. С. Хрущёв сочли, что Меркулов был слишком близок к Берии, он принимал участие в репрессиях, и его немедленно приписали к «банде Берии». Вина Меркулова заключалась, прежде всего, в том, что он был выдвиженцем Берии.

Вторым в расстрельном списке «подельников Берии» был Владимир Георгиевич Деканозов. Он родился в Баку в 1898 году в семье контролера нефтяного управления. Начальное образование получил в первой Тифлисской гимназии. Учился на медицинских факультетах Саратовского и Бакинского университетов. В марте 1918-го года был бойцом Красной Армии. В 1919 году в бакинском подполье судьба Деканозова свела с Берией.

В мае 1920 года Деканозов вступает в ряды РКП(б). В начале 1921 года Берия и Деканозов состоят в разведке 11-й Красной армии. В Азербайджанской ЧК, куда привлёк его Берия, Деканозов назначается уполномоченным отдела по борьбе с бандитизмом. Став зампредом Азербайджанской ЧК и начальником секретно-осведомительной части (СОЧ), Берия берет к себе секретарем Деканозова.

С ноября 1922-го Берия становится заместителем председателя Грузинской ЧК. Деканозов у него секретарь. Дальше шло все

почти также. Берия становится председателем Закавказской ЧК, Деканозов становится его заместителем.

В ноябре 1931 года Берия назначается первым секретарем ЦК КП Грузии. Меньше чем через месяц В. Г. Деканозов — секретарь ЦК Грузии по транспорту. Еще через год Берия становится секретарем ЦК Закавказского крайкома, Деканозов опять работает под его покровительством.

После перевода Берии в 1938 году в Москву, Деканозов также переводится в Москву вслед за Берией. В НКВД он отвечает за работу внешней разведки, а с ноября 1938 года и за контрразведку. После назначения 3 мая 1939 года В. М. Молотова наркомом иностранных дел, Деканозов назначается заместителем министра иностранных дел, а с 24-го ноября 1940 года по 22-е июня 1942 года Деканозов — посол Советского Союза в Германии.

В марте 1941 года Деканозов информирует Советское правительство о предполагаемом нападении фашистской Германии на Советский Союз. Он сообщает:

« В середине января в Варшаву прибыли части четвертой армии из Франции, которые разместились в окрестностях Варшавы и ближе к границе. Ежедневно на восток идут поезда с вооружением (орудия, снаряды, автомашины и строительные материалы).

К письму Деканозов приложил немецко-русский разговорник, выпущенный для солдат вермахта, поясняя:

— Есть данные, что такими книжечками снабжены все германские солдаты на германо-русской границе.

Однако, как известно, Сталин не верил в приближение войны с Германией.

В годы войны Сталин достаточно холодно относился к Деканозову, хотя тот оставался членом ЦК ВКП(б), и 14-го июня 1943 года Сталин возвел Деканозова в ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР.

Карьеру Деканозову подпортило его увлечение женщинами. Говорили, что он соблазнил дочь высокопоставленного деятеля, близкого к В. М. Молотову. Деканозов получил партийное

взыскание и в сентябре 1947 года был переведен на должность заместителя начальника Главного управления советского имущества за границей при Совете Министров СССР, которое возглавлял Меркулов. Это управление, ко всему прочему, занималось вывозом трофейного имущества, большей частью для высшего начальства, забирая из поверженной Германии в СССР машины, картины, антиквариат и мебель.

С октября 1949 по июнь 1952 года Деканозов занимает незначительные должности: члена Постоянной комиссии по внешне-экономическим связям между СССР и Народной Республикой Болгария и члена Комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР.

После смерти Сталина 10-го апреля 1953 года Берия назначает В. Г. Деканозова министром внутренних дел Грузинской ССР, но 30-го июня того же года Деканозова арестовали. На допросе Деканозов нелестно отзывался о своем покровителе:

— Берия проявил себя во всем как карьерист, властный и злобный человек, его отличали вероломство и мстительность.

Сам Берия о Деканозове, впрочем, как и о многих других своих помощниках, отзывался лучше и не подчеркивал их близость к себе.

Третьим в расстрельном списке сообщников по делу Берии шел Богдан Захарович Кобулов. Их было два брата, которые работали в спецслужбах Советского Союза: старший Богдан и младший Амаяк.

Богдан родился в 1904 году, окончил городскую гимназию в Тифлисе. Прослужив около года в РККА, поступил в 1922 году в Грузинскую ЧК, где и сделал карьеру под руководством Берии. Богдан стал членом РКП (б) в 1925 году.

С 1931 года Богдан Кобулов на руководящих постах в Секретно-политическом отделе Главного политического управления (ГПУ) Грузии. В 1935 году его командировывают в Персию для ведения разведывательной работы. С февраля 1936 года

Б.З.Кобулов становится начальником экономического отдела управления государственной безопасности НКВД Закавказья.

В середине 1938 года Б.Кобулов занимал должность заместителя наркома внутренних дел Грузии. В 1937–1938 годах он вместе с наркомом Гоглидзе вел заседания и подписывал протоколы «тройки». Только под его председательством «тройка» НКВД Грузии приговорила к расстрелу 1233 человека.

В сентябре 1938 года Богдан Кобулов вслед за Берией переезжает в Москву, где получает звание старшего майора ГБ и возглавляет Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности.

В декабре 1938 года Б.З.Кобулов руководил следственной частью НКВД, а в 1939 году становится начальником Главного экономического управления НКВД.

В феврале 1941 Б.З.Кобулова выдвигают на должность заместителя наркома госбезопасности, а после слияния наркоматов в июле он становится заместителем наркома внутренних дел.

Генерал госбезопасности Е. П. Питовранов вспоминал:

« В министерстве многое изменилось: мы перестали работать до зари. Другой стала и сама обстановка. Берия был Хозяином, вокруг которого копошилась мелюзга. Даже своего ближайшего заместителя — Богдана Кобулова — он вызывал к себе не по телефону, а как секретаря, нажимая кнопку звонка. Тучный, огромный Богдан обрывал разговор на полуслове, вскакивал и бегом мчался к шефу.

Сам министр и люди из его окружения вели себя так, будто им дозволено все. Один из моих товарищей рассказывал мне характерную для того времени историю. Он принес на подпись Кобулову документ, который готовили к отправке в ЦК. Обычный — просим утвердить такого-то в должности. Подпись: „Заместитель министра внутренних дел Б. Кобулов“. Богдан пробежал глазами бумагу и сказал:

— Не пойдет. Переделать.

Ошибок в документе не было. Что-то подправили, принесли снова. Та же история. То же и в третий раз. Наконец ребята догадались, что дело в подписи. Документ перепечатали в четвертый раз, и подпись там стояла: „Б. Кобулов“.

— Теперь правильно, — сказал Богдан, — в ЦК и так знают, кто такой Кобулов.

В феврале 1943 года Б. З. Кобулову было присвоено звание комиссара ГБ 2-го ранга. С апреля 1943 года Б. З. Кобулов работает в должности первого заместителя наркома госбезопасности СССР.

В 1944-м на него буквально посыпались высшие награды страны: в начале года за операцию по депортации чеченцев и ингушей он получает орден Суворова I степени. За очистку Крымской АССР от «антисоветских элементов» (крымских татар, болгар, греков, исламизированных армян-амшенков) и выселение «немецких ставленников» из Кабардино-Балкарии 15-го июля Б. З. Кобулов удостоился ордена Красного Знамени, а за выселение турок и курдов — ордена Отечественной войны I степени.

В июле 1945 году Б. З. Кобулов становится генерал-полковником.

30 ноября 1945 года, неожиданно для Б. З. Кобулова, Берия с Маленковым, без объяснения причин, объявляют ему, что он снят с должности. Утром следующего дня он пишет слезное письмо Сталину, клятвенно заверяя вождя в личной преданности. И тот позволяет ему баллотироваться и быть избранным в феврале 1946 года в Верховный Совет СССР с указанием должности первого заместителя наркома ГБ, которой он уже не имел.

Наконец, Богдана Кобулова пристраивают заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей по контролю за советскими предприятиями в Германии. На XIX съезде партии в 1952 году он избран членом ЦК.

В марте 1953 года Богдан Кобулов оставляет свой пост в ГДР, возвращается в Советский Союз и назначается первым заместителем Берии.

Как мы уже написали выше, 4-го апреля 1953 года Берия подписывает беспрецедентный для его ведомства приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». В этом приказе осуждается «жестокое избиение арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер». Приказ вышел за подписью Берии, но готовил этот приказ Богдан Кобулов.

Известно, что Берия имел трех первых замов: Круглова, Серова и Кобулова. Б.З.Кобулов считался «человеком Берии» и был самым опасным человеком для Хрущёва и Маленкова.

27-го июня 1953 года Богдан Кобулов был вызван в ЦК КПСС на Старую площадь для обсуждения вопроса о кадровых назначениях. Он не знал, что Берия уже арестован. На Старой площади Б.З.Кобулова также арестовали.

На допросе 8-го июля 1953 года бывший начальник секретариата Берии Б.А.Людвигов рассказал, что Богдан Кобулов, «воспитанник Берии, был наиболее предан ему и беспрекословно выполнял все его требования и распоряжения».

На допросе 11-го августа 1953 года Б.З.Кобулов показывает:

« После смерти И.В.Сталина вероломство Берии проявилось во всю ширь. По всему чувствовалось, что у Берии в отношении И.В.Сталина сказывается какая-то злоба, да и не только к нему, но даже к его детям. Когда по делу Василия Сталина стало известно, что тот помышляет встретиться с иностранцами и рассказать им о своем положении после разжалования, Берия приказал мне установить оперативную технику за ним.

Б.З.Кобулов

»

Четвертым в списке «подельников Берии» оказался генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе. Гоглидзе родился в семье крестьянина в 1901 году в селе Корта Кутаисской губернии.

В 1911–1915 годах учился в коммерческом училище в Кокан-де, затем в 1915–1917 годах в Ташкенте. С января 1918 года служил рядовым в РККА.

В 1919 он стал членом партии, в октябре 1919 года Гоглидзе — делопроизводитель, затем — помощник коменданта, инспектор — ревтрибунала Туркестанского фронта.

В 1921 году начал службу политработником в войсках ВЧК. Служил в Средней Азии: начальником политсекретариата войск ВЧК Туркестана и военкомом тридцать седьмой бригады ВЧК. В марте 1923 года С. А. Гоглидзе направлен в Закавказскую ЧК, где и встретился с Л. П. Берией. Был инспектором по организационной работе Закавказской ЧК, начальником политотдела войск ГПУ по Закавказью, заместителем начальника Управления пограничной охраны войск ГПУ.

С 11-го ноября 1934 по 1-е января 1937 года был начальником управления внутренних дел Грузинской ССР, с 1-го января 1937 года по 14-е ноября 1938 года наркомом внутренних дел Грузинской ССР. Он был председателем так называемой тройки по Грузинской ССР. После самоубийства начальника управления НКВД по Ленинградской области М. И. Литвина 12-го ноября 1938 года Гоглидзе стал начальником управления НКВД в Ленинграде.

Мне было интересно узнать: были ли участниками «троек» такие «уважаемые люди», как Н. С. Хрущёв и Р. А. Руденко. Увы, они также входили в их состав. Никита Сергеевич входил в «тройку» Московской области как первый секретарь обкома партии, а будущий генеральный прокурор Р. А. Руденко состоял в «тройке» Донецкой области как областной прокурор.

В архиве А. Н. Яковлева содержится документ № 144, в котором говорится:

« Решения об утверждении состава троек принимались Политбюро ЦК ВКП(б), начиная с 5-го июля 1937 г. согласно кандидатурам, представленным с мест. Как правило, в состав тройки на правах председателя входил руководитель регионального НКВД

или его заместитель, членами тройки утверждались руководители или представители партийных органов и прокуратуры или суда.

Именно члены троек, поименованные в приказе НКВД № 00447 или утвержденные после его выхода, несут персональную ответственность за проведенные в рамках этого приказа бесчеловечные массовые репрессии — расстрелы и направление в лагеря ГУЛАГа сотен тысяч людей. Точнее сказать, граничной датой можно считать день начала массовой операции в конкретном регионе (5 августа или позднее). Но, разумеется, наиболее достоверным критерием следует считать наличие или отсутствие подписи того или иного члена тройки на протоколах решений троек, сохранившихся в архивах региональных органов безопасности.

Документ № 144

С апреля 1941 года по 31 июля Гоглидзе — уполномоченный СНК СССР в Молдавской ССР. С началом войны он вернулся в НКВД. С 31-го июля 1941 года по 3-е января 1951 года Гоглидзе — начальник управления НКВД и уполномоченный НКВД по Хабаровскому краю и Дальнему Востоку.

В 1951-м он — министр госбезопасности Узбекской ССР, в 1952–1953 годах — начальник главного управления и первый заместитель министра госбезопасности МГБ СССР.

12-го марта 1953 года Берия назначил Гоглидзе начальником третьего управления (военная контрразведка) МВД СССР.

Те, кто были арестованы как члены «банды Берии», конечно, как и сам Лаврентий Берия, были люди совсем неоднозначные.

Вот мнение ветерана Великой Отечественной войны, подполковника в отставке И. Т. Ведя о С. А. Гоглидзе, которого он знал по совместной службе на Дальнем Востоке. И. Т. Ведя пишет:

В журнале „Аргументы времени“ № 4 за 2010 год напечатан замечательный рассказ „Гроссмейстер тайных операций“ о талантливейшем человеке С. А. Гоглидзе, в подчинении которого мне довелось служить в 1941–1951 годах. За это время я дважды

повышался по службе, вначале в 1942 году был назначен на должность начальника пеленгаторной станции № 951 в г. Магадан, а в 1944 году — на должность заместителя по оперативной работе части РКС № 92 в г. Благовещенске.

Я хочу отметить человечность товарища Гоглидзе. Занимая столь высокий пост — начальника УКГБ Хабаровского края и Уполномоченного КГБ Сибири и Дальнего Востока, он не гнушался делами местного масштаба. Когда он приехал в г. Хабаровск, улица Волочаевская, где расположено здание УНКГБ, была грунтовой, без твёрдого покрытия. По середине улицы журчал ручей сточных вод. Гоглидзе с трудом заехал в гараж под зданием Управления на легковом автомобиле.

Буквально за две-три недели улица Волочаевская от улицы Карла Маркса до улицы Ленина была покрыта брусчаткой.

Как-то собрался Гоглидзе посмотреть свой подчинённый объект в селе Чёрная речка. Но смог проехать только до одиннадцатого километра, дальше машина не пошла, застряла в грязи. Вытаскивали её трактором. Несмотря на военное время, Гоглидзе сумел найти средства и рабочую силу, чтобы по существу построить хорошую шоссейную дорогу с гравийным покрытием от города Хабаровска до села Князеволконское всего за два-три месяца. Эта дорога имела стратегическое значение, так как большинство воинских частей располагалось за рекой Сита.

Кроме этого, Гоглидзе был очень заботливым начальником. В то время на ДВК не было фруктов в продаже. Он обязал начальника АХО Шендерова обеспечить каждого сотрудника определённым количеством свежих яблок и сухофруктов, что явилось добавкой к продовольственным карточкам.

С любым вопросом можно было подойти к С. А. Гоглидзе, он готов был прийти к сотруднику на помощь. Особенно, когда это касалось каких-то семейных проблем. С. А. Гоглидзе был редкой породы человек: волевое лицо, умнейший взгляд красивейших голубых глаз, как бы просвечивал тебя насквозь. К тому же — отличный организатор, стратег и тактик, который свои

лучшие качества употребил в годы Великой Отечественной войны. Проявив находчивость и, действительно, „гроссмейстерскую“ изобретательность, он предотвратил развязывание войны японцами на Дальнем Востоке в тот период, когда все силы были брошены на борьбу с немецкими ордами.

20-го июня 1953 года Гоглидзе во главе оперативной группы МВД прибыл в ГДР для участия в ликвидации восстания, однако в ночь с 26 на 27 июня 1953 года он был арестован начальником Генерального штаба маршалом Советского Союза В. Д. Соколовским по «делу Берии» и вывезен самолетом в Москву. Ордер на арест был выписан Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко задним числом.

На допросах Гоглидзе держался достойно. Следователь Терехов пытается получить от Гоглидзе компромат на Берия, но Гоглидзе, кроме того, что Берия назначал ответственных сотрудников МВД без согласования с ЦК, и того, что у Берии были многочисленные связи с женщинами, ничего не рассказал.

Дальнейшую работу с Гоглидзе поручили вести представителю Главной военной прокуратуры полковнику юстиции Кульчицкому. Кульчицкий поправил дело. Он подобрал материалы репрессий в Грузии, где Гоглидзе был руководителем НКВД в 1934–1938 годах.

О прямой связи Гоглидзе с репрессиями в Грузии в ходе следствия показали секретарь «тройки» при НКВД Грузии Морозов и начальник тюрьмы НКВД Грузии Надарая. Бывшие следственные работники Кварикашвили, Кримян и Хазан, осужденные в 1955 году за подобные преступления, показали, что издевательства и пытки над арестованными проводились с ведома Гоглидзе. Это же подтвердил работник следственного аппарата Савицкий, также осужденный в 1955 году. «Преступные действия» Гоглидзе на посту руководителя НКВД Грузии, кроме того, подтвердили Цанава и Каранадзе.

Гоглидзе обвинили в преступлениях, предусмотренных статьями 58-16, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Специальным судебным

присутствием Верховного суда СССР 23-го декабря 1953 года он приговорен к высшей мере наказания.

Через 30 с лишним лет — 29 октября 1984 года — не менее страшная участь постигла жену и дочь расстрелянного генерала.

В книге Ф. Раззакова «Н. Щёлоков и судьба семьи Гоглидзе» дается следующее описание этой трагедии:

« В тот день в одном из домов подмосковного поселка Малаховка были найдены трупы двух престарелых женщин. Оперативная группа, которую возглавлял заместитель начальника управления уголовного розыска ГУВД Мособлисполкома А. Бутырских, прибыла на место происшествия после того, как там уже поработали эксперты. Последние установили, что смерть обеих женщин наступила в результате сильных ударов по голове тупым тяжелым предметом.

С первого взгляда стало видно, что преступники что-то искали в квартире, хотя большое количество ценной утвари буквально бросалось в глаза. Дом, что называется, ломился от уставленных хрусталем горок, фарфоровых сервизов, ваз и прочего антиквариата. На стене висела гравюра, которая могла бы вполне обеспечить грабителям безбедную жизнь на долгие годы. Однако ни один из этих предметов не был тронут. Преступникам нужно было что-то другое, видимо, не менее ценное, чем эта роскошь. После тщательного осмотра квартиры сыщики установили: бандиты проникли в дом через форточку. Это указывало на то, что их комплекция и возраст были далеки от пенсионного.

Была опознана и личность погибших, после чего отпала необходимость объяснять, откуда у двух скромных бабушек столько антиквариата.

Летом 1953 года, когда С. Гоглидзе арестовали, его ближайшие родственники сразу поняли, какой приговор ему может быть вынесен. Спасти главу семейства возможности уже не было, а вот имущество, нажитое им за 30 лет службы в НКВД, можно. И супруга арестованного, Евлалия Федоровна, приложила все силы

и умение, чтобы не отдать свое добро в руки конфискантов. В течение нескольких лет после расстрела мужа она писала слезные письма на имя Генерального прокурора СССР Р. Руденко, секретаря ЦК Г. Маленкова, первого секретаря ЦК Н. Хрущёва и в конце концов добилась своего.

И все же, оградив свое баснословно дорогое имущество от посягательств государственных чиновников, мать и дочь Гоглидзе так и не смогли спасти его от посягательств обычных уголовников. В результате это стоило им жизни.

Одна из домработниц, служившая в их доме, имела 32-летнего любовника, некоего Апухтина. Ему она и поведала однажды о том, в каком богатом доме ей приходится работать. Он в свою очередь рассказал об услышанном квартирному вору Крекшину. Тот к тому времени значился во всесоюзном розыске и мечтал проверить какое-нибудь крупное дельце, после которого можно было бы раз и навсегда „лечь на дно“. Рассказ Апухтина о двух старушках, обладавших несметными сокровищами, настолько „завел“ Крекшина, что он готов был пойти даже на „мокрое дело“.

29 октября 1984 года Крекшин и Апухтин проникли в дом к двум ничего не подозревавшим старушкам и хладнокровно расправились с ними. Всю черновую работу взял на себя Крекшин, который убил женщин с помощью обыкновенного кирпича, прихваченного на улице. Убив хозяек, преступники не стали брать стоявший вокруг них антиквариат, а прихватили лишь один чемоданчик, доверху набитый изделиями из золота, серебра и платины.

Преступление было совершено настолько бесхитростно, что уже в первые сутки московские сыщики вышли сначала на Апухтина, а затем и на его дружка — Крекшина. Правда, первого по месту прописки не оказалось, и пришлось попотеть, прежде чем вычислить место проживания его любовницы. Как только адрес был установлен, тут же за квартирой организовали круглосуточ-

ное наблюдение. Через некоторое время грабители сами пришли в предназначенную для них ловушку. Их взяли чисто, без излишнего шума и суеты. К тому времени со дня преступления прошло чуть более двух суток.

Пятым членом в списке «подельников Берии» был генерал-лейтенант Петр Яковлевич Мешик. Он был самым молодым среди всех расстрелянных генералов и единственный среди них, кто принимал участие в работе по советскому атомному проекту. Кроме того, он был, пожалуй, самым «притянутым» к этой группе. Не случись назначения П. Я. Мешика министром внутренних дел Украины, его, вероятно, вообще бы не тронули.

П. Я. Мешик родился в городе Конотопе в 1910 году в семье служащих. В 1918 году пошел в семилетнюю школу, которую окончил в 1925 году. После окончания школы до 1930 года работал слесарем на механическом заводе. В 1927 году окончил фабрично-заводское училище при заводе. С 1925 года Мешик — член ВЛКСМ. В ноябре 1930 года вступил в члены ВКП(б).

В октябре 1931 года Мешик поступил на первый курс Самарского энергетического института, но институт не закончил. В марте 1932 года партийные органы его направили на работу в ОГПУ. С апреля 1932 года по февраль 1933 года он — курсант Высшей школы ОГПУ.

После окончания школы ОГПУ П. Я. Мешик стал работать в центральном аппарате НКВД, занимая вплоть до 15-го сентября 1937 года должности помощника уполномоченного и оперуполномоченного экономических подразделений и контрразведки. С 15-го сентября 1937 года П. Я. Мешик занимал руководящие должности: помощника начальника отделения, помощника начальника следственной части НКВД, начальника следственной части главного экономического управления НКВД. С 26-го февраля по 31-го июля 1941 года Мешик — нарком госбезопасности Украинской ССР.

Во время войны он до 19-го апреля 1943 года — начальник экономического управления НКВД, с 19-го апреля до 17-го декабря

1945 года заместитель начальника главного управления контрразведки. Со 2-го мая по 4-е июля 1945 года он одновременно заместитель первого Украинского фронта по делам администрации и с 5-го марта по август 1945 года — советник при Министерстве Временного правительства Польши.

В 1945 году Берия привлек Мешика к работе в советском атомном проекте. Он был заместителем начальника Первого главного управления по режиму, с 20-го августа 1945 года по 16-е марта 1953 года Мешик обеспечивал секретность проводимых работ. За участие при испытаниях первой советской атомной бомбы П. Я. Мешик награжден орденом Ленина, за испытания второй бомбы в 1951 году ему присуждена Сталинская премия.

В книге «Плутониевая зона», основанной на документальных материалах, Михаил Петрович Грабовский так пишет о П. Я. Мешике:

« В ПГУ у Ванникова по штатному расписанию было несколько заместителей.

Если Завенягин, отвечавший за строительство промышленных объектов, официально считался первым заместителем, то последним (пятым по счету) числился Павел Яковлевич Мешик. Он отвечал за формирование кадров, а также за обеспечение охраны и режима секретности не только на промышленных объектах, но и во всех НИИ и КБ, работавших по заданиям ПГУ над созданием атомной бомбы.

Вскоре после перевода в ПГУ Мешику исполнилось тридцать пять лет. Он был самым молодым в руководящем аппарате атомного штаба. Отличался молчаливой дисциплинированностью. Всегда тщательно выбрит, аккуратно причесан. Правильные черты лица, бесстрастное выражение глаз, да и вообще весь облик производил впечатление чего-то стандартного, искусственного, не предназначенного для человеческой памяти. Единственное, что бросалось в глаза, — опрятная свежесть и невинная юность. И только чуть-чуть приподнятый левый угол сомкнутых губ мог подсказать опытному физиономисту, что скромный

молодой человек обладал огромными тайными знаниями в какой-то области, совершенно недоступной обычным людям, куда вход посторонним был решительно запрещен.

Центральную школу НКВД Мешик закончил с отличием в двадцать два года. А в тридцать уже был наркомом внутренних дел Украины.

Жизнь в кабинетах НКВД приучила Мешика к тщательно-му изучению порученного для разработки материала. Он считал себя обязанным освоить внешние контуры порученной задачи, не увлекаясь мелочами и копанием вглубь, поскольку по жизненному опыту считал любую проблему „вещью в себе“. Чем скрупулезнее и глубже изучаешь предмет, тем больше возникает вопросов и сомнений, мешающих принятию окончательного твердого решения.

Лекции по основам ядерной физики, которые организовал в ПГУ Курчатова для расширения кругозора руководящего персонала, Павел Яковлевич посещал аккуратно, слушал с повышенным вниманием. Потом в своем кабинете переписывал эти лекции начисто, иногда даже повторяя некоторые узловые моменты и выводы вслух.

Все лучшие организационные предложения возникали в голове Мешика не на шумных совещаниях или коротких оперативках, а в спокойной обстановке за письменным столом. Рождались под грифелем отточенного карандаша, которым он рефлексивно водил по поверхности чистого листа.

Через пять минут в верхней части прямоугольника появились три квадрата, обозначенные им буквами А, Б и В. Они символизировали три основных завода, необходимых для получения плутониевого сердечника: атомный реактор, радиохимия и металлургия.

Каждый квадрат тут же „осмыслен“ вокруг штрих-пунктирной линией — это охраняемая зона каждого из заводов. Бетонный забор, проволока, сигнализация, вышки с автоматчиками.

Расстояние между заводами — двойной стрелкой — два-три километра. Лес между объектами не трогать! Подъездные пути — отдельные. В совокупности три утопающих в естественной зелени объекта вместе с насосными станциями на берегу Кызыл-Таша — это запретная промышленная зона.

Юго-западнее, в десяти километрах, Мешик расположил на поселение и ночной отдых главный трудовой элемент великой стройки — лагеря заключенных. Сколько их будет? Восемь, десять? Вероятнее всего, тысяч двадцать заключенных. Здесь вроде было все ясно: отработано за предыдущие годы советской власти на многочисленных „стройках века“.

Наконец, еще южнее Павел Яковлевич нарисовал ряд квадратов и прямоугольников, выстроившихся в два-три ряда, разделенных стрелками улиц. Населенный поселок, жилгородок, предназначался для проживания вольнонаемных рабочих и специалистов. В этой части тоже должен торжествовать строгий контроль, идеальный общественный порядок. Может быть, его тоже оградить колючей проволокой?

Мешик отклонился к спинке стула и глубоко задумался. Он понимал, что в русском народе кем-то свыше заложена страсть к разрушению всего, что тот сам создавал талантливым, пытливым умом и умелыми руками.

Мешик давно уразумел простую истину организации общественной жизни в этой великой стране. Если желаешь, чтобы молодые деревца в новом скверике прижились и пошли в рост, чтобы они не были смяты, передавлены и вырваны с корнем в начальный период их жизни, — их надо окружить хотя бы невысокой оградкой.

Если же речь идет о парке с большими деревьями и зеленой травой для отдыха, то и ограда нужна повыше, потяжелее.

Чем крупнее масштаб и значимость ограждаемого, тем серьезнее и продуманнее надо отнестись к самому ограждению.

А в данный момент Мешик решал вопрос о том, как лучше сохранить в подконтрольной чистоте и узаконенном порядке целый поселок на несколько десятков тысяч жителей.

Да что там говорить о поселке! При намеченном финансировании можно построить там настоящий сказочный город-мечту.

Мешик позволил себе пофантазировать и заглянуть в будущее...

Широкие улицы с яркими узорчатыми фонарями. Цветные дома с ажурными балконами. Стеклянные крыши спортивных бассейнов. Стерильные тротуары с белыми бордюрами. Небольшая, озелененная елями центральная площадь перед светлым домом Управления в греческом стиле с колоннами над широкой маршевой лестницей. А в центре площади — бронзовый памятник одному из вождей: Сталину или Берию. И кругом цветы, цветы. Да, такой город, конечно, надо будет оградить.

И Павел Яковлевич тут же дорисовал вокруг жилых квадратиков два ряда колючей проволоки с перепаханной полосой земли между ними. И засомневался. А правильно ли заключать за проволоку вольных, еще не осужденных трудовых людей? Психологически — неверно. Одно дело — промзона и лагеря. Другое — жилгородок. Чутье опытного чекиста и человековеда подсказывало Мешику, что в этом решении была какая-то внутренняя неувязка.

Карандаш пошел ползать по бумаге без целенаправленного задания. А мысль параллельно работала в поисках гармонии.

Работа в ПГУ предоставила ему такую возможность. Она доставляла какое-то чувственное наслаждение, особенно если сопровождалась открытиями и находками. Так было и в этот день. Озарение приходит, если мозг упорно работает над поставленной задачей. Да, ограждаемая жилзона в принципе неприемлема. Охраняемый периметр должен охватывать все! Проволока вокруг

всего города! Вокруг всего государственного объекта № 1 с условным и скромным названием. Например, „База № 10“.

И в этом случае не будет никакого нравственного противоречия. Жилпоселок как бы и на свободе. Зато вся зона целиком — на замке, за проволокой. И ни один человек, ни один зверь — ни туда, ни оттуда! Только через охраняемую проходную. Только по пропуску и специальному разрешению.

16-го марта 1953 года Берия освободил Мешика от заместителя начальника ПГУ и назначил министром внутренних дел Украинской ССР.

Историк Иосиф Тельман в газете «Секрет» так описывает пребывание П. Я. Мешика и его заместителя Соломона Мильштейна на Украине:

« За день до похорон Сталина Соломона вызвал Берия и с ходу сообщил, что министром внутренних дел Украины назначен Мешик, его первым заместителем, он, Мильштейн.

— У тебя нет возражений? — спросил Лаврентий Павлович.

Возражений не было. Новый глава МВД Украины со своим первым заместителем отправились в Киев. Перед отъездом с обоими побеседовал Берия и дал детальные наставления. Указал на необходимость обратить особое внимание на положение в западных областях Украины. По сути, там идет гражданская война. И решить там проблемы с помощью только репрессий не удастся (с 1944 по 1952 год подверглось репрессиям до 500 тысяч человек, убито 153 тысячи человек, выслано за пределы УССР 203 тысячи). Корень зла Берия видел в том, что проводилась руссификаторская политика и открыто выражалось недоверие местным кадрам. По мнению Лаврентия Павловича, это подпитывает националистическое подполье и ведет к расширению борьбы.

Мешик и Мильштейн появились в МВД республики неожиданно, во всяком случае, для рядовых сотрудников это был гром среди ясного неба. Они вошли в свои новые кабинеты и приступили к работе еще до того, как их формально утвердил ЦК КП Украины.

М. П. Грабовский

И. Тельман

Мешик, впервые появившись на заседании президиума ЦК Компартии Украины, удивил всех присутствующих, выступив на украинском языке. До этого все заседания проводились на русском языке. Поскольку сам Мешик знал украинский язык далеко не в совершенстве, он почти ежедневно занимался с полковником Иваном Шорубалко. Тот имел у чекистов репутацию крупного специалиста по борьбе с националистическим подпольем. Вместе с тем прекрасно владел родным языком. Полковник готовил для министра доклады и сообщения на украинском языке, даже отрабатывал с ним украинскую бытовую лексику. Вскоре были заменены начальники ряда ведущих подразделений МВД Украины.

П. Я. Мешика арестовали в Киеве 30-го июня 1953 года и переправили в Москву. Он осужден Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР к высшей мере наказания на основании 58-й статьи по «делу Берии».

29 мая 2000 года Военная Коллегия Верховного Суда РФ переквалифицировала состав преступления Мешика на статью 193 «Превышение власти и злоупотребление служебным положением, повлекшее тяжёлые последствия», расстрел заменен 25 годами заключения без конфискации имущества.

30 июня 1953 года в Киеве был также арестован Соломон Мильштейн.

Сын Берии Серго писал, что якобы Мильштейна не смогли взять живым. Когда он увидел, что хотят арестовать, предупредил — не допустит. В завязавшейся перестрелке застрелил несколько человек и был убит.

В ряде публикаций можно встретить утверждения, что Соломон Мильштейн — единственный из соратников Берии, кто оказал вооруженное сопротивление при аресте. Но это миф. Мильштейн никакого сопротивления при аресте не оказывал.

В книге бывшего сотрудника МВД Украины Георгия Санникова «Большая охота» (М.: Олма-Пресс, 2002) рассказывается, как живого Соломона Мильштейна после ареста везли в Москву:

« Мильштейн без удивления воспринял факт ареста в его рабочем кабинете. Был он в военной форме генерал-лейтенанта. Выражение лица было спокойным. Он как будто ждал ареста. Как только сели в самолет, он тут же попросил поесть. В самолете, кроме самого Мильштейна, находилось три офицера и несколько солдат, расположившихся в хвостовой части, которые после взлета стали подкрепляться гречневой кашей со свиной тушенкой. По всему самолету разнесся аппетитный запах. Офицерам, этапировавшим Мильштейна и не евшим с утра, есть не хотелось. А Мильштейн неожиданно попросил покормить его. Пришлось обращаться к солдатам. Те положили Мильштейну почти полный солдатский котелок, который генерал с удивительным спокойствием и с жадностью голодного человека полностью съел и завалился спать, устроившись на идущей вдоль борта длинной металлической скамье. Самолет был военно-транспортным.

Г. З. Савинков

»

Как видим, у генерала Соломона Мильштейна были крепкие нервы. Состоявшийся после ареста Берии и его соратников Пленум ЦК Компартии Украины в своем постановлении записал:

«Работа Мешика и Мильштейна была составляющей общего курса Берии на восстановление капитализма в СССР».

Следствие по делу Соломона Мильштейна тянулось довольно долго. Так, между прочим, ему предъявили обвинение в нарушении социалистической законности. А главное обвинение — участие в заговоре Берии с целью свержения советской власти, ну и, конечно, шпионаж, правда, в пользу кого, следователи и суд не указали.

Соломона Мильштейна 30 октября 1954 года судила Военная коллегия Верховного Суда СССР и приговорила к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 14 января 1955 года.

Шестым членом «группы Берии» был генерал лейтенант Лев Ефимович Влодзимирский.

Будущий гроза подследственных родился 13-го января 1905 года в городе Барнаул. Однако в анкетах Влодзимирский

писал год рождения 1903. По-видимому, он решил прибавить себе пару лет с целью поступления в Красную Армию.

По семейному преданию предки Л. Е. Влодзимирского были польскими революционерами, сосланные в Яицкую степь. Мать Л. Е. Влодзимирского была родом из казачьей семьи, а отец Емельян Троадьевич Влодзимирский имел звание ротмистра, но в 1905 году был уволен в запас и работал контролером на пассажирских поездах, но в 1914 году его снова призвали в армию, а семья переехала в Москву.

В 1917 году Л. Е. Влодзимирский окончил три класса высшего начального городского училища, затем школу 2-й ступени в Зарайске, где его отец служил уездным военным комендантом РККА.

На этом систематическое образование Л. Е. Влодзимирского завершилось. В 1924 году, дополнительно, он окончил вечерние общеобразовательные курсы при политуправлении Черноморского флота в Севастополе, а в 1930-м — вечернюю совпартшколу в Пятигорске.

Влодзимирский рано начал работать. В 1923 году он стал членом ВЛКСМ. С мая 1925 по май 1927 года он работал секретарем Кисловодского райисполкома, но в мае был уволен и лето 1927 года провел в Пятигорске в поисках работы. Только в сентябре 1927 года Влодзимирский устроился в уголовный розыск. В 1928 году он служил в Терском окружном отделе ГПУ, затем полтора года заведовал следственной группой уголовного розыска.

В апреле 1930 года Влодзимирский стал постоянно работать в Терском окружном отделе ОГПУ. В декабре 1931 года его приняли в члены ВКП(б) и направили в ОГПУ Северокавказского края. С июля 1934 года Влодзимирский стал уполномоченным секретно-политического отдела управления государственной безопасности НКВД Северокавказского края.

Став наркомом внутренних дел Н. И. Ежов начал подбирать кадры вместо тех, кто был тесно связан с Генрихом Ягодой. Он начал привлекать чекистские кадры с периферии, и 8-го

мая 1937 года в Москву перевели Влодзимирского. Приказом по наркомату его назначили заместителем начальника отделения в одном из отделов НКВД СССР. Задачей этого отделения стала борьба с бывшими оппозиционерами, которых теперь именовали не иначе как «троцкистско-бухаринской бандой шпионов и диверсантов».

31-го января 1936 года Влодзимирский получил звание лейтенанта ГБ. Не прошло и двух лет его работы в центральном аппарате НКВД, и 4-го ноября 1937 года его произвели в старшие лейтенанты ГБ.

Влодзимирский стал специализироваться на ведении следствия. Ему сразу же поручили ряд «важных и трудных дел». В конце 1937 года вместе с будущим министром госбезопасности Абакумовым он вел допросы секретаря Днепропетровского обкома Н. В. Марголина. Оба столь усердствовали в избиениях и пытках Марголина, что тот в отчаянии пытался повеситься в камере на изготовленной из платков веревке.

В апреле 1938 года Влодзимирский столь же усердно допрашивал уполномоченного НКВД в Таджикистане Я. А. Эйнгорна и редактора газеты «Туркменская искра» И. М. Рабиновича; в августе 1938 года — председателя Совнаркома Узбекистана Султана Сегизбаева. Под пытками добивался их признаний во «вражеской деятельности». Например, Рабинович признался, что руководителем «троцкистской организации» в Туркмении был именно он.

В сентябре 1938 года новым начальником секретно-политического отдела был назначен Богдан Кобулов. Он подобрал работников, проводивших следствие, и организовал в отделе следственную часть. Под началом Кобулова Влодзимирский быстро вырос до заместителя начальника следственной части второго главного управления ГБ, а с 22-го декабря 1938 года стал также помощником следственной части НКВД СССР, возглавляемой все тем же Б. З. Кобуловым. Влодзимирского повышают и в званиях: 25 февраля 1939 года ему присвоили звание капитана ГБ, а 14 марта 1940-го — майора.

В феврале 1941 года Влодзимирский возглавил следственную часть по особо важным делам НКГБ СССР. Он руководил следствием в 1941 году по делу «военных заговорщиков» (Ванникова, Локтионова, Рычагова, Смушкевича и др.). 12-го июля 1941 года Влодзимирский получил звание старшего майора ГБ. При объединении НКГБ и НКВД 20-го июля под началом Берии, Влодзимирский сохранил свой пост начальника следственной части.

Следственные приемы Влодзимирского ничем не отличались от тех, которые им использовались еще в ежовское время. Работавший тогда под его началом следователь В. Г. Иванов показал в 1956 году во время суда над Родосом:

« Я вызвал по указанию Родоса арестованного Локтионова и привел его на допрос в кабинет начальника следственной части НКВД Влодзимирского. Во время допроса Влодзимирский и Родос требовали от Локтионова показаний о его антисоветской работе. Локтионов не признал себя виновным. Тогда Влодзимирский и Родос приказали Локтионову лечь животом на пол и принялись поочередно на моих глазах избивать Локтионова резиновыми палками, продолжая требовать от него показаний об антисоветской деятельности. Избиение продолжалось длительное время с небольшими перерывами. Локтионов от ударов, от боли катался по полу, и ревел, и кричал, что он ни в чем не виноват. Во время избиения Локтионов лишился сознания, и его откачивали водой. »

В. Г. Иванов

После ареста в 1953 году Влодзимирский признал свое участие в следствии по делу военных в 1941 году. Избиения происходило у него в кабинете, бил и сам Влодзимирский, используя резиновую палку:

«Я помню, что один раз сильно побили Рычагова, но он не дал никаких показаний, несмотря на избиение».

В октябре 1941 года Влодзимирский покинул Москву, отправившись в Краснодарский край, где возглавлял девятое управление оборонительного строительства. В августе 1942 года Берия по

заданию Ставки выехал с группой сотрудников НКВД на Кавказ руководить обороной перевалов Кавказского хребта. С ним поехал и Влодзимирский. При разделении наркомата внутренних дел в 1943 году снова на НКГБ и НКВД Влодзимирский в мае 1943 года возглавил следственную часть по особо важным делам НКГБ.

По штатному расписанию следственная часть была небольшой — всего 28 человек, но значимость ее и влияние в наркомате были огромными. Персональная машина была положена не только ее начальнику Влодзимирскому, но и его заместителям — Родосу и Шварцману. Следственная часть вела дела, которые были рекомендованы ей министром госбезопасности Меркуловым.

В 1945 году важнейшим делом следственной части Влодзимирского было дело членов «лондонского правительства» Польши, прибывшего из эмиграции в Варшаву и арестованных Красной Армией. Влодзимирский лично допрашивал заместителя премьер-министра польского «лондонского правительства» Яна Станислава Янковского.

12-го июня 1945 года Влодзимирский вместе с заместителем наркома иностранных дел Вышинским, главным военным прокурором Афанасьевым и прокурором Украины Руденко, которому предстояло выступить обвинителем на процессе, были приняты Сталиным в Кремле. В ходе длившейся 30 минут аудиенции вождь дал указание провести показательный процесс «как можно скорее». Процесс состоялся с 18-го по 21-е июня 1945 года в Октябрьском зале Дома Союзов.

В мае 1946 года В. Н. Меркулов с поста министра МГБ был снят и новым министром стал В. С. Абакумов. Новый министр стал расставлять своих людей на ключевые посты и Влодзимирского от руководства следственной частью отстранил и вывел за штат. 23-го января 1947 года его уволили в запас с мягкой формулировкой «по состоянию здоровья».

Влодзимирский стал искать новое место работы. Ему помогли бывшие коллеги и, также обиженные Абакумовым,

В. Н. Меркулов и Б. З. Кобулов, которые нашли себе места, по-видимому, не без поддержки Берии, в Главном управлении советским имуществом за границей (ГУСИМЗ). Они пригласили Влодзимирского к себе на должность начальника управления кадров.

Подобное объединение обиженных из МГБ встревожило Абакумова. Он не поленился написать докладную записку, направленную 9-го декабря 1947 года Сталину и секретарю ЦК ВКП(б), в которой очернил ряд работников ГУСИМЗ за «чуждое» социальное происхождение, утверждая, что отец Влодзимирского «бывший офицер царской армии».

Абакумов, вероятно, рассчитывал, что Сталин заинтересуется его доносом и разгонит группу Меркулова, однако такого не случилось. Влодзимирский и дальше продолжал работать в ГУСИМЗе (с мая 1950 года в должности начальника ревизионного отдела). В апреле 1951 года он получил выговор, вынесенный секретариатом ЦК ВКП(б), за «притупление бдительности», поскольку рекомендованный им на заграничную работу сотрудник пытался убежать на Запад.

Все резко изменилось после смерти Сталина. Став в марте 1953 года министром внутренних дел, Берия вновь собрал в своем аппарате ближайших проверенных соратников. Влодзимирский, как в старые добрые времена, возглавил следственную часть и тем самым подписал себе смертный приговор. Не откликнись он на зов Лаврентия и Кобулова, останься в каком-нибудь гражданском ведомстве или на пенсии, глядишь, и не сразу бы его вспомнили в ходе расследования дела Берии.

Через три недели после ареста Берии, 17-го июля 1953 года, был арестован и Влодзимирский. На следствии он свое участие в избиении арестованных или отрицал, или говорил, что был всего лишь исполнителем. Например, когда речь зашла об оформлении задним числом незаконного расстрела в 1941 году группы из 25 заключенных (среди них генералы Штерн, Локтионов, Рычагов и Смушкевич), пояснил, что 17-го октября 1941 года вылетел в

Краснодар на строительство оборонительных рубежей и вернулся в Москву только 25 февраля 1942 года.

В последнем слове на суде Влодзимирский был краток и говорил те же слова, что он всего лишь выполнял приказы, не подозревая об их преступности: «О том, что в НКВД, а затем в МГБ и МВД совершались преступления, я узнал лишь при ознакомлении с делом. Еще раз заявляю, что близким человеком Берии я не был. Подтверждаю, что я участвовал в избиениях арестованных, но поступая так, я полагал, что Берия отдает распоряжения об избиениях, предварительно согласовав их. Заключение о расстреле 25 арестованных я подписал, датируя их задним числом, по распоряжению Меркулова».

23-го декабря 1953 года в 21.20 приговор в отношении всех шестерых членов «группы Берии» был приведен в исполнение.

«Жизнь ничего не дает бесплатно, и всему, что преподносится судьбой, тайно определена своя цена».

Стефан Цвейг

Глава 9. Разные судьбы заместителей и помощников Берии

По версии следствия все шестеро расстрелянных генералов составляли костяк «банды Берии», но, как мы уже говорили выше, на самом деле число арестованных бывших «соратников Берии» было гораздо больше.

Среди них было несколько человек, дела которых были выделены в отдельные производства. В частности, к этой группе относилось дело младшего брата Б. З. Кобулова — Амаяка.

Амаяк Кобулов родился в 1906 году. Его жизнь тоже была тесно связана с деятельностью госбезопасности. А. З. Кобулов служил в РККА, работал секретарем нарсуда, счетоводом и бухгалтером кооператива в Боржоми, на заводе в Тифлисе, но в конце концов, также пошел по стопам своего старшего брата. С Берией Амаяк познакомился в 1929 году.

Взлет в карьере младшего Кобулова начался после прихода Берии к руководству НКВД СССР. 7-го декабря 1938 года Амаяка назначили первым заместителем наркома внутренних дел УССР. В том же месяце его из старшего лейтенанта ГБ сразу произвели в майоры ГБ. В сентябре 1939-го Амаяк был отправлен резидентом НКВД в Берлин. Он числился советником полпредства СССР и свои донесения в центр подписывал псевдонимом Захар.

После возвращения в Советский Союз 31-го июля 1941 года А. З. Кобулов стал наркомом внутренних дел Узбекистана. В этой должности проработал до января 1945 года. В этом же году

младшего Кобулова перевели в Москву и назначили начальником оперативного отдела и первым заместителем начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В его служебные обязанности входили проведение агентурной работы среди военнопленных и ведение следствия по их делам. 8-го июня 1951 года Амаяк Кобулов был назначен первым заместителем начальника ГУЛАГа и в этой должности оставался до смерти Сталина.

В мае 1953-го он получил должность заместителя начальника контрольной инспекции при министре внутренних дел Берии. Это в конечном итоге и погубило Амаяка. В конце мая он инспектировал аппарат уполномоченного МВД в Германии, выполняя директиву Берии о необходимости перестройки работы аппарата и кардинального сокращения штатов.

В июне 1953 года, на следующий день после начала волнений в ГДР, Берия вновь направил Амаяка в Берлин. Здесь его и арестовали. Он, конечно, шел по более низкому разряду, чем его старший брат, и его дело было выделено в особое производство.

Следствие по делу А. З. Кобулова было закончено только 1-го октября 1954 года. В приговоре, вынесенном ему военной коллегией 1-го октября 1954 года, было обвинение в том, что он являлся «активным участником антисоветской заговорщической группы Берии», выполнял «преступные задания» этой группы, «развалил работу советской разведки» в Германии накануне войны и, будучи на работе в управлении по военнопленным и интернированным, «препятствовал работе органов советской разведки вопреки специальному указанию».

В приговоре по делу А. З. Кобулова были отмечены и эпизоды нарушения законности, участие в фальсификации следственных дел, и «применение избиений и пыток к арестованным». По статьям 58-16 и 58-11 УК РСФСР Амаяк Кобулов был приговорен к расстрелу. А. З. Кобулов искренне не понимал — за что? О чем он и пишет в своем прошении о помиловании. Ведь избивать и

пытать приказала партия! Он лишь послушный исполнитель. Он написал:

«В 1937 году было указание руководства партии применять физические меры воздействия к арестованным врагам».

А. З. Кобулов вспоминал, что позднее, когда он работал в Киве, им и Хрущёвым была получена телеграмма за подписью Сталина с подтверждением этого:

«Было созвано совещание руководящих работников центра и периферии НКВД УССР с участием представителей прокуратуры, и это указание И. В. Сталина зачитано.»

Амаяк Кобулов считал, что «речь должна идти не вообще об избиении», а лишь о «применении этих острых методов незаконно, неосновательно», тогда как следователь Каверин «делает вид, что для него все это ново, сверхъестественно. А ведь до 1953 года били арестованных».

Амаяк Кобулов был расстрелян 26-го февраля 1955 года.

Не слишком благосклонной оказалась судьба к генерал-лейтенанту спецслужб Павлу Судоплатову, о чем можно прочесть в его воспоминаниях «Спецоперации. Лубянка и Кремль в 1930–1950 годах». Пятнадцать лет он просидел во Владимирской тюрьме, хотя его вины при проведении репрессий не было. Судоплатов долгое время курировал работу советских разведчиков, долго работал с Берией, но, к несчастью, имел несколько конфликтов с Хрущёвым. Жизнь ему при этом сохранили.

Судьба первого заместителя Берии, Круглова Сергея Никифоровича, сложилась удачней. По-видимому, Круглов был всегда неявным противником Берии. Молотов говорил, что в 1930-е годы Круглова послали в Грузию наблюдать за Берией. Там он очень невзлюбил Берию, когда тот был первым секретарем Грузии. Однако когда Берия стал работать в Москве, то почему-то перетащил к себе Круглова, который часто не соглашался с распоряжениями Берии, за глаза называл его сволочью и тут же добавлял:

А. З. Кобулов

— Я его уважал и уважаю, но это человек, который никогда не сказал свое слово «громко».

Как мы теперь хорошо знаем, Берия все-таки сказал свое слово громко и при организации атомного проекта, и при попытках провести реформы в стране после смерти Сталина, но все это для него и для его окружения закончилось печально.

Тем не менее Круглов пользовался поддержкой Берии. С 20 декабря 1938 года он — особоуполномоченный НКВД СССР, руководит массовыми чистками среди сотрудников органов, бывших выдвиженцами Ежова. С 28-го февраля 1939 года Круглов становится заместителем наркома Берии по кадрам. В 1939 избирается кандидатом в члены ЦК партии. На тот момент ему было всего 32 года.

Во время войны Круглов был заместителем наркома внутренних дел СССР. Под его непосредственным управлением находились ГУЛАГ и производственные управления НКВД. Он участвовал в организации заградотрядов, руководил арестами и расстрелами в войсках. В 1944–1945 годах занимался массовыми депортациями населения, в том числе выселением чеченцев и ингушей. Эти операции сопровождались жестоким обращением с людьми, насилием и, по существу, массовыми расстрелами без суда и следствия. Круглов лично курировал создание «особых тюрем» для партийного и хозяйственного актива.

В 1945 году он стал генерал-полковником, а 29-го декабря 1945 года был назначен наркомом внутренних дел СССР вместо Берии.

В 1946 году, при распределении обязанностей в МВД, непосредственно в подчинении Круглова остались: главное управление милиции, особое совещание, секретариат МВД, отдел спецзаданий, спецотдел, курирующей работу шарашек, и группа особых поручений. В 1948 году Круглов организовал депортацию всего немецкого населения из Калининградской области, присоединенной к СССР.

С 1952 по 1956 год Круглов был членом Центрального Комитета партии.

После смерти Сталина, 11-го марта 1953 года Круглов был назначен первым заместителем министра внутренних дел. После ареста Берии стал министром, оставшись практически единственным из соратников Берии, сохранившим не только свое положение, но даже получившим повышение.

В течение года он — министр объединенного министерства вместо Берии. Руководил арестами или отстранением от должности деятелей НКВД, близких к Берии. В подчинении у Круглова оказался весь карательный аппарат Советского Союза, и лишь 13-го марта 1954 года из состава МВД был выделен Комитет государственной безопасности. Однако 31-го января 1956 года Круглова сняли с поста министра МВД и перевели на должность заместителя министра строительства электростанций. В августе 1957 года его снова понизили, он стал председателем Кировского Совета народного хозяйства. В июле 1958 года Круглов был уволен на пенсию по инвалидности. В 1959 году его лишили элитной квартиры и генеральской пенсии, а затем исключили из партии за «причастность к политическим репрессиям». В последние годы он жил бедно. 6-го июня 1977 года на станции «Правда» ярославской железной дороги Круглов попал под поезд и погиб. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Очевидно, что Круглову повезло значительно больше, чем многим соратникам Берии, хотя вина его при проведении репрессий была не менее значительной.

Судьба генерал-лейтенанта безопасности Василия Семёновича Рясного оказалась еще более счастливой. В управлении государственной безопасности Рясной начал работать с 1937 года.

Основное продвижение Рясного по карьерной лестнице произошло при Берии. С 31-го июля 1941 года он — начальник управления НКВД Горьковской области. Через два года назначен наркомом внутренних дел Украины. Рясной руководил арестами и высылкой лиц, во время войны оказавшихся на оккупированной территории.

15-го января 1946 года переведен в Москву и назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Рясному были подчинены важнейшие части чекистского ведомства. С 24-го февраля 1947 года он — заместитель министра внутренних дел, с 14-го февраля 1952-го — заместитель министра государственной безопасности СССР. Непосредственный и активный участник всех мероприятий, проводимых службами внутренних дел и безопасности.

После смерти Сталина, 28-го мая 1953 года Рясной был назначен начальником управления министерства внутренних дел по Москве и Московской области.

30-го марта 1956 года освобожден от должности и направлен на Волго-Балтийский канал начальником строительства, но 5-го июля 1956 года уволен из органов МВД. После увольнения в течение долгого времени работал в Министерстве дорожного строительства. Только в 1988 году, в возрасте 84 лет Рясной вышел на пенсию.

Непосредственные помощники Л. П. Берии по атомному проекту остались на свободе и продолжали работать. Выше мы обсуждали судьбу начальника первого главного управления Бориса Львовича Ванникова. Ситуация с ним была ясная и понятная: в НКВД он никогда не работал. Он — инженер, руководитель и организатор производства. Тем не менее после реформирования первого главного управления в Министерство среднего машиностроения Ванникова в должности понизили.

Единственным участником атомного проекта, выступившим на июльском Пленуме ЦК КПСС с осуждением Берии, был заместитель начальника ПГУ Авраамий Павлович Завенягин.

А. П. Завенягин родился в 1901 году, в 1919 стал членом партии большевиков, участвовал в Гражданской войне и был комиссаром политотдела дивизии. В начале 20-х годов Завенягин работал секретарем Юзовского райкома партии на Украине, где и познакомился с Н. С. Хрущёвым.

В 1930 году Авраамий Павлович окончил Московскую горную академию и после окончания института в 1931 стал ректором Московского института стали и сплавов. Вероятно, в эти годы он также пересекался с Н. С. Хрущёвым, который возглавлял Московский комитет партии. В своих воспоминаниях Хрущёв написал о Завенягине с теплотой и уважительно:

« Он трудился на многих постах. Потом Орджоникидзе выдвинул его своим заместителем по черной металлургии. И вдруг Завенягин исчез. Я обеспокоился, где же Авраамий? Ни слуху ни духу. Но через какое-то время опять всплывает Завенягин. Позднее он стал заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Где же пропадал в свое время Завенягин? Оказывается, отбывал ссылку. Мне потом рассказывали, что Сталин его вызвал и выразил ему свое недоверие:

— Вот, Завенягин, на тебя есть показания.

И куда-то сослал его за тридевять земель. Там он трудился и отличился. Честный был человек, с умением мог использовать свои знания и энергию. Потом, правда, Сталин вернул его, и он опять стал работать в Москве.

Тут Хрущёв, конечно, ошибался и, как видно, не очень беспокоился о Завенягине, иначе было бы нетрудно узнать, что Завенягин, будучи директором Магнитогорского металлургического комбината, в 1934 году стал кандидатом в члены ЦК. С 1938 года Завенягин возглавлял Норильлаг, оставаясь кандидатом в члены ЦК. На строительстве Норильского металлургического комбината работало много заключенных, вначале 8 тысяч, но к концу 1939 года уже 19 тысяч. В 1942 году на комбинате был получен первый металлический никель.

Известны законы управления, установленные Завенягиным в Норильске для себя и для подчиненных:

- 1) максимальная работа в нечеловеческих условиях;
- 2) спасение (в том числе собственное) — в неординарных решениях;

Н. С. Хрущёв

3) молодость скорее достоинство, чем недостаток.

С марта 1941 года по август 1951-го А. П. Завенягин — первый заместитель наркома внутренних дел, осуществлявший общее руководство всеми строительными подразделениями НКВД, с 20-го августа 1945 года он — член Спекомитета, первый заместитель начальника ПГУ. Завенягин отвечал за весь цикл производства ядерного топлива и зарядов: от руды до производимого в промышленных реакторах плутония. С 1945 по 1948 год он организовал вывоз из Германии в Советский Союз специалистов, оборудования и соединений урана. Под руководством Завенягина выбирались площадки и строились существующие до настоящего времени заводы атомной промышленности: производственное объединение «Маяк» вблизи города Озёрск, завод в Сарове, завод в Снежинске, а также Семипалатинский ядерный полигон.

В. И. Жучихин в своих воспоминаниях тепло отзывается о Завенягине:

« Он являлся представителем ведомства Берии. Исключительно доброжелательный, очень уравновешенный человек, с первых же слов разговора он сразу располагал людей к себе и создавал непринуждённую обстановку. Никогда не повышал голоса, а если собеседника нужно было „укоротить немедленно“, то лишь изрекал короткую фразу:

— На этом всё. Будь здоров!

После ареста Берии Завенягин стал вначале первым заместителем министра среднего машиностроения Малышева, а потом с февраля 1955 года министром и заместителем Председателя Совета Министров.

В ночь на 31 декабря 1956 года Завенягин скоропостижно скончался от сердечного приступа. Скорая помощь приехала с опозданием, и врачи не смогли ему помочь. Часто вину за скоропостижную смерть Завенягина относят на счет его ссоры с Хрущёвым, но в действительности никакой ссоры не было. Накануне Нового года Завенягин получил приглашение Н. С. Хрущёва

В. И. Жучихин

»

встретить Новый год в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, но Завенягин отказался. В телефонном разговоре Хрущёв стал настаивать, но Завенягин, извинившись, твердо ответил, что на встрече Нового года в Кремле его с женой не будет.

Урна с прахом А. П. Завенягина захоронена в Кремлевской стене.

Судьба генерал-лейтенанта Ивана Максимовича Ткаченко (1910–1955) оказалась к нему более благосклонной, чем к тем, кто непосредственно работал под началом всесильного наркома. Среднего роста, симпатичный, даже красивый генерал отличался беспощадностью и жестоким отношением к людям. В органы НКВД Ткаченко был призван в 1939 году. С августа 1940 по апрель 1941 года он — заместитель наркома внутренних дел УССР. Нет сомнения, что в то время он имел контакты с первым секретарем ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущёвым. С ноября 1941 по январь 1943 Ткаченко начальник 7-го специального отдела Экономического управления НКВД СССР.

В апреле 1942 года он «прославился» на этой должности во время своей командировки на оружейные заводы в Ижевск. Будучи направленным туда Л. П. Берией в помощь заместителю наркома вооружения В. Н. Новикова, Ткаченко вместо этого занялся поиском «вредителей». В результате он написал на имя наркома следующую докладную записку:

«Товарищу Берии Лаврентию Павловичу. На Ижевском заводе, где производится пулемёт «Максим», мною выявлены вредители: начальник цеха № 5 Виктор А. П. и начальник цеха № 8 Афанасьев Л. В. Их работа приводит к срыву программы, поэтому прошу Вашего согласия их репрессировать.

Кроме того, директор этого завода Дубовой — очень слабый работник. Я прошу Вашего указания его от работы освободить, а директором завода назначить Сысоева П. А., ныне работающего главным механиком на Ижевском машиностроительном заводе.

Прошу также указать товарищу Новикову, чтобы он больше уделял внимания производству пулеметов «Максим». Ткаченко».

В три часа ночи Берия позвонил уполномоченному Государственного Комитета Обороны В. Н. Новикову и подробно расспросил его обо всех «вредителях». Услышав положительную характеристику, попросил передать трубку телефона И. М. Ткаченко.

По воспоминаниям В. Н. Новикова, реакция Л. П. Берии на этот донос была следующей:

« Ткаченко берёт трубку. Дальше слышу через каждые три-четыре слова такой мат, что... Короче, смысл сводился к следующему:

— Я зачем тебя, сволочь такую, послал к Новикову — шпионить за ним или помогать ему? За твою телеграмму ты, такая-то б..., подлежишь расстрелу. Я до тебя доберусь. Не тем делом ты занялся, я тебя помогать послал, а ты чем занимаешься? По привычке кляузы разводишь на хороших работников? Расстреляю!

Ткаченко стоит не бледный, а синий, и только бормочет бесконечно:

— Слушаюсь, товарищ нарком.

Через две недели И. М. Ткаченко из Ижевска исчез. Однако не остался без работы. В январе 1943 года Ткаченко стал начальником Управления НКВД по Ставропольскому краю и пробыл на этой должности до декабря 1944-го. Принимал участие в насильственном вывозе крымских татар, чеченцев и ингушей в Казахстан, в ходе которого погибли тысячи детей, женщин и стариков.

В 1945 ему присвоили звание генерал-лейтенанта госбезопасности. После войны генерал Ткаченко служил в органах безопасности в Литве не за страх, а за совесть. В том же году он стал членом Бюро ЦК ВКП(б) по Литве.

Его рвение заметил Михаил Андреевич Суслов, направленный в Литву Сталиным, чтобы навести там порядок железной рукой. Попад в поле зрения уже тогда влиятельного партийно-

В. Н. Новиков

го чиновника, Ткаченко скоро получил направление на Южный Урал, где участвовал в строительстве ряда объектов атомной отрасли.

С марта 1954 по 1955 год он работал начальником Управления МВД по Челябинской области. Скончался 1-го июля 1955. Похоронен в Челябинске на Митрофановском кладбище.

Судьба генерал-лейтенанта Николая Ивановича Павлова была тесно связана с НКВД. В 1936 году Н. И. Павлов закончил Плехановский институт народного хозяйства, после окончания института учился в аспирантуре, но в 1938 году был призван на службу в НКВД. Начиная свою службу оперуполномоченным в Москве. Своей карьере он был обязан Берии. Случилось так, что в 1939 году в Москве возникли перебои с хлебом. В чем дело толком никто объяснить не мог, но Павлов разобрался и четко доложил Берии о причинах. Тем самым он обратил на себя внимание и был выдвинут на руководящую должность.

Н. И. Павлов продвигался по служебной линии быстро, и в 1943 году стал начальником управления НКВД по Саратовской области. В 1945 году ему было присвоено звание генерал-майора, и он стал одним из самых молодых генералов Советского Союза. Как вспоминала его дочь, в Саратов он уехал майором, а вернулся оттуда генерал-майором.

В 1946 году Л. П. Берия привлек Павлова к работе по атомному проекту и назначил его куратором от НКВД в Лабораторию № 2, ныне Курчатовского центра. В 1949 году Н. И. Павлов стал заместителем начальника ПГУ Ванникова. Хотя Берия и пугал Павлова тюрьмой (см. выше), но на самом деле он высоко оценивал его как работника, и в 1950 году Павлов был назначен первым заместителем начальника ПГУ.

Таким образом, Н. И. Павлов уже с 1950 года отошел от НКВД. Ему повезло. С 1955 года по 1964 год он работал начальником главного управления опытных конструкций Министерства среднего машиностроения.

После смерти директора КБ-25 Н. Л. Духова, последовавшей в 1964 году, Павлов стал директором этого КБ, которое ныне называется Всероссийским НИИ автоматики имени Н. Л. Духова. В 1987 году Павлов ушел с должности директора на пенсию. Умер в 1990-м.

Послесловие

Второй том книги «Берия и советские учёные в атомном проекте» посвящён краткому описанию истории жизни председателя Спецкомитета при Совете Министров СССР Лаврентия Павловича Берии и его помощников.

Вероятно, в настоящее время не было бы такого жгучего интереса к этой противоречивой исторической личности, если бы мы имели не легенды о Берии, а многочисленные воспоминания тех, кто непосредственно и тесно работал с ним. Однако, изображая Берию «людоедом», «английским шпионом», «авантюристом» и «палачом» в течение почти сорока лет, советская библиография оставила в стороне положительные качества этого талантливого государственного деятеля.

Возникло противоречие: выполнен проект огромной государственной важности, но роль руководителя и одного из главных участников успешного проекта остается, по существу, не исследованной.

Представленные выше заметки можно рассматривать как субъективное мнение независимого наблюдателя. Почему независимого? У меня нет ни родственных, ни служебных отношений ни каких-то еще ни с кем, кто мог бы быть заинтересован в реабилитации Лаврентия Берии.

Когда сорок лет назад я взялся за изучение материалов о деятельности Л. П. Берии в атомном проекте у меня было всего лишь желание понять и разобраться. Изучая документальные материалы и общаясь с теми, кто о деятельности Берии в атомном проекте был осведомлен гораздо больше меня, я пришел к пониманию того, что наша история слишком искривлена: в ней много мифов и легенд, рожденных в угоду соответствующим политическим руководителям и политическим установкам.

Прежде всего, мне было интересно понять суть управленческого успеха руководителя Спецкомитета Л. П. Берии.

Утверждение о том, что Берия был успешным руководителем ряда больших проектов, проводимых в Советском Союзе (сейчас бы сказали успешным менеджером), в настоящее время не вызывает сомнений.

Другое дело, что существуют самые разные мнения о том, как ему это удалось.

Иногда можно слышать, что управленческий успех Берии объясняется тем, что ему было дозволено тратить сколь угодно много средств, и ему была дана палка, с помощью которой он мог успешно погонять участников атомного проекта.

Однако подобное объяснение выглядит достаточно примитивным, поскольку не отражает индивидуальных особенностей Берии как руководителя и не дает понимания особенностей управления и организации производства. Кроме того, это объяснение создает иллюзию, что такой проект было поднять под силу каждому, кому было бы доверено это делать.

Доказательством того, что организовать выполнение этого проекта мог бы далеко не каждый, является то, что на начальном этапе за урановую проблему в правительстве отвечал В. М. Молотов. Однако сколь-либо заметных сдвигов в работе по урановому проекту в течение двух лет не произошло.

Мне представляется, что особенности управленческого таланта Берии складывались из нескольких составляющих.

Первой составляющей успеха атомного проекта и Берии был правильный принцип подбора участников. И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, К. И. Щёлкин, Я. Б. Зельдович, да и многие другие участники атомного проекта были выдающимися учеными и выдающимися организаторами. Подбор участников атомного проекта был удивительно удачным. Берия нашел абсолютно правильную тональность в работе с научной элитой Советского Союза того времени.

Вторая важная особенность успеха Берии как руководителя состоит в том, что он общался не только со своими заместителями по атомному проекту, но и с простыми исполнителями. Именно так в его поле зрения попал будущий академик А. Д. Сахаров, который на первом этапе своей научной деятельности был всего лишь одним из молодых ученых научной группы академика И. Е. Тамма. Именно так под покровительством Берии оказался никому не известный солдат Олег Лаврентьев с острова Сахалин, предложивший интересные идеи по термоядерной бомбе и управляемому термоядерному синтезу.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Общение с простыми исполнителями позволило Берии иметь обратную связь. Заметим, что это не было показательное подготовленное общение с народом, столь любимое несколько позже первым секретарем партии Н. С. Хрущёвым.

Третья управленческая особенность Берии — умение слушать и слышать специалистов. Слушая участников совещаний, он правильно выбирал наиболее верные решения, по существу, используя метод мозговой атаки. Результативность совещаний Берии отмечали многие участники атомного проекта.

Четвертая особенность успеха управления Берии объясняется тем, что ему было абсолютно неважно, каких политических взглядов придерживается тот или иной участник атомного проекта. Вспомним реплику Берии сказанную по поводу академика Леонтовича:

— Ничего, ничего. Будете следить, будет работать.

В его понимании: пусть человек думает о власти то, что ему хочется, но главное, чтобы он хорошо выполнял порученное ему дело.

Пятая особенность успеха Берии — он был лидером команды. Любопытно, что все, кто работал с ним в МВД (С. А. Гоглидзе, Б. З. Кобулов, А. З. Кобулов, В. Н. Меркулов и многие другие), начинали сотрудничать с Л. П. Берией с двадцатых годов прошлого столетия, некоторые участники атомного

проекта (Б. Л. Ванников, П. Я. Мешик, А. Л. Минц, Н. И. Павлов) начали работать с Берией в тридцатых годах.

Безусловно, следует отметить его немыслимое трудолюбие, настойчивость и целеустремленность.

Были, конечно, и другие индивидуальные особенности Берии, способствовавшие успешному выполнению атомного проекта: его энергия, решительность, оперативность, жестокость и, вероятно, многое другое, позволившее ему справиться со столь сложной и масштабной задачей.

Конечно, как мы уже говорили выше, в атомном проекте участвовали не только ведущие ученые, но и несколько сотен тысяч заключенных, и закрывать глаза на жесткий и безжалостный стиль руководства Л. П. Берией при создании ядерного оружия в Советском Союзе не следует.

После расстрела Берии, именно на него были списаны все преступления сталинского режима. Н. С. Хрущёв еще не был готов полностью обелить себя. Ему потребовалось время, чтобы с помощью своих помощников подчистить архивы и уничтожить компрометирующие его материалы.

Только в 1956 году, спустя три года после уничтожения Берии, критика Хрущёва распространилась и на Сталина. Сталин и Берия стали главными виновниками всех репрессий и всех трудностей социализма. Но соратники Хрущёва, участвовавшие в уничтожении Берии, на этот раз не поддержали Хрущёва и в 1957 году предприняли попытку его отстранения от руководства партией и страной. Однако и на этот раз Н. С. Хрущёв оказался хитрее и энергичнее стареющих членов сталинского правительства и сумел удержаться у власти еще в течение семи лет.

Только в октябре 1964 года Леониду Брежневу удалось объединить своих товарищей и отправить Хрущёва на пенсию.

Берия продолжал оставаться «главным злодеем» советской истории вплоть до 1990-х годов. Только после 1991 года запрет на тему Лаврентия Берии был снят, и сейчас уже нет однозначной оценки деятельности этого соратника Сталина. Тем не менее

должной официальной объективной оценки этой противоречивой и трагической личности двадцатого столетия до сих пор не дано.

Одним из важных вопросов, периодически возникающих в дискуссиях, является вопрос о реабилитации Берии. Стоит заметить, что общество еще не готово к реабилитации Берии, равно как и членов его группы. К сожалению, это обстоятельство объясняется, по существу, массовым незнанием многих обстоятельств и фактов «дела Берии».

Первое и главное обстоятельство связано с тем, что Берия, как и его «подельники», осужден за преступления которые они не совершали.

Мне думается, что, справедливости ради, следовало бы пересмотреть все дела осужденных по 58-й статье, и всех осужденных за преступления, не соответствующие этой статье — реабилитировать.

В конечном итоге каждому человеку в истории найдется место, которое он заслужил.

Из всего сталинского окружения только лишь Лаврентий Берия остается осужденным за преступления, ко многим из которых он не причастен. С другой стороны, среди сталинских соратников нет ни одного человека, который бы сделал больше, чем Берия для укрепления могущества и обороноспособности Советского Союза.

Неудачи при создании атомного оружия были и при руководстве Спецкомитетом Берии, но, создается впечатление, что их было меньше, и они не были столь масштабные, как после устранения Берии.

Первый отказ ядерного изделия произошел 19 октября 1954 года, когда Берии в живых не было. Вот как описывает этот эпизод академик Е. А. Негин:

« После поездки к месту несостоявшегося атомного взрыва Курчатова, Малышева, Зернова, Харитона и других участников мы собрались в каземате и стали спокойно разбираться в причинах отказа. Вдруг появляется некий полковник госбезопасности. В

фуражке, начищенный с иголочки. Козырнул и обращается к В. А. Малышеву, нашему министру:

— Товарищ министр! Если я правильно понимаю, произошел отказ?

— Правильно понимаете.

— Разрешите начать следствие.

Нам всем как-то стало нехорошо. Малышев так спокойно начинает говорить:

— Видите ли, здесь наука. Не война. Тут новые вещи, не все еще знаем. Ученые разбираются. Они тоже не сразу могут сказать, в чем причина.

— Так разрешите начать следствие!

Цвет лица Малышева начинает медленно меняться. Он краснеет.

— Я же Вам говорю: это вещь опытная, сделанная в первый раз. Нам, очевидно, в чем-то не повезло, у нас не получилось. Но я думаю, в самое короткое время разберемся, и ответы будут.

— Так разрешите начать следствие!

Малышев багровеет, потом произносит:

— Пошел вон. Полковник опять козырнул, повернулся на каблуках и ушел.

Но это еще было маленькое начало.

Кыштымская катастрофа — взрыв емкости объемом 80 кубических метров с высокорadioактивными отходами — произошла 29 сентября 1957 года и стала уже экологической катастрофой, сравнимой с Чернобыльской аварией. Радиоактивный след, образовавшийся после взрыва, протянулся на 300–350 километров в северо-восточном направлении, загрязнив территорию площадью 230 000 квадратных километров с населением 270 тысяч человек.

Недавно, обсуждая с одним из своих коллег состояние дел в атомной отрасли, я услышал любопытную оценку:

— Бывая в командировках на многочисленных объектах, знаешь, чему я удивляюсь? — спросил он меня и сам ответил,

— В основном, атомная отрасль создана почти семьдесят лет назад, но, что удивительно, — все до сих пор работает.

История не знает сослагательного наклонения, и сейчас трудно дать прогноз того, что могло бы быть со страной, если бы Л. П. Берия продолжал оставаться заместителем Председателя Совета Министров СССР в течение длительного времени. Конечно, у него также не было четкого плана реформ и не было научно обоснованной проработки экономических и политических вопросов развития страны. Но Берия, по сравнению с Хрущёвым, обладал рядом преимуществ, среди них — огромный опыт выполнения крайне сложных масштабных задач, к которым, безусловно, относится советский атомный проект.

Список использованной литературы

- Абрамова Ю. А. Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР. М.: МГИУ, 2002.
- Аветисян Т. О времени и о себе // Бульвар Гордона. № 23 (371).
- Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). М., 1992.
- Аксененко С. И. Никита Хрущёв. Человек, который умел предавать.
<http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/573810.html>
- Алмилуева С. И. Двадцать писем к другу. М. 1992
- Альтшулер Б. Л. Три друга: Л. В. Альтшулер, В. Л. Гинзбург и В. А. Цукерманн. <http://ufn.ru/tribune/trib171006.pdf>
- Альтшулер Л. В. Затерянный мир Харитона. Воспоминания.
http://wsyachina.narod.ru/history/vniief_1.html
- Андрюшин И. А., Чернышев А. К., Юдин Ю. А. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров, Саранск, 2003.
- Анискович Л., Эфрон С. Крылатый лев, или Судите сами. М.: Московский Парнас, 2004.
- Антонов М. Капитализму в России не бывать.
<http://m-antonov.chat.ru/capital/index.htm>
- Антонов-Овсеенко А. Берия. М.: АСТ, 1999.
- Ануфриев Г. Для меня он был «секретоносителем» // Семь дней. № 42, 5 октября, 1999.
- Артём Алиханян в воспоминаниях друзей и коллег. К столетию со дня рождения. Ред.-сост. Э. А. Мамиджаниян, Г. И. Мерзоян. М.: Физматлит, 2008.
- Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. II. Атомная бомба, 1945–1954. Кн. 5. М., Саров: Наука, Физматлит, 2005.
- Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.
- Барашенков В. С. Две истории, рассказанные самим М. Г.: Воспоминания. Дубна, 2001.
- Басюк И. А. Генерал армии Д. Г. Павлов и трагедия июня 1941 года // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.
- Берия Л. П. Речь на XVII съезде ВКП(б), заседание 28-го января 1934 года. Материалы съезда.
- Берия: конец карьеры / Сост. и общ. ред. В. Ф. Некрасова. М.: Политиздат, 1991.
- Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.
- Божко С., Пешкова М., Берия С. // Личности. № 2. 2006.

- Бондаренко В. Борьба за власть: Троцкий, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов. М.: Олма Медиа Групп, 2007.
- Бриш А. А. Жизнь и судьба. М.: ВНИИА им. Н. Л. Духова, 2012.
- Брохович В. В., Круглов А. К., Фетисов В. И. Ядерная индустрия России. М., 2000.
- Брохович В. В. Авторский взгляд. Из кн. «Трагедия Курчатова» // Про Маяк. 2003. № 1. С. 6.
- Бурдс Дж. Советская агентура. Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.—Н.-Й.: Современная история, 2006.
- Быстролетов Д. А. Пир бессмертных. Книги о жестком, трудном и велико-
лепном времени. Т. 4. М.: Крафт, 2011.
- Вагнер П. Неожиданно быстрый конец.
<http://ricolor.org/history/rsv/aft/2/>
- Важнов М. Я., Завенягин А. П.: Страницы жизни.
<http://wsyachina.narod.ru/history/zavenyagin.html>
- Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. 1–2. С. 130–160; С. 134–159.
- Васильева Л. Дети Кремля. М.: Бослен, 2012.
- Владимиров В. С. Я — сын трудового народа. М.: Фазис, 2007.
- Ворошенин А. Выстрелы в спину.
http://artofwar.ru/w/woroshenx_a_p/text_0200-1.shtml
- Воспоминания об академике Н. Н. Боголюбове, К 100-летию со дня рождения.
М.: Миан, 2009.
http://artofwar.ru/w/woroshenx_a_p/text_0200-1.shtml
- Всесоюзное совещание физиков. <http://mybiblioteka.ru/1-115369.html>
- Глухих Б. Еврейские народные сказки. Миф о Берии.
<http://www.proza.ru/2011/11/15/760>
- Грабовский М. П. Плутониевая зона. М.: Научная книга, 2002.
- Головова Л. А. Сухановская тюрьма. Спецобъект 110. М.: Возвращение, 2009.
- Горобец Б. С. Советские физики шутят... хотя бывало не до шуток. 4-е изд.
М.: Ленанд/URSS, 2016.
- Горобец Б. С. Ядерный реванш Советского Союза. Об Истории атомного про-
екта СССР. М.: Красанд/URSS, 2014. 352 с.
- Горобец Б. С. Ядерный реванш Советского Союза. Судьбы героев, дважды
героев, трижды героев атомной эпопеи. М.: Красанд/URSS, 2014. 240 с.
- Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.
- Емельянов Ю. В. Перед судом пигмеев. М.: Яуза, Эксмо, 2008.
- Емельянов Ю. В. Сталин на вершине власти. М.: Вече, 2002.
- Емельянов Ю. В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М.: Вече, 2005.
- Емельянов Ю. В. Хрущёв. Смутьян в Кремле. М.: Вече, 2005.

- Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах весной 1953 года // Вопросы истории. 1996. С. 5–6.
- Жухрай В. И. Сталин: Правда и ложь. М.: Сварогъ, 1996.
- Жучихин В. И. Первая атомная. Записки инженера-исследователя. М.: ИздАТ, 1993.
- Зельдович Яков Борисович. Воспоминания. Письма. Документы. М.: Физматлит, 2008.
- Зенькевич Н. А. Тайны ушедшего века. Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М.: Олма-Пресс, 2000.
- Зенькевич Н. А. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: Олма-Пресс, 2000.
- Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.
- Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; 1991. № 7. С. 3–16.
- Илизаров С. С. Академический июнь 1958 года // Московская правда. 1994, 19 июня.
- Илизаров С. С., Пушкарева Л. И. Берия и теория относительности. <http://russcience.euro.ru/document/letters/fock52.htm>
- Иоффе Б. Л. Без ретуши. Портреты физиков на фоне эпохи. М.: Фазис, 2004.
- Ирвинг Д. Атомная бомба Адольфа Гитлера. М., 2006.
- Квантовая механика: её история и суть. 1936. Т. 36. Вып. 4. С. 436–446.
- Кербер Л. Л. А дело шло к войне // Изобретатель и рационализатор. 1988–1990. <http://militera.lib.ru/memo/russian/kerber/index.html>
- Кириллов-Угрюмов В. Г. Альма-Матер-50. М.: МИФИ, 1992.
- Кожин В. В. Загадочные истории России XX века. М.: Прима В, 1998.
- Кобба Д. В. Государственная деятельность Л. П. Берия, 1939–1953 г. Диссертация. М., 2002.
- Кочнева К. В чем их вина? Уже ль родство с великим дядей? www.memorial.krsk.ru/work/konkurs/.../Kochneva/0.htm
- Кремлев С. Подлинный Берия. Неподдельные дневники маршала госбезопасности. М.: Яуза-пресс, 2012.
- Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995.
- Куманев Г. Говорят сталинские наркомы. М.: Русич, 2005.
- Лаврентий Берия. 1953: Документы. М.: Демократия, 1999.
- Лаврентьев О. А. Я написал Сталину, что знаю секрет водородной бомбы. <http://www.a-lubyanka.ru/page/article/160>
- Лесков С. Баллада о Спецкомитете // Известия. 20 августа, 2010.
- Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. Справочник / Авторы-сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003.

- Лысков Д. Ю. Сталинские репрессии. Великая ложь XX века. М.: Яуза: Эксмо, 2009.
- Мартиросян А. Сто мифов о Берии. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? <http://www.litmir.net/br/>
- Мартиросян А. Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. М.: Вече, 2010.
- Медведев Р. Они окружали Сталина. М. 1990.
- Мещерякова Г. П. История нашей семьи. Воспоминания. Дубна, 2001.
- Мещеряков М. Г. Воспоминания. Дубна, 2001.
- Михоян А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1985. № 6.
- Мирзояны Марина и Гамлет. Армяне в «деле Лаврентия Берия» // Ноев ковчег. № 11 (194). 2012, июнь (16–30).
- Млечин Л. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999.
- Мухин Ю. Опасная тайна. М.: Алгоритм, 2008.
- Мухин Ю. СССР имени Берии. М.: Алгоритм, 2008.
- Мухин Ю. Убийство Сталина и Берии. М.: Крымский мост, 2002.
- Дмитриев Н. А. Воспоминания, очерки, статьи. Саратов: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2002.
- Новая философская энциклопедия. <http://iph.ras.ru/elib/3246.html>
- Новиков В. Н. Шефство Берии. Берия: конец карьеры. М., 1991.
- Новиков С. Мои истории. www.mi.ras.ru/snovikov
- Новоселов В., Толстиков В. Атомный проект: тайны «сороковки» // Уральский рабочий. 1995.
- Озеров Г. Туполевская шарага. М.: Посев, 1973.
- Панасюк И. С. Первый советский атомный реактор. Советская атомная наука и техника. М.: Атомиздат. 1967.
- Парамонов Б. То, чего не было. Взгляд на «оттепель» по случаю смерти Сталина. <http://www.lebed.com/1999/art870.htm>
- Паршев А. Л. П. Берия // Дуэль, 1999.
- Первушин М. Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране // Новая и новейшая история. 2001. № 5.
- Первые предприятия по производству делящихся материалов / В. В. Брохович, А. К. Круглов, В. И. Фетисов, А. А. Грибов // Ядерная индустрия России. М.: Энергоатомиздат, 1999.
- Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. Справочник / Под. ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999.
- Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954. Справочник. М.: Звенья, 2010.
- Петров Н. В. Самый образованный палач // Новая газета, 30 августа, 2010.
- Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.
- Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.

- Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Пихоя Р. Г.* СССР. История великой империи. Под знаком Сталина. М., СПб., 2009.
- Пихоя Р. Г.* Медленно тающий лед (март 1953 – конец 1957 г.) // Международный исторический журнал. Январь-февраль, 2000. № 7.
- Пихоя Р. Г.* Пересмотр послевоенных политических процессов. <http://ricolor.org/history/rsv/aft/led/1/>
- Правда ГУЛАГа, Каменный гость // Новая газета. 2011. № 4 (48).
- Пестов С.* Тайны и страсти атомной преисподней. М.: Шанс, 1995.
- Попов В. Д.* Ровесники. М.: МИФИ, 2002.
- Постановление Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», 7 июля 1953 года.
- Прудникова Е.* Берия. Преступления, которых не было. СПб.: Нева, 2005.
- Прудникова Е.* Последний рыцарь Сталина. М.: Олма, Медиа Групп, 2007.
- Прудникова Е.* Последний бой Лаврентия Берии. М.: Олма, Медиа Групп, 2008.
- Пыхалов И. В.* Берия и чистка в НКВД. <http://delostalina.ru/>
- Расторгучев А. А.* Призвание и карьера. Физика и власть. http://zhurnal.lib.ru/r/rastorguev_a_a/
- Рискин В.* Курчатов называл его «Брохом» // Челябинский рабочий. 2003, 15 августа.
- Рубин Н.* Лаврентий Берия. Миф и реальность. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998.
- Рыбин А.* Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М., 1992.
- Рубинин П. Е.* Свободный человек в несвободной стране // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 6. С. 497–510.
- Садовский А. С., Товмаш А. В.* История оружейного урана на фоне конфликта Капицы // Исследовано в России. 2009.
- Санников Г.* Большая охота. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Смирнов Ю. Н.* Курчатов и власть // Вопросы естествознания и техники. 2003. № 1.
- Смит Г. Д.* Атомная энергия для военных целей. Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США. М., 1946.
- Сахаров А. Д.* Воспоминания. М.: Альфа-книга, 2011.
- Петросянец А. М.* Создание первой советской ядерной бомбы. Сборник статей. М.: Энергоатомиздат, 1995.
- Соколов Б.* Берия. Судьба всесильного наркома. М.: АСТ, Астрель, 2011.
- Сауке М. Б.* Неизвестный Туполев. М.: КЦНТИ, Оригинал, 1995.
- Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М.: Новости, 1989.
- Стенограмма июльского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС.

- Сонин А. С. Разгром «физического идеализма» (Об одной философской дискуссии) // Вестник РАН. 1990. Т. 60. № 8. С. 122–133.
- Сонин А. С. Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3. С. 97–101.
- Сонин А. С., Тамилли К. А. Всесоюзное совещание физиков. Проект постановления. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/vs1949pr.htm>
- Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997.
- Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-Пресс, 2004.
- Тельман И. Зачистка чистильщика // История далекая и близкая. № 13 (832). <http://russian-bazaar.com/ru/content/82136.htm>
- Ферр Г. Антисталинская подлость. М.: Алгоритм, 2007.
- Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность. Физики. М.: Физматлит, 2003.
- Халатников И. М. Дау, Кентавр и другие. М.: Физматлит, 2009.
- Харитон Ю. Б., Адамский В. Б., Смирнов Ю. Н. О создании советской водородной (термоядерной) бомбы // Успехи физических наук. 1996. Т. 166. С. 201–205.
- Хогертон Дж. Ф., Раймонд Л. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? М.: ИЛ, 1948.
- Хрущёв Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 2007.
- Чутко И. Красные самолеты. М.: Политиздат, 1978.
- Шепилов Д. Т. Непримкнувший. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001.
- Шуряева О. К. История одной жизни. http://samlib.ru/c/chertilina_a_s/istoriaodnoj.shtml

Список сокращений

АН — Академия наук
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНИИЭФ — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики
ГБ — государственная безопасность
ГДР — Германская Демократическая Республика
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГПУ — Главное политическое управление
ГТЛ — гидротехническая лаборатория
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ИХФ — Институт химической физики
ИЯП — Институт ядерных проблем
КБ — конструкторское бюро
КГБ — Комитет государственной безопасности
КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КРО — контрразведывательный отдел
ЛИПАН — Лаборатория измерительных приборов Академии наук
ЛФТИ — Ленинградский физикотехнический институт
МВТУ — Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИФИ — Московский инженерно-физический институт
МК — Московский комитет
ММИБ — Московский механический институт боеприпасов

МСМ — Министерство среднего машиностроения
МФТИ — Московский физикотехнический институт
НИИ — научно-исследовательский институт
НКБ — научное-конструкторское бюро
НКВД — Наркомат внутренних дел
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОИЯИ — Объединенный институт ядерных исследований
ООН — Организация Объединенных Наций
ОСО — Особое совещание
ПГУ — Первое главное управление
РДС — аббревиатура атомной бомбы
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РНЦ — Российский научный центр «Курчатовский институт»
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМ — Совет министров
СОЧ — секретно осведомительная часть
СНК — Совет Народных Комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
ТНТ — тринитротолуол, взрывчатое вещество
УК — Уголовный кодекс
ФИАН — Физический институт Академии наук
ФРГ — Федеративная Республика Германии
ЦК — Центральный комитет
ЧК — Чрезвычайная комиссия

Приложение 1

Письмо В. А. Махнева Г. М. Маленкову
от 11 июля 1953 года

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Товарищу Маленкову Г. М.

Прочтя опубликованную вчера суть подрывной деятельности Берия, я продумал заново некоторые факты, характеризующие его поведение и роль в решении проблем по линии Специального комитета (в особенности в последние 3–3,5 месяца).

Считаю своим долгом доложить эти факты Центральному Комитету КПСС и правительству, так как они (эти факты), по моему убеждению, должны помочь Вам выявить роль и вражескую деятельность Берия в области специальных работ.

Проблему а[томной] б[омбы] нашей стране удалось решить лишь благодаря тому, что ЦК и правительство давали для этого неограниченные ресурсы денежных средств, материалов (создали преимущественные перед всеми другими нуждами народного хозяйства условия), поставили на службу этой цели лучшие силы науки, техники, сотен тысяч рабочих, военных строителей и заключенных.

Я не могу сейчас вспомнить хотя бы несколько случаев, когда бы по инициативе Берия был принят какой-либо план создания той или иной а[томной] б[омбы] или нового предприятия.

Он, по моему мнению, действовал только под нажимом ЦК и лично т. Сталина либо вынужден был принимать решения (нередко с длительными проволочками) по документам (планам,

предложениям), поступившим от наших ученых, конструкторов, организаторов атомной промышленности.

Ценой огромных затрат средств и сил нашего народа мы решили атомную проблему. Берия же был только эксплуататором (в буквальном смысле) всех этих средств и сил, а прибыль (успехи) приписывал себе, пользуясь этим для того, чтобы втереться в доверие т. Сталина.

Лично он никогда не вникал в суть дела и не пытался этого сделать. Когда же мы встречали какие-либо трудности на пути и появлялась угроза невыполнения решений правительства, Берия, не утруждая себя разбором дела по существу, применял оружие запугивания, угроз, издевательств над человеческим достоинством.

«Мы вас арестуем», «Мы тебя в порошок сотрем», «Вместо вас других найдем», «Вы подозрительный человек — мы вам доверять не будем», «Вы нечестный человек» — вот арсенал приемов запугивания и издевательств, какие лично мне и другим товарищам по работе пришлось испытать на себе. Он доводил нас до истерик, до тяжелой болезни. Только в эти последние дни мне стало ясно, что это оружие он не от имени руководителей наших («мы»), а от своего имени применял и спекулировал на нашей преданности делу и явлению, не щадя своего здоровья и человеческого достоинства, продолжать работать у этого эксплуататора-бездельника, ограниченного человека, работать как каторжник, не зная отдыха, не имея возможности учиться.

Факты:

1. Вы, Георгий Максимилианович, вероятно, помните, что в конце 1949 года на юге Берия, после доклада и показа т. Сталину фильма о результатах испытаний, получил решением ЦК и правительства особую благодарность за успешное руководство работами по АБ (буквального текста этого решения я не знаю) и получил Сталинскую премию. Так вот, после этого он возомнил себя «исторической личностью». Он потребовал заказать

ему в Гознаке «почетную грамоту ЦК и Совмина за подписью т. Сталина и Вашей» в особой сафьяновой папке (папка сохранилась, а текст грамоты я еще в прошлом году порвал, так как впоследствии о грамоте он не вспоминал).

2. В решении ЦК и Совмина, мне помнится, что Берия было присвоено звание лауреата Сталинской премии 1-й степени. Обычно это означает — без выдачи денежной премии. Он по приезду в Москву вызвал меня и Помазнева и потребовал вручить ему «что там полагается». Когда я ему сказал, что в тексте надо было записать «присудить» премию, то он заявил, что «мы там (у И. В. Сталина) так и понимали». По требованию Берии т. Помазнев вручил ему (Берия) в его же кабинете вместе с дипломом 175 000 рублей. Если Берия сказал неправду, то, значит, премию он получил незаконно.

3. В 1953 г., когда, как Вам известно, у т. Сталина обсуждались результаты испытаний системы «К», по указанию Берия т. Щукиным, мною и т. Любимовым был подготовлен проект решения о премиях и наградах для участников этих работ. На первой странице проекта он потребовал оставить прочерк (место суммы премии) для его сына и Куксенко. Мы с т. Любимовым считали, что по законам полагается им максимум по 150 000 рублей. Когда же после совещания у т. Сталина мне было возвращено решение (№ 300-145сс от 3.II.52 г.) без виз на первой странице, то оказалось, что в секретариате Ордынцева перепечатали первую страницу проекта, и уже сумма премии его сыну была поставлена 500 000 руб.

Считая, что так решено на совещании у т. Сталина вместе с Вами и т. Булганиным, я не обратил на это внимания. Он мне по телефону так и сказал: «Мы внесли поправки по указанию т. Сталина».

Теперь же я сомневаюсь, что в первом и во втором случае Берия не было совершено воровство с подлогом. Таким образом, помимо того, что он вовсе не руководитель решения проблемы АБ и Управления снарядов, — он просто вор. (Сына его я считал

талантливым, но при коллективе в КБ-1 в 9000 человек, может быть, он также обкрадывал идеи конструкторов и выдавал за свои?)

4. В решении (от XII.1949 или в 1950 г.?) Берия после подписи т. Сталина вычеркнул пункт о выдаче всем награжденным работникам 1-го Главка и рабочим двухмесячного оклада. Когда же я попытался настаивать на оставлении этого пункта, считая неправильным обижать непосредственных участников работ, Берия заявил, что якобы т. Сталин сказал, что «и так много денег дано на премии». Я попросил, чтобы он (Берия) сам завизировал поправку. Он выругал меня матом, но визу поставил. Таким образом, он и тут не преминул при награждениях вызвать возмущение (что надо двухмесячный оклад выдать, он сам же предлагал, и работники это знали). Вот такова его «роль» в решении важнейших проблем нашей страны.

Учитывая, что перед народом у Берия был создан ореол «талантливый» помощника И. В. Сталина, изложенные мною факты помогут развенчать этого бездарного, тупого и грязного стяжателя.

5. Дела Берия в последние месяцы (с 5.III по VI).

Заболев после очередного приступа грудной жабы, я с 25.III по 7.VI не знал, что творится по нашим делам (Специального комитета). После выхода из больницы я стал изучать принятые с III по VI месяцы решения и сейчас могу сказать, что: Берия принял не одно, а целый ряд принципиально важных решений, обходя ЦК и правительство (см. перечень их):

- об испытаниях АБ (известное уже Вам);
- о программе работ КБ-11 на 1953 г.;
- о программе производства тяж[елой] воды;
- об испытаниях изделий Р-5;
- о лаборатории Здродовского и др.

(Об этих решениях мной было сказано т. Малышеву В. А. в ходе Пленума ЦК.)

6. После испытаний 1952 г. Берия заявил мне, что надо приступить к написанию сборника материалов к истории создания АБ. Я, ссылаясь на занятость текущими делами и на непригодность мою к литературным трудам, стал отказываться. Тогда Берия поручил мне передать это задание тт. Емельянову и Васину, предупредив о том, что никто, кроме них, не должен знать об этом.

Тт. Емельянов и Васин были вызваны к Берия, и поручение о подборе материалов и схеме сборника им давал сам Берия. Нас смущало то, что сборник этот нельзя публиковать, так как невозможно написать историю решения проблемы АБ, не раскрыв каких-либо секретов. И мы заявили ему об этом. Но Берия все же поручил тт. Емельянову и Васину приступить к подбору справок, заявив, что, может быть, сборник публиковать и не придется. Необходимость сборника Берия мотивировал тем, что для истории надо показать сталинский план создания АБ и его осуществление, показать силу советского строя.

В последнее время (в марте) Берия торопил тт. Емельянова и Васина с подбором материалов к сборнику. На днях я от т. Васина узнал, что материалы к сборнику Берия у него взял и положил в свой сейф в Кремле (материалов этих я не видел). Теперь становится ясно, что Берия тонко и коварно прикрывал именем т. Сталина настоящую цель сборника — самому влезть в историю, показать себя «исторической личностью». Изложенные выше факты, характеризующие облик Берия и его роль в решении проблемы создания советской АБ, говорят о том, что Берия лишь грязно наследил в нашей истории.

7. О первом заместителе Берия — члене ЦК КПСС т. Ванникове.

Меня смущает поведение т. Ванникова после ареста Берия. Я знаю т. Ванникова с тех пор, как Берия взял его в начале Отечественной войны из тюрьмы и назначил наркомом боеприпасов. Берия его (т. Ванникова) всегда оберегал (достаточно сказать,

что я знаю один факт, когда не Берия ему устраивал скандалы, а Ванников, Берия срочно искал его, чтобы успокоить).

С начала создания Спецкомитета т. Ванников являлся бесменным первым заместителем председателя комитета. Берия слушался всех его советов, и все предложения принимал безапелляционно. Я всегда ценил в т. Ванникове его инженерный опыт и умение оперативно решать вопросы. Я уважал его, хотя т. Ванников нередко наговаривал Берия на т. Завенягина (чтобы показать его слабым работников), на тт. Владимирского, Левшу (мол-де они только критики, а не помощники). В результате т. Левша был переведен в III главк, а т. Владимирский растерялся и не знал, что ему можно и что нельзя делать.

Ниже приведу факты, смущающие меня:

1. Т. Ванников незадолго до разоблачения Берия вызвал секретаря партбюро т. Морозова и заявил ему, что, во-первых, его прорабатывать нельзя, так как он член ЦК, во-вторых, он с Берия еще в тюрьме сидел, и Берия его знает очень хорошо.

2. Когда Берия поручил т. Ванникову составить известные Вам доклады для правительства, и я на первой странице доклада написал адрес и слова «докладываю Вам», т. Ванников в присутствии т. Любимова заявил мне, что «теперь Берия так не обращается в правительство, и в доказательство показал мне протокол ЦК (кажется, по делам Литвы) и записку МВД. Я ему заявил, что я понимаю поручение как доклад — отчет правительству, и настоял на своем. После разговора у т. Булганина относительно целей сбора материалов (для отчета) т. Ванников мне с глазу на глаз сказал: „Ты даже не представляешь себе, какое ты великое дело сделал тем, что отстоял начало отчета“. На мой вопрос, что это за „великое дело“, т. Ванников отмолчался».

3. Берия дал полномочия т. Ванникову единолично решать все вопросы по АБ и по ведомству т. Рябикова. Во время моей болезни (март–май) т. Ванников получил от Берия, по-видимому, широкие полномочия по Спецкомитету (тт. Васин и Любимов мне сказали, что он был у Берия). Ванников в апреле–мае

начал единолично изменять планы, утвержденные правительством (утверждал графики, изменяющие утвержденные правительством планы).

Факты эти может конкретно привести мой бывший заместитель т. Любимов. Он, минуя т. Рябикова, давал указания его подчиненным, в результате чего т. Рябиков незадолго перед арестом Берия приходил ко мне и заявлял, что он «подаст в отставку, так как дальше работать нельзя». Сейчас же, после разоблачения Берия, т. Ванников старается всячески принизить свою роль в Спецкомитете и всячески дискредитировать работу аппарата Спецкомитета. Зачем это требуется т. Ванникову — мне неясно.

4. В последнее время важнейшие решения, требующие рассмотрения в правительстве, т. Ванников представлял на единоличное утверждение одного Берия. Например:

— решение вести весьма опасные работы под Москвой (предложение профессора Здродовского — это решение надо пересмотреть);

— об испытаниях АБ;

— об испытаниях Р-5 и др.;

— о плане работ КБ-11 на 1953 г.

После того как т. Ванников узнал об аресте Берия, он потребовал от меня перед пленумом тотчас же вскрыть сейф Леоновой (с чекистской перепиской), с тем чтобы найти те письма, «где про меня писали».

Я поручил товарищам своим открыть сейф, но составить акт, тов. Ванников отказался от своего требования. Почему т. Ванникову требовались оправдательные документы? Следует сказать, что в 1-й главк Берия послал ряд чекистов с открытой целью следить за секретностью и за подбором кадров (Мешик, Павлов, Поляков). Последних двух (тт. Павлова и Полякова) т. Ванников считает лучшими работниками в Главке. Тов. Ванников добивается их выдвижения и утверждения. Желательно было бы проверить, так ли они ценны.

Ставя вопрос об уполномоченных, т. Ванников должен был поставить вопрос и о других чекистах, расставленных Берия в системе бывш[их] 1-го и 2-го гл[авных] управлений. По препарату «Т» у нас есть 2 института, во главе которых стоят по указанию Берия также чекисты (Полосин в Сверд[лове]ке, Бухаров — в Заг[ор]ске). В их руках находятся страшные средства террора и диверсий. (Вчера я в присутствии т. Левшы по телефону просил т. Хруничева позвонить т. Круглову и т. Булганину об этом. Пытался связаться с т. Малышевым, но неудачно.)

Следует поставить также вопрос о необходимости создания местных советских органов (их нет в городке КБ-11, в городах комбинатов №817 и №813). Берия всячески оттягивал рассмотрение и решение этого вопроса, внесенного несколько лет назад т. Завенягиным. В вопросе о создании советских органов т. Ванников занимал отрицательную позицию (он предлагал иметь при директорах административные отделы). Этот вопрос требуется решить незамедлительно, так как по вине Берия права трудящихся на указанных объектах узурпированы отсутствием советской власти и недопустимо жестким режимом. Инструкции по режиму следует также пересмотреть в сторону облегчения условий жизни. Тов. Ванников действительно не терпел систем уполномоченных, которыми руководил в аппарате Спецкомитета помощник заместителя Председателя Совета Министров т. Савыкин. Но одновременно т. Ванников и не был сторонником создания органов советской власти на местах и повышения роли парторганов (Берия под предлогом соблюдения секретности также не допускал повышения их роли).

Я сообщаю эти факты о Берия не в целях оправдания себя, так как я никогда не был близким к нему человеком. (В смысле личных отношений. Я работал в комитете не на Берия, а для Родины. Я никогда также и не подхалимствовал перед ним.) Я виноват, как и все другие, в том, что слепо верил ему, чтил его как ближайшего соратника т. Сталина и, несмотря на то что никогда не уважал его за грубые окрики и хамское отношение ко

мне, безропотно продолжал работать, пока тяжелая болезнь не свалила меня.

Факты, изложенные касательно т. Ванникова, я обязан изложить опять же не потому, что мне т. Ванников лично что-либо сделал. Я буду рад, если эти факты не имеют значения.

О моей вине по работе в аппарате [Специального] комитета.

В начале организации аппарата Берия предложил мне (под предлогом необходимости следить за соблюдением секретности) взять в аппарат в качестве помощника чекистку т. Леонову (быв[шую] жену начальника Следственного отдела МВД и в настоящее время жену Ордынцева). Леонова (как это видно сейчас, она была приставлена также и для слежки за мной) запустила канцелярию, и мне не удалось из-за занятости, а в последнее время из-за болезни проверить ее работу по канцелярии и по архиву и ликвидировать запущенность в секретном делопроизводстве и архиве. На это потребуется значительное время. В этом я виноват.

Свои предложения об использовании архива б[ывшего] Спецкомитета я изложил отдельной запиской вместе с т. Коробовым.

Считаю, что архив важнейших документов (в том числе переписку уполномоченных, которая шла помимо меня, переписку с МГБ и, самое главное, архив из 646 важнейших постановлений и решений) надо сохранить и тщательно просмотреть. Постепенная передача документов б[ывшего] Спецкомитета в министерство совершенно недопустима.

За короткий срок трудно, т. Маленков, вспомнить деятельность комитета за 8 лет работы и оценить, все ли правильно делалось нами под руководством Берия. Если ЦК и правительством будет признано полезным использование меня для этой цели, я честно выполню любое поручение.

В. Махнев, 11 июля 1953 г.

Приложение 2

Постановление июльского Пленума ЦК КПСС 1953 года

Наша партия должна извлечь из дела Берия политические уроки и сделать необходимые выводы для своей дальнейшей деятельности.

Первое. Необходимо укрепить партийное руководство во всех звеньях партии и государственного аппарата. Устранить сложившиеся за последние годы серьезные ненормальности в партийной жизни и методах партийного руководства. Задача состоит в том, чтобы обеспечить точное выполнение выработанных Лениным принципов партийного руководства и норм партийной жизни, строгое соблюдение требований Устава КПСС о сроках созыва партийных съездов, Пленумов ЦК, регулярной работе всех центральных и местных партийных органов.

Высший принцип партийного руководства в нашей партии — коллективность руководства. Только коллективный политический опыт, коллективная мудрость Центрального Комитета, опирающегося на научную основу марксистско-ленинской теории, обеспечивает правильность руководства партией и страной, незыблемое единство и сплоченность рядов партии, успешное строительство коммунизма в нашей стране. Задача состоит в том, чтобы во всех партийных органах на деле строжайше соблюдать принципы коллективного руководства.

Необходимо регулярно проверять работу всех организаций и ведомств, покончить с бесконтрольностью работы любого работника, какой бы он пост ни занимал, памятуя, что партийное

руководство всеми организациями является главным условием успешной их работы. И, наоборот, уход из-под партийного контроля ведет неизбежно к провалам в работе и к загниванию работников.

Второе. Необходимо исправить создавшееся за ряд лет неправильное положение, когда Министерство внутренних дел фактически ушло из-под контроля партии. Одной из причин, почему оказались возможными авантюристические, антипартийные и антисоветские попытки Берия поставить МВД над партией и правительством, является то, что в течение многих лет складывались неправильные, ненормальные отношения между партией и органами министерства внутренних дел. Министерство внутренних дел приобрело непомерно большое влияние в системе социалистического государства. Фактически на протяжении уже ряда лет был утрачен действенный контроль партии, коллективного руководства партии над органами министерства внутренних дел. Все это давало возможность различным карьеристам и авантюристам, врагам партии, пробравшимся в МВД, пытаться использовать аппарат МВД для терроризирования, запугивания и опорочивания честных, преданных делу коммунизма кадров партии и Советского государства. Больше того, как выяснилось теперь, карьеристские, враждебные элементы в аппарате МВД пытались подтачивать, опорочивать руководящие кадры партии вплоть до видных ее деятелей.

Партийные организации обязаны взять под систематический и неослабный контроль всю деятельность органов Министерства внутренних дел в центре и на местах. Это является не только правом, но и прямой обязанностью партийных организаций. Необходимо серьезно укрепить органы МВД партийными работниками, значительно усилить партийно-политическую работу среди чекистов, подавляющее большинство которых, несомненно, является честными и добросовестными людьми, воспитывать их в духе беззаветной преданности нашей партии, советскому народу, социалистической Родине.

Третье. Необходимо во всей работе партийных и советских организаций всемерно повышать революционную бдительность коммунистов и всех трудящихся. Следует помнить и никогда не забывать о капиталистическом окружении, которое засылает и будет засылать в нашу среду своих агентов для подрывной деятельности. При подборе кадров необходимо отрешиться от делаческого подхода, строго соблюдать партийные принципы подбора работников по их политическим и деловым качествам.

Четвертое. Сила и непобедимость Коммунистической партии — в ее неразрывной связи с народом. Партийные организации обязаны постоянно укреплять и расширять связи партии с массами, чутко относиться к запросам трудящихся, проявлять повседневную заботу об улучшении материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей, памятуя, что забота об интересах советского народа является важнейшей обязанностью нашей партии.

Пятое. Священной обязанностью всей нашей партии является дальнейшее упрочение нерушимой дружбы народов СССР, укрепление многонационального социалистического государства, воспитание советских людей в духе пролетарского интернационализма и решительная борьба со всеми проявлениями буржуазного национализма. Необходимо ликвидировать последствия вредительских действий Берия в области национальных отношений.

Шестое. Социалистический строй располагает огромными преимуществами и возможностями для нового, еще более мощного подъема нашего хозяйства и культуры, для дальнейшего повышения материального благосостояния народа. У нас есть неисчерпаемые природные ресурсы, могучая первоклассная техника в промышленности и в сельском хозяйстве, высококвалифицированные кадры рабочих и специалистов. Но было бы неправильно забывать о том, что у нас есть еще и нерешенные неотложные хозяйственные задачи, особенно в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства (животноводство, овощеводство и т. д.). У нас имеются еще известные трудности роста, связанные

с решением гигантской задачи максимального удовлетворения непрерывно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся.

Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации должны мобилизовать и организовать творческие силы народа для того, чтобы в полной мере использовать наши резервы и возможности для решения всех этих задач, для успешного выполнения и перевыполнения пятилетнего плана развития СССР, задач, поставленных XIX съездом партии.

Седьмое. Насущные интересы партии требуют значительно-го улучшения всего дела партийной пропаганды и политико-воспитательной работы в массах. Необходимо, чтобы коммунисты изучали марксистско-ленинскую теорию не начетнически и догматически, чтобы они понимали творческий характер марксизма-ленинизма и усваивали не отдельные формулировки и цитаты, а существо всепобеждающего, преобразующего мир революционного учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Наша пропаганда должна воспитывать коммунистов и весь народ в духе уверенности в непобедимости великого дела коммунизма, в духе беззаветной преданности нашей партии и социалистической Родине.

Коммунистическая партия Советского Союза, созданная 50 лет тому назад гениальным Лениным, выросшая в гигантскую силу и закаленная в боях под руководством Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина великого Сталина и их соратников, отбросит прочь и пресечет всякие попытки поколебать ее единство, умалить роль партии как ведущей силы советского общества.

Советский народ под испытанным руководством Коммунистической партии будет и впредь неустанно укреплять мощь своей социалистической Родины. Советский народ и впредь будет вести борьбу за прочный и длительный мир между народами, безраздельно поддерживать последовательную политику мира,

проводимую правительством СССР, будет и впредь неустанно крепить дружбу с великой Китайской Народной Республикой, со всеми странами народной демократии. В тесном единении с народом наша партия будет уверенно и твердо идти вперед по пути строительства коммунистического общества.

Именной указатель

Абакумов В. С. 102, 104–106, 214, 237, 239, 240

Авторханов А. Г. 135, 200

Аджубей А. И. 135, 202

Алиханов А. И. 27, 28, 47

Аллилуева С. И. 85, 87, 88

Альтгаузен М. Н. 44

Альтшулер Л. В. 50

Андреев А. А. 137, 159, 170, 182, 183

Андреанов С. Н. 137

Антонов-Овсеенко А. А. 125

Арденне М. 15, 30

Артемов П. А. 132

Арутюнов Г. А. 137

Афанасьев Л. В. 250

Афанасьев Н. П. 239

Багиров К. М. 137, 145, 200, 201

Байбаков Н. К. 137

Бакрадзе В. М. 137

Батицкий П. Ф. 199

Берия С. Л. 177, 178, 200, 234

Бете Г. 21

Боте В. 15

Бочаров В. С. 19

Булгаков М. А. 18

Булганин Н. А. 17, 84, 85, 87, 89–91, 99, 120, 128–131, 137, 143, 153–156

Бургасов П. Н. 177, 179

Бухарин Н. И. 120

Быстролетов Д. А. 189, 190, 192

Вайзенборн Г. 126

Ванников Б. Л. 42, 141, 166, 178, 229, 238, 247, 252, 257

Веденин А. 180

Викторов А. П. 250

Власик Н. С. 100

Влодзимирский Е. Т. 236

Влодзимирский Л. Е. 93, 202, 203, 205, 235–241

Вовси М. С. 101

Вознесенский Н. А. 127

Волкогонов Д. А. 85

Волкотрубенко И. И. 109

Ворошилов К. Е. 84, 85, 90, 99, 120, 121, 126, 128, 137, 153, 159, 160, 170, 182, 183

Вышинский А. Я. 239

Ган О. 15, 20

Геббельс Й. 146

Гейзенберг В. 15

Герц Г. 15, 30

Гитлер А. 20, 43, 144, 146

Гладков В. П. 19

Гоглидзе Е. Ф. 226

Гоглидзе С. А. 93, 135, 202, 203, 205, 219, 221–227, 257

Голубов В. И. 101, 103, 104

Горобец Б. В. 47

Грабовский М. П. 229

Гринштейна А. М. 101

Деканозов В. Г. 202, 203, 205, 213, 216–218

Дубовой Г. Б. 250

Евтушенко Е. А. 16

Ежов Н. И. 120, 192, 207, 212, 236, 245

Епишев А. А. 130

Жданов А. А. 97, 98

Жемчужина П. С. 101, 195
Жуков Г. К. 17, 132, 177, 201
Жучихин В. И. 249

Завенягин А. П. 29, 30, 41, 137, 141,
162, 167, 170, 229, 247–250
Заковский Л. М. 194
Зельдович Я. Б. 255
Зенченко В. П. 45
Зенькович Н. А. 20, 122
Зернов П. М. 259

Иванов В. Г. 238
Игнатьев С. Д. 86, 98–101, 108, 127

Каганович Л. М. 84, 85, 87, 90, 99,
109, 121, 129, 131, 137, 154–
157, 167, 171, 181–183
Калашников М. П. 179
Каменев Л. Б. 120
Капица П. Л. 40, 49
Карпов В. В. 201
Кауль А. И. 210
Кацнельсон З. Б. 210
Келдыш В. В. 48
Келдыш М. В. 48
Кикоин И. К. 27, 28
Кирова С. М. 212
Кобулов А. З. 135, 218, 242–244, 257
Кобулов Б. З. 93, 135, 195, 196, 202,
203, 205, 213, 218–221, 237,
240, 242, 257
Коварский В. А. 22
Коган Б. Б. 101
Конев И. С. 199
Коротко Н. 180, 181
Косыгин А. Н. 164
Круглов С. Н. 93, 132, 180–182, 221,
244–246
Кузнецов А. А. 120, 127
Кузнецов Ф. Ф. 44

Курчатов И. В. 25–29, 42, 43, 48, 49,
230, 255, 259

Лаврентьев О. А. 256
Леонтович М. А. 256
Литвин М. И. 194, 222
Лозгачёв П. В. 86, 87
Локтионов А. Д. 238, 240
Лукомский П. Е. 87
Лысенко Т. Д. 50
Людвигов Б. А. 185, 186, 221
Лященко К. П. 45, 46

Мак-Миллан Э. 26
Македонская В. А. 19
Маленков Г. М. 84–87, 89–92, 96, 99,
100, 106, 113, 115, 118, 120,
121, 123, 126–129, 131, 132,
137–142, 145, 148, 149, 151,
153–156, 158, 162, 163, 167,
172, 183, 201, 202, 216, 220,
221, 227
Малышев В. А. 133, 137, 156, 160,
249, 259
Мамулов С. С. 196
Марголин Н. В. 237
Мартиросян А. Б. 179, 180
Медведев Ж. А. 84
Медведева Н. С. 42
Мельников Л. Г. 111
Меркулов В. Н. 105, 202, 203, 205–
216, 218, 239–241, 257
Меркулов Р. В. 213
Мешик П. Я. 135, 136, 138, 154, 202,
203, 205, 228–235, 257
Микоян А. И. 84, 90, 99, 126, 131,
137, 145, 159–162, 164
Мильштейн С. Р. 233–235
Минц А. Л. 257
Мирзаханов И. А. 109
Михайлов Н. А. 137, 200
Михоэлс С. М. 101–105

- Молотов В. М. 25, 49, 50, 84, 87, 90,
99, 118, 120, 126, 128, 129, 131,
137, 149–156, 159, 160, 171,
182, 217, 244, 255
Москаленко К. С. 132, 199, 200
Мотинов П. С. 44
Музруков Б. Г. 43, 44
- Негин Е. И. 259
Неговский В. А. 88
Нейман Дж. 21
Новиков А. А. 113, 115
Новиков В. Н. 250, 251
Новиков С. П. 201
Новоселов В. Н. 42
Ноддак И. 20
- Огольцов С. И. 102–104
Оппенгеймер Р. 20, 27
Орджоникидзе Г. К. 134, 212, 248
Ордынцев Г. А. 186
Орджоникидзе Г. К. 182
- Павлов В. С. 96
Павлов Н. И. 252, 257
Павлуновский И. П. 210, 211
Пайерлс Р. Э. 21–23
Парамонов Б. М. 124
Паршев А. П. 122
Патоличев Н. С. 137
Первухин М. Г. 25, 26, 84, 90, 99
Петров Н. В. 206, 207
Пихоя Р. Г. 92, 118, 127, 120, 150, 153
Погожин Н. С. 19
Прудникова Е. А. 179
- Рабинович И. М. 237
Раззаков Ф. И. 226
Ракоши М. 146
Ранкович А. 175, 186
Ранкович А. 139
- Риль Н. В. 15, 30, 50
Родос Б. В. 238, 239
Рокк В. 213
Руденко Р. А. 132, 135, 184–188, 195,
196, 199, 222, 225, 227, 239
Рухадзе Н. М. 108
Рычагов П. В. 238, 240
Рэймонд Э. 31, 37–39
Рэймонд Э. 36
Рюмин М. Д. 97, 98, 105, 106, 116,
127
Рясной В. С. 130, 246, 247
- Сабуров М. З. 84, 90
Сабуров М. З. 99
Савицкий К. С. 196, 225
Савченко С. Р. 130
Санников Г. З. 234
Саркисов Р. С. 135, 180, 187, 188
Сафонов Г. Н. 132
Сахаров А. Д. 256
Сегизбаев С. С. 237
Сердюк З. Т. 137, 154
Серов И. А. 130, 221
Симон Ф. 22
Славский Е. П. 41–44, 46
Смирнов Ю. Н. 48
Смушкевич Я. В. 238, 240
Снечкус А. Ю. 137
Соболев С. Л. 16
Соболев С. С. 16, 17
Сталин В. И. 221
Сталин И. В. 20, 21, 25, 28, 31,
40, 42, 43, 49, 84–92, 97,
99, 100, 102–106, 108, 117–
120, 122, 124, 126, 127, 129,
130, 134, 135, 138, 140–144,
146, 148, 153–156, 158, 160–
162, 164, 166, 167, 170, 172,
174, 179, 182, 183, 185, 192,
194, 202, 209–215, 217, 218,
220, 221, 232, 233, 239, 240,
243–248, 251, 257, 258

Стафф Д. 124
Строкач Т. А. 135, 136, 138, 139, 154, 173
Судоплатов П. А. 26–28, 180, 244
Сысоев П. А. 250

Тамм И. Е. 256
Тевосян И. Т. 137, 168
Теллер Э. 21
Тельман И. 233
Тимашук Л. Ф. 97
Тито И. Б. 117, 139, 140, 175, 186
Ткаченко И. М. 250, 251
Толстиков В. С. 42
Тольц В. С. 132, 203
Томсон Д. П. 22
Третьяков А. Ф. 87, 90

Улам С. 21
Успенский А. И. 194

Фейман Р. Ф. 51
Ферми Э. 15, 20
Филдинг Г. 137
Фитин П. М. 213
Фриш О. 20
Фукс К. 21

Хальбан Г. 22
Харитон Ю. Б. 30, 48, 50, 255, 259
Хейфец Г. 27
Хогертон Ф. 31, 32
Хогертон Ф. 34, 36

Хрусталёв И. В. 86
Хрущёв Н. С. 17, 84–91, 99, 100, 106, 119–123, 126–131, 134–138, 142–151, 153–156, 161, 162, 171, 177, 182, 195, 201, 202, 205, 209, 216, 221, 222, 227, 244, 247–250, 256–258, 260
Хрущёв С. Н. 88

Цанава Л. Ф. 102–104, 225

Черномырдин В. С. 96

Шаталин Н. Н. 137
Шахурин А. И. 113, 115
Шварцман Л. Л. 239
Шверник Н. М. 159, 200
Шепилов Д. Т. 92, 128
Широков В. Н. 212
Штерн Г. М. 240
Штрасман Ф. 20
Шубняков Ф. Г. 103

Щёлкин К. И. 255
Щербаков А. С. 98

Эйнгорн Я. А. 237

Ягода Г. Г. 120, 236
Яковлев А. Н. 222
Яковлев Н. Д. 109
Янковский Я. С. 239

Издательская группа

URSS

представляет

Зачем нужна теория сложных систем?

И как это автор осмелился
дать книге такое громкое название:
«Как работает природа»?

Ответ прост и лаконичен — в отличие от других теорий, описывающих те или иные отдельные сложные системы, **самоорганизованная критичность** — первая общая теория сложных систем, базирующаяся на прочном математическом фундаменте.

Модели самоорганизованной критичности в своем большинстве имеют дело с абстрактными сущностями, и их построение и исследование скорее может трактоваться как создание языка, нежели как описание реальных систем. Однако уже сейчас делаются попытки говорить на этом языке о **сейсмической активности**, о **солнечных вспышках**, строить математические модели, опирающиеся на геофизическую информацию...

Междисциплинарность обсуждаемой Пером Баком теории привела к тому, что ее весьма активно начали развивать и использовать в контексте **социальноэкономики**, чтобы выявить причины **биржевых крахов**, проследить механизмы их возникновения и выделить предвестники, предшествующие подобным событиям... Важный вопрос касается и **предсказуемости поведения** таких сложных систем, как **земная кора, фондовый рынок, биосфера** и другие подобные объекты. Еще 30 лет назад многие крупные ученые считали задачу **прогноза землетрясений** неразрешимой, а то и вовсе лежащей вне научного поля.

Издательская группа

URSS

представляет

Стивен Вайнберг • Космология

Фундаментальный труд

нобелевского лауреата,
автора книг «Гравитация и космология» и «Квантовая теория поля»

Стивена Вайнберга

Эта монументальная монография обобщает результаты прогресса, достигнутого за последние два десятилетия в современной космологии. Она является уникальной по охвату материала, манере его изложения и тщательности математической проработки. Цель книги – дать замкнутое описание космологии, а также идей и формул, которые используются и проверяются в современных космологических наблюдениях. Впервые в рамках одной книги собран столь всеобъемлющий материал по современному состоянию теории.

В книге не просто сообщаются результаты, полученные численными расчетами, но делается упор на аналитическое описание космологических явлений, позволяющее проникнуть в их суть. В «Космологии» детально описываются многие самые смелые современные идеи, которые редко встречаются в обзорах по космологии и для изучения которых надо погружаться в специальные статьи. В монографии также представлены актуальные измерения космологических параметров, для того чтобы дать читателю представление об успехах наблюдательной науки.

П. Г. Куликовский • Справочник любителя астрономии

П. Г. КУЛИКОВСКИЙ

**СПРАВОЧНИК
ЛЮБИТЕЛЯ
АСТРОНОМИИ**

Трудно представить себе русского астронома, который не пользовался бы «Справочником любителя астрономии» Куликовского.

Эта книга, успешно выдержавшая несколько переизданий, заняла место на рабочем столе почти каждого астронома – как любителя, так и профессионала. Обширный справочный материал каждого нового издания полностью обновляется с учетом новейших данных, что делает «Справочник» одной из самых полезных практических книг по астрономии. В нем излагаются задачи и методы современной астрономии, дается описание небесных объектов – звезд, планет, комет и др. Описываются методы астрономических наблюдений, доступных скромным средствам любителей.

Издательская группа

URSS

представляет

Ю. С. Владимиров • Между физикой и метафизикой

Ю. С. Владимиров

МЕЖДУ ФИЗИКОЙ И МЕТАФИЗИКОЙ

Цикл работ посвящен становлению фундаментальной теоретической физики в нашей стране. В книгах этого цикла рассказывается о природе пространства-времени, о его ключевых свойствах (размерности, метрике, сигнатуре и т. д.), о гипотезах происхождения и эволюции мира, о построении единой теории взаимодействий, о соотношении науки, философии и религии.

Книга 1
**Дилемма
вопреки**

Период от начала XX века до 1960-х годов. Свойства и сущность пространства-времени и его связи с физическими взаимодействиями. Несоответствие принципов новой физики догматам марксистско-ленинского диалектического материализма, которое отразилось на развитии отечественной науки и на судьбах ведущих физиков-теоретиков первой половины XX века.

Книга 2
**По пути
Клиффорда-
Эйнштейна**

История развития в СССР в середине XX века принципов общей теории относительности, а также более глобальных идей о сущности пространства-времени и геометризации всей физики. Взгляды ведущих отечественных ученых того времени на ключевые проблемы этого фундаментального раздела физики, их собственные идеи. Метафизический анализ физических теорий и программ по геометризации физических понятий и закономерностей.

Книга 3
**Геометрическая
парадигма:
испытание
временем**

Развитие в 1970–1980-е годы принципов общей теории относительности. Попытки ревизии и замены этих идей в СССР. Смена поколений физиков-гравитационистов. Деятельность секции гравитации ИТС Минвуза СССР, ее упразднение и рождение Всесоюзного гравитационного общества. Метафизический анализ доминировавших в те годы идей, попытка определения среди них наиболее перспективных программ.

Книга 4
**Вслед за
Лейбницем
и Махом**

Развитие реляционного подхода к природе пространства времени и концепции дальности действия. Идеи Э. Маха и их роль в становлении теории относительности; дискуссии 1920–1930-х годов в СССР. Суть работ Р. Фейнмана и Дж. Уилера 1940–1950-х годов. Исследования прямого межчастичного взаимодействия в СССР в 1960–1980-х годах; основные идеи и результаты исследований автора по бинарной геометрофизике.

Книга 5
**Космофизика
Чижевского:
XX век**

Доказательство того, что в XX веке основные идеи фундаментальной теоретической физики, как правило, выдвигались (признавались) в периоды максимальной солнечной активности или в их непосредственной близости. Анализ отечественной истории XX века через призму работ Чижевского. Воспоминания автора о коллегах, научной деятельности и жизни ученых.

Николай Алексеевич КУДРЯШОВ

Доктор физико-математических наук, профессор. Заведующий кафедрой «Прикладная математика» Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». Заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Правительства Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ветеран атомной энергетики и промышленности. Награжден нагрудными знаками государственной корпорации «Росатом»: «Академик И. В. Курчатов», «Е. П. Славский», юбилейной медалью «70 лет атомной отрасли России». Автор более 300 научных статей, опубликованных в российских и зарубежных журналах. Опубликовал несколько книг и учебных пособий.

Наше издательство предлагает следующие книги:

20144 ID 216135

Издательская группа
URSS

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru.
Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>

НАУКА В СССР • 9

Н. А. Кудряшов

БЕРИЯ И
СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ
В АТОМНОМ ПРОЕКТЕ
Судьба
Лаврентия
Берия

